

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 8 (74). № 3

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Джалал А. К. – д-р экон. наук, проф.;

Ершова С. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Климовец О. В. – д-р экон. наук, проф.;

Климчук С. В. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Насырова Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Казахстан;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Стародубцева Е. Б. – д-р экон. наук, проф.;

Шмарловская Г. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № ____ от 23 декабря 2022 г.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4,

Подписано в печать _____ 2022 г. Формат 70x100 1/16.

9,5 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № НП/753. Бесплатно.

Дата выхода в свет «__» _____ 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecomana.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022 г.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЗИНОВЬЕВА Ф. В., ДУДКО В. А.
«РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУЧНОЙ ШКОЛЫ»**

Вельгош Н. З.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: nvelgosh@mail.ru

В представленной на рецензию монографии Зиновьева Ф. В., Дудко В. А. рассматривается развитие кадрового потенциала на примере одной из региональных научных школ, а также практика деятельности научного коллектива не только предшествующих поколений, но и современной практики.

Ключевые слова: Зиновьев Ф. В., Дудко В. А., научная школа, кадровый потенциал.

ВВЕДЕНИЕ

Решение проблем эффективного развития кадрового потенциала в настоящее время представляет особую ценность в контексте высокой неопределённости внешней среды, динамического развития экономики, ускорения технологического прогресса и минимизации рисков в целях повышения конкурентоспособности кадров на всех уровнях управления, а тем более в сфере научной деятельности. Именно поэтому данная проблема является объектом пристального внимания исследователей.

Существует определённая потребность в научной базе: в теории и методологии деятельности научных школ. Но, к сожалению, о научных школах и их положительном опыте рассказывается лишь в историческом плане, а опыт современных школ практически не рассматривается. А если и говорится, то речь идёт лишь о школах, которые сложились в мегаполисах, в крупных ведущих вузах. О школах, действующих длительное время, в том числе успешно функционирующих в настоящее время на региональном уровне, речи практически нет.

В этом отношении представленная монография о развитии кадрового потенциала на примере одной из региональных научных школ представляет интерес, так как в ней рассматривается практика деятельности научного коллектива не только предшествующих поколений, но и современной практики. Авторы по этой теме в течение нескольких лет опубликовали ряд статей, в которых рассмотрены различные аспекты развития кадрового потенциала авторской региональной научной школы, а затем обобщили результаты исследования в представленной монографии.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Потенциал кафедры – это интегральное отображение текущих и будущих возможностей трансформировать наличные ресурсы в эффективную научно-образовательную деятельность и, как следствие, удовлетворять интересы рынка труда и общества. Потенциал кафедры предопределяет уровень её развития и перспективы деятельности. Жизненный цикл кафедры определяет уровень её развития, а сфера деятельности формирует специфику трудовой культуры. Влияние уровня квалификации сотрудников проявляется в том, насколько возможен творческий подход

и инициатива с их стороны. Если персонал не понимает и не принимает целей руководителя, то «прививаемая» культура (профессиональная, организационная, управленческая, педагогическая, правовая, этическая, нравственная) останется только декларируемой, а истинная культура будет иной.

Конкурентоспособность представителей научной школы определяется эффективностью использования трудовых, материальных, финансовых ресурсов. Особенно важным является учёт интеллектуальных, инвестиционных, инновационных, предпринимательских, информационных, управленческих составляющих.

Трудовой потенциал является совокупностью способностей и возможностей персонала обеспечивать эффективную деятельность. Это уровень квалификации преподавателей, их деловые, профессиональные и педагогические способности, состояние здоровья и нравственность. Интеллектуальный потенциал – это совокупность интеллектуальных способностей, творческой активности сотрудников и непрерывного развития человеческого потенциала. Научный потенциал характеризует способность сотрудников вести научные исследования и разработки, направленные на совершенствование образовательного процесса и дифференциацию видов деятельности в соответствии с запросами региона.

В монографии эти аспекты нашли своё достойное отражение. Структура изложения подаваемого материала достаточно логична. В ней представлены и теоретические аспекты развития кадрового потенциала, и методические аспекты исследования затронутой проблемы, и практические аспекты формирования потенциала научной школы, его развития и эффективной реализации.

Особую ценность представляют предложенные авторами критерии и показатели оценки эффективности деятельности научной школы в отличие от критериев деятельности кафедры, в которых доминируют критерии образовательного процесса. Критерии оценки деятельности научной школы обычно рассматриваются в рамках кафедры, хотя её деятельность может выходить и за её пределы. Авторы иллюстрируют представленный подход к оценке результативности развития кадрового потенциала, давая конкретный цифровой материал в динамике (базовый потенциал, его развитие и эффективность реализации), на примере авторской научной школы.

ВЫВОДЫ

Таким образом, представленная монография «Развитие кадрового потенциала научной школы» актуальна и будет с интересом воспринята научной общественностью. Вопросы, затронутые авторами, несомненно, важны как для опытных преподавателей, так и молодых исследователей (аспирантов, соискателей ученой степени, а также магистрантов и бакалавров).

Список литературы

1. Зиновьев Ф. В., Дудко В. А. Развитие кадрового потенциала научной школы. Симферополь: ИП Бровка. 2022. 160 с.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 339.9

ПОЗИЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ ВЫСТАВОЧНО-ЯРМАРОЧНОЙ ИНДУСТРИИ

Воронина Т. В., Хедер Зуха

*Южный федеральный университет, Ростов–на–Дону, Российская Федерация
E-mail: t.v.voronina@mail.ru*

На основе сравнительного анализа исследуются позиции ближневосточного региона в мировой выставочно-ярмарочной индустрии. В качестве анализируемых отобраны абсолютные и относительные показатели: доля экспоиндустрии в региональном валовом продукте, вклад региона в производство мирового выставочного продукта, в создание рабочих мест; прямые доходы на одного экспонента; получаемые доходы на 1 м кв. выставочной площади; а также количество экспонентов и посетителей выставок. В результате исследования сделан вывод о значительном отставании стран Ближнего Востока по всем показателям развития выставочно-ярмарочной деятельности от Североамериканского, Европейского и Азиатско-Тихоокеанского регионов. Слабые позиции в целом Ближневосточного региона в мировой выставочной индустрии объясняются тем, что за исключением двух стран региона – ОАЭ и Ирана, остальные государства слабо вовлечены в эксподейтельность по причине приоритета других форм туризма, региональных военных конфликтов, нестабильной экономической и политической ситуации. Для активизации выставочно-ярмарочной деятельности в регионе предложены следующие направления, а именно: объединение усилий стран региона в продвижении выставочно-ярмарочной деятельности; широкое внедрение цифровых технологий и платформ для развития экспоиндустрии в регионе.

Ключевые слова: мировая выставочно-ярмарочная индустрия (экспоиндустрия), Ближний Восток, мировой выставочный продукт, компании-экспоненты.

ВВЕДЕНИЕ

Международная выставочная-ярмарочная индустрия (экспоиндустрия) представляет особый вид экономической деятельности, которая осуществляется в целях содействия и развития торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества стран. Международные выставки и ярмарки являются коммерческими мероприятиями, которые проходят в четко установленные сроки, в конкретном месте, информация о которых доведена до широкого круга лиц, где на основе образцов демонстрируются для публичного обозрения товары, услуги, технические решения, инновации.

Международные выставки проводятся формате B2B и привлекают экспонентов и посетителей из различных стран мира, поэтому выставочная индустрия в глобальной экономике выполняет функцию посредника для компаний любой отрасли экономики. Благодаря международным выставкам и ярмаркам, фирмы заключают контракты, обмениваются информацией, выстраивают долгосрочные деловые отношения, продвигают продукцию и новые технологии на отечественные и зарубежные рынки. Согласно данным Международной выставочной ассоциации (UFI), большая часть экономических сделок в мире заключается именно на международных выставочных площадках. Так, более 90 % транснациональных компаний мира подписывают контракты на международных мероприятиях в рамках

выставок. Эта тенденция будет только укрепляться, так как по прогнозам к 2023 году ожидается рост мировой экспоиндустрии примерно на 4 % [13].

Также отметим значительный вклад выставочно-ярмарочной деятельности (ВЯД) в мировой ВВП, который достиг 200,7 млрд долл. в 2019 году. Благодаря международным выставкам, фирмами-экспонентами был получен доход в размере 334,5 млрд долларов США, создано 3,4 млн рабочих мест в мире, в том числе 1,4 млн прямых рабочих мест [13].

Для национальных экономик экспоиндустрия генерирует стимулы для развития промышленности, торговли, индустрии гостеприимства, ресторанного бизнеса, расширяет занятость. В настоящее время роль выставочно-ярмарочной деятельности не сводится только к демонстрации товаров, услуг и информации. Она становится эффективным способом продвижения коммерческих интересов страны в лице ее национальных производителей.

Для стран Ближнего Востока выставочная деятельность способствует развитию национальных хозяйств, привлечению иностранных инвестиций в несырьевые сектора экономики, росту национального экспорта услуг.

Интерес к изучению выставочно-ярмарочной деятельности в научной литературе проявлялся по мере нарастания популярности делового туризма и роста уровня дохода от выставочно-ярмарочной деятельности в странах мира. Экспоиндустрия рассматривается как особая форма международного туризма – делового, событийного туризма [9]. В публикациях уделяется внимание основам организации выставочно-ярмарочной деятельности [4; 5]. Отмечается роль экспоиндустрии в продвижении национальных экономических интересов, выравнивания региональных диспропорций [2; 4; 6]. Авторы акцентируют внимание на роли выставок в налаживании международного сотрудничества [11; 12]; в стимулировании продаж на зарубежных рынках [15]; в популяризации местного культурного наследия [14]; в структурных изменениях национальных экономик, ее модернизации в ведущих странах и регионах-лидерах экспоиндустрии (США, ЕС, КНР) и РФ [1; 5; 6; 7]. Отдельно можно выделить работы, посвященные негативному влиянию пандемии коронавируса на динамику туристической индустрии и выставочно-ярмарочной деятельности в мире в целом и в странах Ближнего Востока, а также мерам государственной поддержки экспоиндустрии [3; 10]. Однако практически мало изученными остаются вопросы текущего состояния и перспективных направлений развития выставочной индустрии в странах Ближнего Востока.

В связи с этим цель данного исследования заключается в выявлении места ближневосточного региона в мировой выставочно-ярмарочной индустрии через проведение сравнительного анализа основных показателей ее развития с другими регионами мира, а также обосновании перспективных направлений ее активизации в регионе.

В первой части статьи обосновывается актуальность и цель, выявляется степень изученности проблемы в научной литературе. Далее на основе исследования статистических данных проводится сравнительный анализ развития выставочно-ярмарочной индустрии в государствах Ближнего Востока и других регионах мира по

ПОЗИЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ...

показателям: вклад региона в производство мирового валового продукта и мирового выставочного продукта, в создание рабочих мест; получаемые прямые доходы на одного экспонента; получаемые доходы на 1 м кв. выставочной площади; а также количество экспонентов и посетителей выставок. Результаты региональных сравнений позволили констатировать слабые позиции ближневосточного региона в мировой экспоиндустрии, что обусловило необходимость в предложениях по ее дальнейшему развитию. В заключительной части работы были сформулированы выводы по результатам исследования.

В процессе исследования авторы столкнулись с практическим отсутствием единых статистических данных о развитии выставочно-ярмарочной деятельности в странах ближнего Востока в национальной статистике, поэтому источником данных послужили материалы Международной выставочной ассоциации (UFI). Так как пандемия коронавируса чрезвычайно негативно повлияла на выставочно-ярмарочную деятельность в мире, спровоцировав в 2020 году сокращение ее на 68 % по сравнению с 2019 годом, то для анализа был взят относительно стабильный допандемический период – 2019 год.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В настоящее время по всем показателям развития лидирующие позиции в мировой выставочной индустрии занимают Североамериканский регион, Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион (табл. 1).

Таблица 1. Показатели выставочной индустрии по регионам мира в 2019 г.

Регионы	Доля выставок в РВП, %	Доля в мировом выставочном продукте, %	Вклад в прямые рабочие места, %	Прямые доходы на одного экспонента, долл.	Участники (экспоненты), %/млн	Посетители, % / млн чел.	Доходы с 1 м кв. выставочной площади, долл.
Северная Америка	46,0	42,7	39,3	88 130	34,1/1,62	31,8/92,3	17 661
Европа	28,3	31,4	27,9	78 403	28,2/1,34	26,2/112,0	6690
Азиатско-Тихоокеанский регион	21,4	21,9	26,3	54 952	28,07/1,33	25,4/89,7	5876
Центральная и Южная Америка	3,1	2,8	4,8	32 437	6,0/0,29	14,2/50,0	4666
Ближний Восток	0,9	0,9	1,0	27 120	2,7/0,13	1,8/6,5	2680
Африка	0,4	0,3	0,6	22 720	0,9/0,04	0,6/2,2	3849

Источник: составлено авторами по данным UFI.

Согласно данным таблицы 1, можно констатировать явное отставание региона Ближний Восток по отношению к другим регионам мира как по абсолютным, так и по относительным показателям экспоиндустрии.

По всем показателям развития лидирующие позиции в мировой выставочной индустрии занимают Североамериканский регион, Европа и Азиатско-

Тихоокеанский регион. На долю трех отмеченных регионов, приходится 96 % производства мирового выставочного продукта. Вклад Ближневосточного региона на этом фоне выглядит очень скромным – 0,9 %, что в 47 раз меньше показателя Северной Америки и почти в 35 раз – Европы.

По генерации рабочих мест выставки и ярмарки в странах Ближнего Востока также значительно отстают от показателей регионов-лидеров: более чем в 39 раз от Северной Америки, почти в 27 раз от Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Доходы, получаемые от проведения международных выставок, зависят от количества привлеченных компаний-экспонентов и посетителей выставок. На долю Ближневосточного региона приходится 2,7 % от совокупного числа компаний-экспонентов и 1,8 % посетителей в мире, что более чем в 12,6 и 17,6 раз меньше соответствующих показателей Североамериканского региона. А по создаваемым прямым доходам от одного экспонента Ближневосточный регион опережает лишь страны Африки.

Другим важным показателем для региональных сравнений, является окупаемость выставочно-ярмарочных площадок. По окупаемости 1 кв. метра выставочных площадей Ближневосточный регион уступает в 6,6 раз Северной Америке, в 2,5 раза Европе и 2,19 раз Азиатско-Тихоокеанскому региону.

Скромные позиции Ближневосточного региона в мировой выставочной индустрии объясняются тем, что несмотря на наличие в регионе крытых крупных выставочных центров и достаточно развитой инфраструктуры для таких бизнес-мероприятий, тем не менее только на 2 страны – ОАЭ и Иран приходится 60 % (300 выставок в 2019 г.) всех проводимых международных выставок и 57,9 % всех выставочных площадей региона (таблица 2).

Таблица 2. Распределение выставочных комплексов по странам Ближнего Востока на 2019 г.

Страна	Количество выставок	Закрытая выставочная площадь, тыс. м.кв.
ОАЭ	180	276,5
Иран	120	250
Саудовская Аравия	44	51,5
Оман	21	13
Кувейт	19	30
Ирак	16	59,5
Катар	11	78,8
Ливан	10	45,5
Бахрейн	8	15,4
Иордания	7	12,1
Сирия	7	76,5

Источник: составлено авторами по данным UFI

Остальные государства Ближнего Востока даже при наличии выставочных площадей (Сирия, Ирак, Ливан), слабо вовлечены в выставочно-ярмарочную деятельность по причине приоритета других форм туризма, региональных вооруженных конфликтов, нестабильной экономической и политической ситуации.

ПОЗИЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ...

Однако по сравнению с допандемическим 2019 годом можно отметить в первой половине 2022 года рост доходов на 56 % у более половины компаний ближневосточного региона, участвующих в международных выставках и ярмарках (рисунок 1).

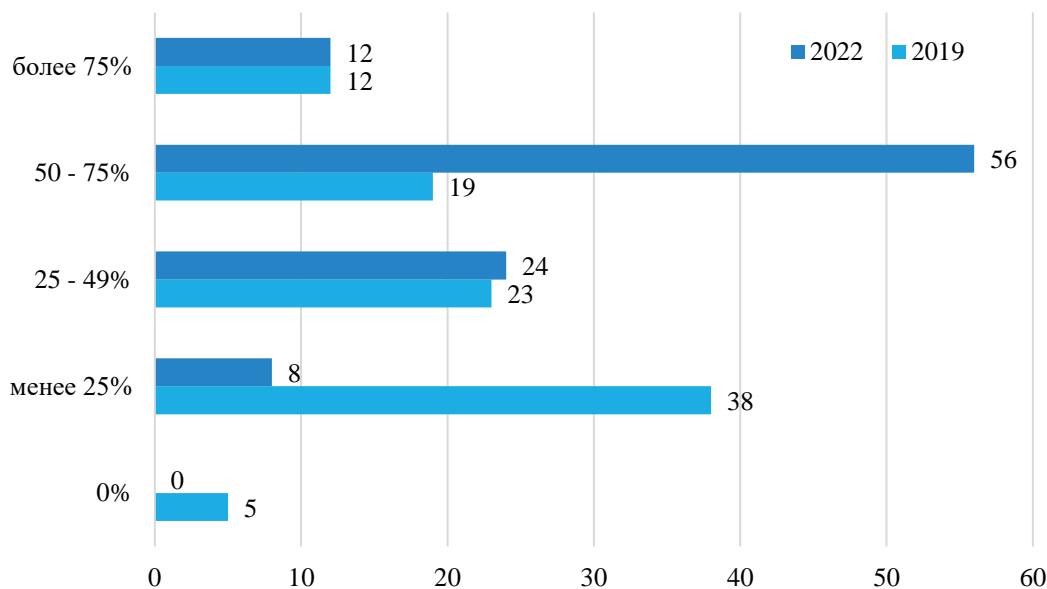

Рисунок 1. Изменение доходов компаний стран Ближнего Востока, задействованных в выставках в 2019 – июнь 2022 гг., %.

Источник: составлено авторами по данным UFI

В настоящее время развитие мировой экономики протекает в довольно сложных условиях, поэтому принципы ее функционирования меняются. Именно сейчас у многих стран, которые до этой поры считались «бедными», «развивающимися», появляется шанс заявить о себе в мировой экономике. В условиях высокой стоимости и сложности реализации международных проектов выставочно-ярмарочной деятельности на рынках стран Северной Америки (США, Канады) и Европы, большинство из которых являются лидерами рынка, будет происходить поиск новых, более доступных территорий для проведения выставок. Этим моментом необходимо правильно воспользоваться правительствам стран Ближнего Востока. Принимая во внимание прогнозируемый рост мировой выставочной индустрии в 2023 году на 4 %, а также текущие скромные позиции ближневосточного региона в мировой экспоиндустрии, сформулируем направления, которые будут способствовать активизации выставочно-ярмарочной деятельности в странах Ближнего Востока, их потенциальное позитивное влияние на экономику региона и необходимые меры поддержки на уровне государств (таблица 3).

Таблица 3. Направления по активизации развития выставочно-ярмарочной деятельности в странах Ближнего Востока

Направления развития ВЯД	Потенциальное влияние на развитие стран Ближнего Востока	Формы и инструменты поддержки со стороны государств
<i>Региональное сотрудничество в сфере ВЯД (объединение усилий стран региона в продвижении выставочно-ярмарочной деятельности)</i>	<ul style="list-style-type: none"> – расширяется количество заинтересованных стран регион и их компаний-экспонентов; – формируются новые возможности для всех участников ВЯД региона, включая рост доходов и приток иностранных инвестиций; – повышается международный престиж и узнаваемость выставок региона; 	<ul style="list-style-type: none"> – подписание международных и межправительственных соглашений о взаимопомощи в сфере ВЯД; – установление режима наибольшего благоприятствования для стран региона, желающих провести совместные мероприятия; – налаживание внутренней инфраструктуры в регионе, в частности, развитие авиаперелетов для участников выставок.
<i>Внедрение цифровых технологий и платформ для развития ВЯД региона.</i>	<ul style="list-style-type: none"> – расширяется информированность о международных выставках и их условиях в регионе; – формируются дополнительные стимулы развития для смежных отраслей экономики; – активизируется международный туризм; – обеспечиваются гарантии безопасности мероприятий для участников из других стран. 	<ul style="list-style-type: none"> – развитие цифровой инфраструктуры городов Ближнего Востока; – повышение безопасности хранения данных об участниках ВЯД; – развитие цифровых сервисов; – электронный документооборот между участниками эксподейтельности; – гарантии безопасности проведения международных платежей и пр.

Источник: составлено авторами

Таким образом, реализация направлений по активизации развития выставочно-ярмарочной деятельности в странах Ближнего Востока раскрывает новые возможности для позиционирования региона в мировой экономике, обеспечивает дополнительные источники валютных доходов.

ПОЗИЦИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ...

Развитие выставочно-ярмарочной деятельности обладает мультипликативным эффектом, так как вовлекает большое количество смежных сфер экономики для обслуживания участников экспоиндустрии. По этой причине она способна стать эффективным способом стимулирования хозяйственных систем некоторых стран региона, заметно замедлившихся в развитии в последнее десятилетие по причине военных и социальных конфликтов (Сирия, Ливия и пр.). Кроме того, стоит отметить довольно высокий платежеспособный спрос со стороны иностранных компаний на проекты, реализуемые на территории стран Ближнего Востока, что объясняется наличием большого числа высвободившихся рыночных ниш (Сирия), освоение которых может принести в будущем солидную финансовую выгоду.

Развитие экспоиндустрии в странах Ближнего Востока обеспечивает возможность для избавления региона от негативного имиджа, сформировавшегося за долгие годы региональных войн и конфликтов, становится источником донесения до мировой общественности информации о стабилизации обстановки и безопасности посещения международных выставок в регионе. Чем больше посетителей и экспонентов будет участвовать в мероприятиях в странах Ближнего Востока, тем больше будет распространяться информация о реальном положении дел. В этой связи выставочно-ярмарочную деятельность можно рассматривать как инструмент регионального маркетинга, направленного на информирование о состоянии рынка, уровне конкуренции, свободы предпринимательства, инновациях, культуре Ближнего Востока и пр. Однако здесь чрезвычайно актуальным вопросом является обеспечение и гарантии безопасности как участников международных выставок, так и данных о них.

Очевидно, что государствам Ближнего Востока для расширения масштабов выставочно-ярмарочной деятельности в регионе необходимо решить ряд структурных проблем. Например, далеко не все страны региона смогут быстро перейти к широкому внедрению цифровых технологий. С другой стороны, реализация крупных инфраструктурных проектов по развитию выставочно-ярмарочной деятельности в регионе при условии иностранного участия приведет к формированию эффектов, которые будут способны положительным образом отразиться на благосостоянии местного населения и развитии государств региона в целом.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в заключении исследования можно сформулировать ряд выводов.

Регион Ближнего Востока по совокупному значению показателей развития выставочно-ярмарочной деятельности значительно уступает другим регионам мира, в первую очередь Североамериканскому, Европейскому, Азиатско-тихоокеанскому.

Активизация выставочно-ярмарочной деятельности для ближневосточного региона может стать дополнительным источником дохода и привлечения ПИИ в национальные экономики. Благодаря ее развитию открываются возможности для сопутствующих отраслей экономики, для создания новых бизнес-процессов и раскрытия внутреннего потенциала стран региона. Принимая во внимание, что

выставочно-ярмарочная деятельность обладает высоким мультипликативным эффектом, а довольно большое число стран Ближнего Востока требует восстановления после внешнего военного воздействия, то она может рассматриваться как важнейший фактор развития и несырьевого экспорта региона.

В качестве потенциальных направлений активизации выставочно-ярмарочной деятельности в регионе предложены: объединение усилий стран региона в продвижении выставочно-ярмарочной деятельности и внедрение цифровых технологий для развития экспоиндустрии региона.

Список литературы

1. Мамедова Э. Т. Выставочная индустрия как драйвер структурных изменений в экономике // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. Научное обозрение преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов российских вузов. М.: Маска. 2017. С. 52–55.
2. Садовнича А. В. Выставочно-ярмарочная деятельность как эффективная организационная форма реализации стратегических интересов государств // Общество и реформы. 2017. №7. С. 96–109.
3. Садовнича А. В. Кризис: угрозы и возможности. Влияние пандемии на стратегию развития индустрии международных промышленных выставок // Научные труды ВЭО России. 2020. Т. 223. С. 400–405.
4. Симонов К. В. Выставочная индустрия как часть мировой хозяйственной системы // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 2 (42). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vystavochnaya-industriya-kak-chast-mirovoy-hozyaystvennoy-sistemy>.
5. Синеокая А. А. Понятие, классификация и значение ярмарок и выставок // Научный журнал. 2022. № 2. С. 55–58.
6. Сулейманова К. А. Выставочная индустрия за рубежом в 2020 году – анализ и перспективы развития // Московский экономический журнал. 2020. № 6. С. 502–512.
7. Яровая Н. С., Руденко Я. Н., Французов В. А. Россия как сегмент международного рынка выставочных услуг // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 632–636.
8. Global Economic Impact of Exhibitions (August 2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2022/09/OE-UFi_Global_Exhibitions_Impact_August_2022.pdf
9. Ramirez C. A. A. San Carlos City, Negros Occidental: Prospects and Perspectives as Meetings, Incentives, Conventions, and Exhibitions Destination. Philippine Social Science Journal, 2021. 4 (2), P. 90–103.
10. The Exhibition Industry & COVID–19 in the MEA Region. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2020/10/MEA_GOVt_SUPPORT_Oct_2020.pdf
11. Vdovichena O. G., Vdovichen A. A. Potential of exhibition and fair activity in overcoming regional disproportions: monograph. Chernivtsi, Chernivtsi Trade and Economic Institute of KNUTE, 2016. 288 p.
12. Vdovichena O. G. Management of development of exhibition-fair activities of border regions in conditions of international cooperation and european integration. Mechanisms of interaction between competitiveness and innovation in modern international economic relations: collective monograph. 2017. Vol. 3. P.109–125.
13. UFI Global Exhibition (2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2022/02/28th_UFI_Global_Barometer_february_2022.pdf
14. 2020. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.univ-jijel.dz:8080/xmlui/handle/123456789/8945>
15. حالة :غرفة التجارة والصناعة مزي بالاغواط. مجلة آفاق للبحوث والدراسات. 2019. Vol. 2. № 2, P. 31–43. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/125964>

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 332:[334.012.82]:330.30

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ

Горда О. С., Горда А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx2777@mail.ru

Обоснованы стратегические приоритеты регулирования пространственной организации бизнеса в регионе, которая на основе согласования деятельности регуляторных органов, формализованных норм государственной региональной политики и перспектив развития национальной пространственной политики должна быть направлена на создание рамочных условий гармонизации взаимоотношений субъектов бизнеса и государства посредством форм, методов, рычагов организационно-управленческого, нормативно-правового и финансово-экономического влияния административных органов управления (государственных, региональных, местных) в сфере экономического развития для достижения максимальных региональных социально-экономических эффектов от пространственной интеграции бизнеса.

Ключевые слова: интеграция, пространственная организация бизнеса, пространственная интеграция бизнеса, социально-экономическое развитие региона, стимулирование пространственной интеграции бизнеса, политика пространственной организации бизнеса.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях новейших трендов сетевизации, кластеризации, интеллектуализации и цифровизации общественно-экономических процессов пространственная интеграция бизнеса (ПИБ) является одним из основным факторов обеспечения конкурентоспособности региона. Пространственная интеграция, базирующаяся на объединении производственных, интеллектуальных и финансовых ресурсов для инновационного и инфраструктурного развития, способствует повышению самодостаточности территориальных общин через локализацию деловой активности, формированию «точек роста» и инновационному лидерству, развитию межрегионального и внутрирегионального сотрудничества, формированию мощных производственных центров, повышению капитализации бизнеса и региона, росту их конкурентного статуса в целом.

ПИБ через сетевые и кластерные формы взаимодействия позволяет объединить усилия бизнес–структур, научно-образовательных учреждений, государственных структур, экспертных кругов, общественных организаций и других участников, что приводит как к достижению взаимовыгодных пространственных эффектов (мультипликативного, инфраструктурного, инновационного, финансового, управленческого и т. д.), так и к формированию мощных интегрированных объединений с высоким экономическим потенциалом. Поэтому исследование стратегических приоритетов регулирования пространственной интеграции бизнеса для обеспечения социально-экономического развития региона, безусловно, является актуальной и своевременной задачей.

Вопросы пространственной организации экономики и пространственной оптимизации размещения отдельных видов экономической деятельности

рассматривались в исследованиях ряда ученых: А. Леш, Й. Тюнен, В. Изард, П. Хаггет, В. Лаунхардт, П. Кругман, М. Фуджита, М. Портер, М. Кастельс и др. Среди отечественных ученых, изучавших вопросы пространственного развития и обоснования действенных организационно-институциональных и экономических механизмов регулирования пространственной интеграции бизнеса, следует отметить таких исследователей, как: Амирова Э. А. [1], Белоусова С. В. [2], Булатова З. А. [3], Бухвальд Е. М. [4], Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С., Косенкова Ю. Ю. [5], Гурович А. М. [6, 7], Чистов И. В. [7], Домнина И. Н. [8], Зойдов К. Х., Урунов А. А., Омарова З. К., Усманов Д. И. [9], Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М. [10], Котов А. В. [11], Краснопольский Б. Х. [12], Молчанов И. Н. [13], Царенко И. В., Урасова А. А., Баландин Д. А. [14], Никитина М. Г. [15, 16], Побирченко В. В., Шутаева Е. А., Мираньков Д. Б. [15], Кузнецов М. М. [16] и др. Однако анализ публикаций сквозь призму современных вызовов регионального развития позволяет говорить о недостаточности системных исследований потенциала пространственной интеграции бизнеса в контексте влияния на социально-экономическое развитие региона. Также необходимы дальнейшие исследования теоретических и практических аспектов разработки стратегических приоритетов регулирования пространственной организации бизнеса в регионе.

Целью статьи является углубление теоретико-методических основ развития пространственной интеграции бизнеса и обоснование стратегических приоритетов регулирования пространственной организации бизнеса в регионе.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Информатизация и глобализация мирового экономического пространства в современных условиях задает качественно новый вектор интегрированного развития национальных и региональных общественно-экономических систем. Субъекты бизнеса рассматривают пространственно-экономическую интеграцию как инструмент снижения конъюнктурных и финансовых рисков, способ диверсификации операционной деятельности и наращивания уровня контроля над целевыми рынками сырья и сбыта, а также как возможность получения синергетических и мультипликативных эффектов от интеграции. Регионы, в свою очередь, как ключевые игроки на макроэкономической арене, рассматривают формирование и развитие интеграционных процессов в бизнесе в качестве движущей силы, стимула социально-экономического развития региона, повышения конкурентного статуса его территории и, как следствие, роста уровня благосостояния населения.

Постепенное размывание четких географических координат и административных барьеров локализации деловой активности вносит в повестку дня вопросы разработки новой модели (концепции) политики регулирования процессов пространственной организации бизнеса. Такая концепция на основе учета интересов всех контрагентов процессов пространственной организации бизнеса (ПОБ) должна заключаться в формировании взаимовыгодной модели согласования целей, принципов, методов и инструментов регулирования, управления и стимулирования

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

процессов развития бизнеса в региональных системах с целью достижения максимальных пространственно-экономических, социальных, бюджетных, инновационных и других эффектов. В частности, эффекты от пространственной интеграции бизнеса, достижению которых способствует политика пространственной организации бизнеса, находят свое «физическое» выражение в таких контрольных показателях, как:

- рост объемов бюджетных отчислений от существующих интегрирующихся хозяйственных субъектов или субъектов начинающих совместную деятельность в рамках новообразованной интегрированной формы пространственной организации бизнеса;
- расширение возможностей финансирования социальных региональных программ и проектов на основе прироста бюджетных поступлений;
- рост уровня делового доверия, этики и корпоративной культуры интегрированных структур и их более тесное привлечение к формированию регионального и межрегионального экономического диалога;
- повышение уровня инновационности производств и ускорение процессов освоения новых и прогрессивных видов техники и технологий;
- рост общего уровня прибыльности бизнеса в регионе в результате укрупнения и интеграции производственных и финансовых бизнес-процессов;
- улучшение конкурентного статуса и международной узнаваемости региона в глобальном экономическом пространстве.

Достижение синергетического эффекта от формирования новой модели (концепции) политики регулирования процессов пространственной организации бизнеса возможно при эффективном взаимодействии всех компонентных составляющих: информационно-инфраструктурной, организационно-управленческой и финансово-экономической.

Информационно-инфраструктурная составляющая политики пространственной организации бизнеса призвана осуществлять операционное, аналитическое, функциональное и информационное сопровождение процессов пространственной организации (интеграции) бизнеса через сеть целевых сервисов сопровождения предпринимательской деятельности и инфраструктуры поддержки предпринимательства как на региональном, так и на национальном и международном уровне (рис. 1.).

Информационно-инфраструктурная составляющая политики пространственной организации бизнеса предполагает необходимость функционирования института продвижения пространственной организации бизнеса. Такие задачи могут выполнять существующие или вновь созданные отделы в рамках функциональных обязанностей органов регионального управления и местного самоуправления (отделы инноваций, инвестиций экономических департаментов), или соответствующие функции могут быть возложены на институты поддержки бизнеса (отраслевые ассоциации предпринимателей, агентства развития, торгово-промышленные палаты и т. п.).

Среди ключевых задач института продвижения пространственной организации бизнеса, в первую очередь, следует выделить:

- исследование актуального состояния развития предпринимательства и количественно-качественных составляющих экономического развития;
- обеспечение информационного доступа перспективных субъектов бизнеса к

- инвестиционным, инновационным, кадровым ресурсам для интеграции;
- позиционирование среди потенциальных инвесторов привлекательных сторон пространственной интеграции бизнеса;
 - сведение в формат двусторонних переговоров субъектов бизнеса на форумах, деловых встречах, тематических заседаниях.

Рисунок 1. Информационно-инфраструктурная составляющая политики пространственной организации бизнеса.

Составлено авторами.

Организационно-управленческая составляющая политики пространственной организации бизнеса включает систему законодательных, исполнительных и партнерских органов, институций и субъектно-объектных взаимодействий по

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

организации и регуляторному управлению процессами пространственной организации бизнеса (рис. 2.).

Рисунок 2. Организационно-управленческая составляющая политики пространственной организации бизнеса.

Составлено авторами.

Синтез составляющих политики пространственной организации бизнеса на основе надлежащего институционального обеспечения и учета возможностей местного самоуправления позволяет обеспечить эффективное развитие национальной экономики на основе новой пространственной платформы организации экономической деятельности. Пространственная платформа организации экономической деятельности за счет сетевых эффектов должна способствовать достижению следующих стратегических целей:

- формирование новых точек экономического роста, активизация местных бизнес-инициатив и инновационности в организации деловой активности в регионе;
- усиление межрегионального, международного экономического сотрудничества и развития здоровой и конкурентной бизнес-среды;
- выравнивание региональных социально-экономических диспропорций;
- наращивание экономического и социального потенциала существующих и вновь объединенных территориальных общин;
- рост уровня прибыльности бизнеса и трудовых доходов граждан в регионе;
- создание условий для ускоренного социально-экономического развития и роста социальных стандартов и качества жизни;
- обеспечение социально-экологической устойчивости локальных общественных систем в пределах единого национального социально-экономического пространства.

Главной целью политики пространственной организации бизнеса является создание рамочных условий гармонизации взаимоотношений субъектов бизнеса и государства посредством форм, методов, рычагов организационно-управленческого, нормативно-правового и финансово-экономического влияния административных органов управления (государственных, региональных, местных) в сфере экономического развития для достижения максимальных региональных социально-экономических эффектов пространственной организации (интеграции) бизнеса. Таким образом, достижение цели пространственной политики организации бизнеса предполагает, в конечном итоге, обеспечение нового качества экономического роста регионов, что проявляется в:

- 1) ускорении развития высокотехнологичных, инновационных, высококонкурентных производств товаров и услуг в регионах и их подключение к мировым финансово-экономическим потокам;
- 2) интенсификации взаимосвязей в предпринимательской среде и достижении положительной динамики интегрированного социально-экономического развития территорий на основе передачи импульсов развития периферийным локалитетам и формирование в них новых центров деловой активности и потенциалов экономического роста;
- 3) достижении высоких стандартов качества жизни и благосостояния населения на основе роста трудовых доходов и доходности бизнеса.

Политика пространственной организации бизнеса призвана, прежде всего, следовать критерию единства экономического пространства как в территориальном, институциональном, так и метафизическом понимании (как

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

сферы существования интеграционных процессов), что предполагает соблюдение таких принципов, как:

1) согласованности и институциональной однородности: политика пространственной организации бизнеса в контексте урегулирования процессов формирования и развития различных пространственных форм организации бизнеса функционирует в едином политико-правовом поле действующего административно-территориального устройства страны и находится в институциональном единстве с государственной региональной, социально-экономической, инновационной, градостроительной, промышленной и другой касающейся развития бизнеса политикой, а также согласуется с действующими региональными, местными стратегиями развития, региональными программами, планами и схемами пространственного планирования и формирования среды жизнедеятельности;

2) интегрированности и взаимосвязи: политика пространственной организации бизнеса формируется на основе взаимосвязей между субъектами и объектами, институтами регионального, национального и международного уровня, функционирующих в условиях интегрированного внутреннего рынка на основе свободного перемещения товаров, услуг, финансовых и интеллектуальных капиталов между различными территориями внутри страны;

3) комплексность и пространственное равновесие: политика пространственной организации бизнеса на основе сдерживающих и стимулирующих инструментов развития различных форм пространственной организации бизнеса руководствуется основами пространственно-сбалансированного развития, что предполагает распределение центров экономического влияния и плотности (интенсивности) экономических потоков развития бизнеса на внутрорегиональном, межрегиональном и национальном уровнях в целях преодоления фрагментарности социально-экономического развития регионов и достижения оптимальных пространственных пропорций развития территорий в соответствии с их ресурсным потенциалом;

4) инновационности и полицентризма: политика пространственной организации бизнеса направлена на ускоренное инновационное развитие перспективных видов экономической деятельности в рамках форм пространственной организации бизнеса и передачу инновационных импульсов развития на периферийные территории и сферы жизнедеятельности с целью формирования полицентрической модели конкурентоспособности территорий и качественной социокультурной и предпринимательской среды.

5) сотрудничество и синергия управления: политика пространственной организации бизнеса базируется на механизме сотрудничества системы институтов организации и управления процессами интеграции бизнеса и достижения на основе сетевых взаимосвязей синергетических эффектов для всех участников.

Регуляторная политика в сфере пространственной организации бизнеса, особенно его интеграционных форм, должна фокусироваться на решении следующих ключевых блоков тактических задач:

– поддержка форм пространственной организации бизнеса,

функционирующих в сегменте перспективных видов экономической деятельности, и направленных на производство товаров и услуг с высоким уровнем добавленной стоимости;

- формирование современной инфраструктуры поддержки и сопровождения предпринимательства, а также формирование благоприятной среды делового общения;

- установление режима полного содействия развитию инновационного бизнеса в вопросах регистрации, налогового администрирования, выделения земельных участков;

- трансформация структуры экономики городов и регионов в пользу бюджетобразующих, инновационных сфер, которые наиболее качественно и системно способны использовать имеющийся человеческий и инвестиционный потенциал региона;

- поддержание сбалансированного использования территории региона;

- контроль соблюдения социальных стандартов качества жизни населения

региона.

Превалирование того или иного типа регуляторной политики пространственной организации бизнеса находится в прямой зависимости от целей и форм интеграции деловой активности. В частности, мировая и национальная практика интеграции бизнеса подтверждают, что в подавляющем большинстве случаев крупный бизнес посредством поглощений и слияний интегрируется в такие интегрированные формы пространственной организации бизнеса, как мощные транснациональные корпорации, партнерства и стратегические альянсы. Малый и средний бизнес интегрирует личные материальные и нематериальные активы в пространственные формы организации бизнеса кластерного типа. Интеграция малого, крупного и среднего бизнеса реализуется в формате торговых сетей, аутсорсинга и франчайзинга.

Интеграция бизнеса в различные формы пространственной организации бизнеса обуславливается конкретными целями и коммерческими ожиданиями, которые бизнес предполагает получить от того или иного типа и формы интеграции. В частности, желание получить больший контроль на рынках сырья, продукции или сбыта обуславливает желание субъектов деловой активности интегрироваться и укрупняться в крупные интегрированные формы пространственной организации бизнеса. Такие формы, как правило, приводят к усилению таких процессов, как процессы олигополизации или монополизации экономического пространства. Эти процессы в краткосрочной перспективе несут определенные положительные эффекты как для региона (возрастают налоговые поступления, социальная ответственность бизнеса, узнаваемость региона, динамика и объемы инвестиционной деятельности), так и для бизнеса (растут масштабы деловой активности, повышается уровень капитализации компаний, растут позиции бизнеса в деловых рейтингах, увеличивается прибыльность, устойчивость и рыночное присутствие бизнеса в турбулентном экономическом пространстве). Однако в более отдаленной перспективе формирование пространственных интегрированных структур такого типа приводит к весомым деструктивным тенденциям в

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

региональной экономической системе, проявляющимся в структурно-динамических диспропорциях развития региональной экономики, в формировании барьеров для свободной конкурентной борьбы и, как следствие, в потере имиджа и конкурентного статуса региона как потенциальной площадки для иностранного и внутреннего инвестирования.

Таким образом, государственная и региональная управленческая вертикаль в ответ на вышеупомянутый формат существующей или потенциальной пространственной интеграции бизнеса должна выработать инструментарий сдерживающей политики пространственной организации бизнеса, призванной не допустить формирования или расширенного развития интеграционных структур, направленных на экспансию и контроль над рынками сырья или сбыта готовой продукции.

Инициатива формирования таких пространственных форм интеграции бизнеса, как формы зонального или ареального типа (СЭЗ, индустриальные парки и т. д.), как известно, в первую очередь, принадлежит региональным органам власти. Именно они заинтересованы в создании площадок деловой активности в стратегически важных и территориально выгодных для региона местах. Поскольку формирование указанных форм пространственной организации бизнеса не предполагает исключительно рыночных стимулов самоорганизации, для эффективного развития последних необходимо создать режим наибольшего протекционизма и содействия. Следовательно, управленческие органы региональной власти должны реализовывать протекционистскую политику пространственной организации бизнеса, предусматривающую применение механизмов и инструментов стимулирования и поощрения субъектов бизнеса вливаться в соответствующую форму пространственной интеграции.

К наиболее динамичным формам пространственной организации бизнеса в регионе относятся кластеры. Их функционирование синергетически влияет не только на участников таких интеграционных образований, но и создает предпосылки для достижения мультипликативного эффекта для регионов локализации их деятельности.

Как правило, кластеры образуются вокруг ведущей отрасли (или конкретного хозяйствующего субъекта), выполняющей в кластере ведущую системообразующую функцию. В связи с тем, что основой формирования кластера является добровольное согласие и инициатива входящих в него субъектов, то к задачам регуляторного механизма стимулирующей политики пространственной организации бизнеса входит поиск гибких инструментов поощрения представителей местной бизнес-среды к формированию и развитию экономических кластеров как наиболее эффективной на сегодняшний день формы пространственной организации бизнеса, а также поиск форм и методов интенсификации деловых бизнес-взаимодействий.

С нашей точки зрения, можно выделить по крайней мере четыре типа регулирования пространственной организации бизнеса – сдерживающее, превентивное, протекционистское и стимулирующее, отличающиеся как целями и инструментами, так и фокус-группами объектов реализации политики (табл. 1).

Таблица 1. Концептуальные подходы к регулированию пространственной организации бизнеса

Целевая функция интеграции	Получение контроля над рынками сырья и продукции для сбыта	Получение производственно-финансовых выгод и минимизация издержек	Получение инфраструктурных преимуществ	Получение синергетических импульсов для инновационного развития
Формы ПОБ	Концерны, синдикаты и т. п.	ТНК, финансово-промышленные группы, холдинги, стратегические альянсы и т. д.	Индустриальные парки, свободные экономические зоны и т. п.	Кластеры
Эффекты пространственной интеграции для бизнеса	Рост контрольной доли бизнеса на сырьевых и товарных рынках; повышение уровня капитализации; рост рыночного присутствия бизнеса в экономическом пространстве	Рост масштабов деловой активности; реализация крупных инвестиционных проектов; софинансирование инвестиционных стратегий; реализация оптимизационных моделей производства и маркетинга	Совместное использование инфраструктурного потенциала, возможность налаживания инновационного бизнеса на более выгодных условиях, чем у конкурентов; получение налоговых и таможенных преференций	Интенсификация деловых контактов и партнерских связей; перекрестное стимулирование инновационного развития смежных видов деловой активности
Эффекты пространственной интеграции для места локализации интеграционного образования (региона)	Рост бюджетных отчислений, усиление узнаваемости региона в мировом экономическом пространстве. Углубление структурно-динамических диспропорций региональной экономики; возникновение барьеров для свободной конкурентной борьбы, олигополизация и монополизация региональных рынков	Оживление динамики и рост объемов инвестиционной деятельности; реализация крупных инвестиционных проектов; рост занятости и платежеспособности населения региона; рост бюджетных отчислений	Рост финансово-экономической самостоятельности территориальных общин; повышение уровня занятости населения путем создания новых рабочих мест; ревитализация старопромышленных районов; декомпозиция экономического пространства региона и формирование новых точек экономического роста	Рост уровня инновационности и креативности региона; рост конкурентного статуса территорий и его инновационно-производственного потенциала; уплотнение деловых связей в регионе; развитие и рост самоидентификации бизнес-среды региона; активизация партнерских отношений между бизнесом и властью
Тип регулирования	Сдерживающее	Превентивное	Протекционистское	Стимулирующее
Цели регуляторного механизма	Недопущение формирования или расширенного развития интеграционных структур, направленных на экспансию и контроль на рынках сырья и сбыта готовой продукции	Создание рамочных условий прозрачности и честности ведения и интеграции бизнеса (сделок слияния капиталов, биржевого поглощения, офшорного инвестирования)	Создание режима конкурентных преимуществ и институциональное сопровождение развития площадок деловой активности в стратегически важных для региона местах и поощрение бизнеса к локализации деловой активности в них	Стимулирование и продвижение интеграционных взаимодействий

Составлено авторами

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

Достижение целей регуляторной деятельности по пространственной организации бизнеса становится возможным посредством активизации инструментов и механизмов финансово-экономического сопровождения политики пространственного развития: инструментов механизма управления, инструментов финансово-экономического механизма и инструментов регуляторного механизма (рис. 3).

Рисунок 3. Финансово-экономическая составляющая политики пространственной организации бизнеса.

Составлено авторами.

Использование тех или иных специфических инструментов прямого и косвенного регуляторного воздействия зависит от тактических и стратегических целей политики пространственной организации бизнеса на каждом конкретном этапе ее реализации, а также отражает специфику влияния политики пространственной организации бизнеса на совокупность форм пространственной организации (интеграции) бизнеса соответственно к сдерживающим, превентивным, протекционистским или стимулирующим потребностям регулирования их деятельности. В современных условиях все большую актуальность приобретает использование косвенных методов воздействия регуляторного механизма.

При формировании и реализации политики пространственной организации бизнеса в круг компетенций регуляторных институций национального уровня (министерства, госслужбы и т. п.) следует отнести задачи по устранению и предупреждению возникновения административных барьеров для свободного перемещения товаров, услуг и капиталов; урегулированию деятельности по определению категорий и процедур получения льгот для различных объектов экономической деятельности в сфере налогообложения и государственной помощи; формированию стратегии реализации вариативных подходов к региональной экономической, инновационной и индустриальной политике; внедрению мер по наращиванию национального экспортного потенциала, защите и продвижению интересов отечественного производителя на международной арене, а также интенсификации межрегионального и международного товарооборота; проведению грамотных антимонопольных мер и контрольных действий в процессах интеграции крупного бизнеса; разработке программ и общегосударственных мер по продвижению процессов кластеризации, индустриализации и интеграции национального экономического пространства.

К компетенциям и задачам регуляторных институтов регионального уровня (экономические департаменты, отделы инвестиций, инфраструктуры и т. п.) в сфере политики пространственной организации бизнеса следует отнести:

- анализ и оценка экономического и предпринимательского потенциала региона на предмет поиска и формирования перечня возможных пространственных вариантов и объектов бизнеса, имеющих высокий потенциал кластеризации и интеграции с целью достижения регионального синергетического эффекта;

- формирование и реализация механизмов стимулирования и продвижения рыночными методами (частичные или полные каникулы от местных налогов и сборов, политика содействия в вопросах землеотвода и землепользования) процессов объединений субъектов предпринимательства в интеграционные формы пространственной организации бизнеса;

- продвижение инвестиционного и интеграционного экономического потенциала региона на внутринациональном и особенно международном уровне с целью привлечения опыта и капиталов внутренних и внешних инвесторов в существующие и перспективные формы пространственной организации бизнеса;

- формирование положительного делового имиджа региона и наращивание его конкурентного статуса на международной арене посредством активного участия в мировых и проведения внутренних деловых форумов, круглых столов и т. п.;

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ...

– проведение информационных кампаний по освещению положительного опыта интеграции и организации бизнеса в регионе с помощью профессионального маркетингового и логистического инструментария;

– формирование внутрирегиональной «дорожной карты» сотрудничества бизнеса, региональной власти и научно-образовательной среды по подготовке качественных профессиональных кадров для индустриального, сервисного и управленческого сегмента экономики региона;

– проведение мониторинга и информационно-аналитического сопровождения процессов пространственной организации бизнеса.

Таким образом, преследуя интересы сбалансированного пространственного развития страны в контексте формирования и реализации политики пространственной организации бизнеса, необходимо сформировать целостную систему организационно-управленческого, финансово-экономического и информационно-инфраструктурного сопровождения процессов пространственной организации бизнеса с целью достижения максимальных синергетических эффектов и социального потенциала существующих и новых территориальных центров деловой активности и конкурентоспособности, что предусматривает действия в следующих направлениях:

1. Институционально утвердить правовой статус и регуляторные инструменты новых форм пространственной организации бизнеса, таких как кластерные, сетевые и виртуальные формы пространственной организации бизнеса.

2. Создать систему индикаторов статистического учета, анализа и мониторинга процессов пространственной организации бизнеса и их влияния на социально-экономическое развитие на национальном и региональном уровне.

3. Провести системный анализ социально-экономического потенциала и состояния развития предпринимательской среды территориальных общин с целью выявления текущих и перспективных тенденций пространственной интеграции и кластеризации бизнеса.

4. Интенсифицировать и институционально нормировать международное, межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество в направлении продвижения процессов пространственной интеграции бизнеса.

5. Содействовать развитию элементов инфраструктуры поддержки предпринимательства, в частности бизнес-центров, логистических и информационно-аналитических сервисов, бизнес-инкубаторов, консалтинговых, аудиторских и совещательных центров.

6. Стимулировать развитие существующих и активно формировать новые формы пространственной организации бизнеса кластерного типа, специализирующихся в отраслях и сферах комплексного использования местного сырья, природных ресурсов, а также привлекающих значительные доли трудоспособного населения в регионе.

7. Ввести в регуляторный инструментарий управленческого механизма интеграционными процессами институциональные элементы содействия трансграничному сотрудничеству (трансграничные центры содействия пространственной интеграции, агентства иностранного инвестирования и т. п.) и

управленческие элементы транснационального (трансграничного, трансрегионального) менеджмента, предусматривающего деятельность по страхованию валютных, операционных, трудовых рисков бизнес-деятельности, а также соблюдение норм и защиту интересов интернациональных контрагентов.

8. Интенсифицировать инвестиционные мероприятия по привлечению и наращиванию объемов внутреннего инвестирования, повышению конкурентоспособности национального производителя и росту платежеспособности населения в целях придания нового импульса развитию перспективных экспортноориентированных и импортозамещающих производств на инновационной основе.

9. Разработать на государственном уровне концепцию политики пространственной организации бизнеса как иерархической составляющей концепции пространственного развития России в рамках государственной региональной политики с ее четкой привязкой и согласованием с существующими регуляторными механизмами сферы градостроительства, экономического развития, инновационного развития, развития предпринимательства и т. д.

10. Синхронизировать регуляторные механизмы и управленческую деятельность в сфере социального, экономического и пространственного развития на всех уровнях государственной управленческой вертикали – от государственного до локального (местного) уровня.

ВЫВОДЫ

Целью регулирования пространственной интеграции бизнеса является формирование взаимовыгодной модели согласования целей всех контрагентов экономических интеграционных процессов, принципов, методов и инструментов регулирования, управления и стимулирования процессов развития бизнеса в региональных системах для достижения максимальных пространственно-экономических, социальных, бюджетных, инновационных эффектов. В работе выделены четыре типа регулирования пространственной организации бизнеса: сдерживающее, превентивное, протекционистское и стимулирующее, отличающиеся как целями и инструментами, так и фокус-группами объектов реализации политики.

Политика пространственной организации бизнеса в краткосрочной перспективе должна руководствоваться целями обеспечения развития регионов за счет мобилизации их эндогенного потенциала предпринимательства, а в средне- и долгосрочной перспективе необходимо осуществить решительные действия по модернизации экономики на качественно новых моделях инновационного развития и подключения национального бизнеса к мировым потокам капитала и технологий через интеграционные формы пространственной организации бизнеса. Результативная деятельность форм пространственной организации бизнеса синергетически отразится на социально-экономическом развитии регионов, а также будет способствовать сохранению и приумножению их человеческого и финансового капитала.

Предложенные в работе составляющие системы информационно-

инфраструктурного, организационно-управленческого и финансово-экономического обеспечения политики пространственной организации бизнеса на основе определенных стратегических направлений, тактических целей, а также компетенций и задач регуляторных институтов регионального и национального уровня будут способствовать достижению цели формирования нового качества экономического роста и сбалансированного социально-экономического развития регионов и территориальных общин на основе рационального использования местных экономических ресурсов и конкурентных преимуществ пространственной интеграции.

Список литературы

1. Амирова Э. А. Концептуальные основы государственной политики пространственного развития Российской Федерации // РППЭ. 2021. № 8 (130). С. 78–82.
2. Белоусова С. В. Налоговые льготы как важнейший инструмент регулирования пространственного развития // Вестник НГУЭУ. 2018. № 4. С. 95–114.
3. Булатова З. А. Пространственное развитие как предмет правового регулирования // Образование и право. 2022. № 2. С. 162–166.
4. Бухвальд Е. М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. № 6. С. 2–14.
5. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С., Косенкова Ю. Ю. Специальные налоговые режимы как инструменты пространственного экономического развития в новых условиях // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 6. С. 127–139.
6. Гурович А. М. Проблемные аспекты пространственного развития государства: подходы и направления // Индустриальная экономика. 2021. № 2. С. 16–19.
7. Гурович А. М., Чистов И. В. Роль финансовой политики в системе государственного регулирования пространственного развития регионов // Индустриальная экономика. 2021. № 3. С. 73–76
8. Домнина И. Н. «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 126–141.
9. Зоидов К. Х., Урунов А. А., Омарова З. К., Усманов Д. И. Регулирование пространственного развития и активизация процессов экономической интеграции: методологические аспекты оценки уровня качества единого экономического пространства // РППЭ. 2020. № 5 (115). С. 5–20.
10. Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М. Концептуальные подходы к государственному регулированию пространственного развития России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 4 (95). С. 14–27.
11. Котов А. В. Варианты пространственного развития России в контексте межрегиональных взаимодействий // Проблемы прогнозирования. 2021. № 3. С. 135–144.
12. Краснопольский Б. Х. Эволюционно-синергетический подход к оценке влияния государственного регулирования на развитие пространственно-хозяйственных образований // Регионалистика. 2021. № 5. С. 64–76.
13. Молчанов И. Н. Регулирование развития и пространственного освоения территорий Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 6. С. 29–40.
14. Царенко И. В., Урасова А. А., Баландин Д. А. Экономическая трансформация пространства региона на основе оборота трудовых ресурсов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 1. С. 216–229.
15. Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте: монография / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков; под науч. ред. М. Г. Никитиной. Симферополь: «КФУ им. В. И. Вернадского», 2018. 262 с.
16. Никитина М. Г., Кузнецов М. М. Воспроизводственный аспект в исследовании пространственно-временной организации хозяйства и жизнедеятельности населения // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021. № 3 (56). С. 138–145.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 332.1.012. 434

СТАНОВЛЕНИЕ МОНОПОЛИИ МЕЗОУРОВНЯ: УСЛОВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ергин С. М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: yergin@rambler.ru

Города, занимающие монопольное положение или обладающие определенными преимуществами внутри субъектов федерации, порождают дилемму совокупного экономического роста и внутрирегионального неравенства, которая продолжает оставаться неясной и вызывает существенные споры. Учитывая роль административной власти в формировании регионального моноцентризма, в статье показывается, как фискально созданная монополия одного города вызывает диспропорции, внутрирегиональное неравенство и невыгодна для пространственной экономики. В то же время переход к полицентричности пространственных агломераций по отраслям и видам экономической деятельности со значительными диффузионными эффектами сокращает внутрирегиональные экономические разрывы.

Ключевые слова: финансово созданная монополия одного города, внутрирегиональное неравенство, диспропорции, государственное вмешательство

ВВЕДЕНИЕ

Сохранение внутрирегионального неравенства стало предметом значительного интереса ученых, поскольку наблюдается определенный прогресс в сокращении разрыва между регионами Российской Федерации. Однако растущее неравенство внутри регионов остается недостаточно изученным как в российской [1], так и в зарубежной науке [2]. Сокращение неравенства между регионами страны и расширение неравенства внутри регионов кажутся не связанными друг с другом, но они фактически являются двумя сторонами результатов монополизации одного города. Монополия одного города – сложное и путающее исследователя явление урбанизации, которое особенно интересно, если повышается конкурентоспособность в депрессивных регионах [3]. Этот вид монополизации используется в ряде республик, краев и областей России, расположенных на востоке и юге страны, чтобы сократить разрыв между регионами и ускорить в них экономический рост. Основной способ, с помощью которого регионы этого добиваются, заключается в распределении отраслей и ресурсов между несколькими городами в пределах субъекта федерации, особенно теми, в которых легко можно проводить фискально-ориентированное административное вмешательство или где регионы обладают особой исполнительной монополистической властью. Другими словами, принимая фискальное вмешательство в качестве поддержки, региональное правительство может выбирать фирмы и отрасли для своих целей [4]. В частности, для менее развитых регионов, чтобы способствовать экономическому росту с ограниченными отраслями и ресурсами, необходимо определить потенциальные возможности для полного использования местных сравнительных преимуществ и осуществить

концентрацию экономической деятельности в определенных районах региона с преференциальной политикой [5].

Целью статьи является определение сущности монополии одного города в пространственной экономике и выявление последствий, связанных с доминированием столичных центров в субъекте федерации.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Монополия одного города, созданная с помощью фискальных средств, долгое время глубоко укоренялась в экономической модели России, направленной на экономический рост. По существу модель подчеркивала влияние государственной власти и государственного вмешательства, основанного на фискальной системе, в создании и укреплении городской иерархии региона. В частности, для достижения сравнительно высокого совокупного экономического роста в Краснодарском крае широко использовалась монополизация сравнительных преимуществ и потенциала роста в регионе, прежде всего, в его столице посредством государственного вмешательства, созданного с помощью фискальных средств [6]. Столица региона, географическая единица, всегда является естественным и важнейшим носителем административных привилегий, каков бы ни был конкретный тип государственной власти [7]. Представляет интерес оценка территориально смещенного распределения административных ресурсов внутри региона, в частности, анализ возможностей фискально созданной монополизующей административной власти региональной столицы и ее потенциальное влияние на внутрирегиональное неравенство.

Хотя в Российской Федерации в результате рыночных реформ ослабло прямое влияние различных административных полномочий на экономику, в хозяйственной практике остаются правительственные привилегии и государственное рыночно-ориентированное вмешательство, включая созданные в финансовом отношении монополии одного города в регионах. Другими словами, государственное вмешательство никогда не исчезало, а носит косвенный характер [8]. В частности, из-за обширной и относительно доминирующей административной власти региональной столицы в пределах региона и при видимом отсутствии государственного вмешательства научный интерес вызывает оценка уровня влияния государственного вмешательства на процессы внутрирегионального неравенства.

Можно отметить три важных аспекта, связанных с появлением фискально созданной монополии одного города. Во-первых, рассмотрение монополии одного города исключительно с точки зрения фискального государственного вмешательства, при котором авторы статьи не согласны ни с концепцией «моноцентризма», ни с концепцией «полицентризма». Мы считаем феномен монополии одного города следствием действия необъективного регионального фискального механизма и, как результат, государственного вмешательства, основанного на фискальной политике. В результате наблюдается усиление неравенства внутри региона.

Так, в рамках моноцентризма Jefferson M. [9] считал эквивалентами понятия «агломерация» и «монополия одного города», а Malý J. [10] рассматривал монополию города с точки зрения экономического результата и понимал моноцентрический

город как агломерацию, ядром которой выступает крупный город, окруженный множеством малых и средних городов и городов-спутников. Концепция же полицентризма предполагает наличие в регионе нескольких равноценных в социально-экономическом плане городов без ярко выраженного экономического лидера.

Во-вторых, несмотря на многочисленные исследования влияния государственного вмешательства на внутрирегиональный рост и влияния на рост агломераций в условиях урбанизации [3–6, 8], только несколько исследований прямо показали влияние городской институциональной иерархии, возглавляемой региональным правительством, или влияние монополистической системы власти региональных столиц [11, 12] на экономический рост. И данная статья способствует лучшему пониманию истоков внутрирегионального неравенства, в основном вызванного нерациональным использованием фискальных ресурсов и проявляющегося в монополии одного города.

В-третьих, поскольку одним из основных направлений деятельности региональной власти является построение в субъекте федерации иерархии, прежде всего, через региональное вмешательство в пользу столиц, нами для выявления уровня такого вмешательства предлагается использование показателя относительного уровня формирования созданной в регионе фискальной монополии. Такой показатель относительного уровня государственного вмешательства в регионе может рассчитываться как отношение величины бюджетных расходов в столице субъекта федерации к таким же расходам во втором по величине экономике городе региона. Хотя данный показатель фискальных расходов и измерения фискальной монополии, созданной в одном регионе, не может полностью отражать уровень иерархического государственного вмешательства в субъекте федерации, его использование и постоянное измерение может стать субоптимальным выбором и дать представление о степени внутрирегионального неравенства.

Концепция моноцентризма предполагает наличие городов первого и второго порядка. Город первого типа – это центральный город, или крупнейший город региона в политическом и экономическом отношении, который привлекает заметный приток населения и имеет относительно большой экономический размер и промышленную агломерацию. Город второго типа – это второй по величине экономики город в регионе, не являющийся его столицей. Городские агломерации второго порядка могут выступать в качестве спойлера регионального центра, на который региональное правительство может возложить задачу догоняющего развития в альтернативном районе субъекта федерации. Города такого типа также могут получать институциональные привилегии и постепенно сформировать монополию одного города.

Общепризнанно, что чем выше доминирование регионального центра, тем больше вероятность того, что город первого типа может повлиять на экономику субъекта федерации. Точно так же, чем сильнее моноцентрическая структура в регионе, тем значительнее экономическое влияние, оказываемое одним из его городов. Однако существенное экономическое влияние того или иного города в регионе не может гарантировать его сбалансированный рост. Поэтому для

СТАНОВЛЕНИЕ МОНОПОЛИИ МЕЗОУРОВНЯ: УСЛОВИЯ...

депрессивного района, в котором отсутствует промышленная база или недостаточны ресурсы и слабые конкурентные преимущества, целесообразно сосредоточить в одном месте ограниченные ресурсы в конкретных отраслях промышленности. И поскольку монополии одного города могут активно преодолевать начальный низкий уровень в развитии экономики, они на начальной стадии развития могут способствовать росту всего этого депрессивного района. Однако чрезмерная пространственная агломерация отраслей и видов экономической деятельности приводит к неэффективности и отрицательным внешним эффектам, в конечном итоге может усугублять региональное неравенство и невыгодна для пространственной экономики.

Последние исследования в сфере урбанизации свидетельствуют об эволюции от первоначальных городских концентраций с симфоническими эффектами к полицентричности со значительными диффузионными эффектами. И если первая стадия с симфоническими эффектами приводит к региональному неравенству, то вторая – сужает внутрирегиональный экономический разрыв.

ВЫВОДЫ

Региональные столицы институционально имеют больше административных привилегий. Чтобы достичь цели быстрого экономического роста в депрессивных субъектах федерации и даже превзойти другие регионы, федеральное правительство может наделять региональные столицы большой экономической властью. В результате региональный капитал имеет возможность локализовать ресурсы в одной агломерации, привлекать инвестиции в промышленность, модернизировать инфраструктуру, используя различные административные полномочия регионов и/или государственное вмешательство и таким образом фискально создавать монополию одного города. Это в конечном итоге усугубляет внутрирегиональное неравенство. Монополию одного города можно рассматривать с точки зрения концепции фискального государственного вмешательства регионального правительства, концепции моноцентризма и концепции полицентризма.

Чтобы выявить монополию одного города, вызванную пристрастными фискальными механизмами и вмешательством правительства субъекта федерации, предвзятым в пользу региональных столиц, и изучить, увеличивают ли созданные в финансовом отношении монополии в одном городе неравенство внутри регионов, предлагается к использованию показатель относительного уровня государственного вмешательства в регионе. Этот показатель может быть рассчитан как отношение величины бюджетных расходов в столице субъекта федерации к таким же расходам во втором по величине экономике региона городе.

Излишняя пространственная концентрация отраслей и видов экономической деятельности в столичных центрах приводит к неэффективности и отрицательным внешним эффектам, что в итоге усугубляет региональное неравенство и невыгодна для пространственной экономики. Современные исследования говорят об эволюции от городских концентраций с симфоническими эффектами, приводящими к региональному неравенству, к полицентричности со значительными

диффузионными эффектами, сужающие внутрирегиональные экономические разрывы.

Список литературы

1. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей: роль пространственного фактора // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 44–67.
2. Liao F. H. F., Wei Y. D. Dynamics, space, and regional inequality in provincial China: a case study of Guangdong province // Applied Geography. 2012. № 35 (1–2). P. 71–83. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2012.05.003>.
3. Комлева В. В., Охупкина Е. А. Сравнительный анализ наиболее значимых инструментов государственной политики смягчения неравенства регионов в России и Испании // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 3. С. 166–190.
4. Батракова Л. Г. Социально-экономическое неравенство регионов России // Теоретическая экономика. 2021. № 10 (82). С. 125–128.
5. Беляева О. И. Стратегические приоритеты государственной политики в снижении регионального неравенства // Экономика и предпринимательство. 2021. № 10 (135). С. 481–484.
6. Козловская О. В. Динамика рабочей силы краснодарского края на фоне общероссийских тенденций. // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 2 (84). С. 110–118.
7. Ергин С. М., Ергин Е. С. Тенденции процессов конвергенции и дивергенции в Крыму // Формирование финансово-экономических механизмов хозяйствования в условиях информационной экономики. Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. [науч. ред. С. П. Кирильчук]. Симферополь, 2019. С. 79–82.
8. Марков Б. Е. Региональные особенности федерального бюджетного инвестирования // Экономические науки. 2021. № 201. С. 39–46.
9. Jefferson M. The law of the primate city // Geographical Review. 1939. № 29 (2). P. 226–232. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.2307/209944>.
10. Malý J. Impact of polycentric urban systems on intra-regional disparities: a micro-regional approach // European Planning Studies. 2016. № 24 (1). P. 116–138. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1054792>.
11. Moomaw R. L., Shatter A. M. Urbanization and economic development: a bias toward large cities? // Journal of Urban Economics. 1996. № 40 (1). P. 13–37. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1006/juec.1996.0021>.
12. Henderson V. Urban primacy, external costs, and quality of life // Resource and Energy Economics. 2002. № 24 (1–2). P. 95–106. [Электронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.1016/S0928-7655\(01\)00052-5](https://doi.org/10.1016/S0928-7655(01)00052-5)

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 339.9

РЕСУРСНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНОПОЛИЙ. КОЛОНИАЛИЗМ 2.0

Климовец О. В.¹, Черенков В. И.²

¹*Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Краснодар, Российская Федерация*

²*Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E-mail: new_economics@mail.ru

Авторы статьи предлагают несколько по-новому, в контексте проблем реализации концепции устойчивого развития, обратиться к многовековой истории ресурсной обеспеченности европейских метрополий, которую в наше время в глобальном масштабе практикует географически неограниченный «коллективный Запад». Отмечается, что упорно продвигавшаяся концепция инклюзивно-устойчивого развития находится в неразрешимом противоречии с постоянно воспроизводящимся деформированным разделением труда между ядром и периферией (по Валлерстайну) мир-системы капитализма. Сделано предположение, что многие постколониальные исследования в известной степени характеризуются апологетикой колониализма.

Ключевые слова: Колониализм 2.0, постколониальные исследования, устойчивое развитие, ядро и периферия мир-системы, вестернизация, транснациональные корпорации, инклюзивно-устойчивое развитие.

ВВЕДЕНИЕ

В октябре 2022 г. в СМИ были воспроизведены две цитаты. Одна – из выступления Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля, чем-то перекликающаяся с «The White Man’s Burden» Киплинга, подобна расширенной оговорке по Фрейдю с имплицитным страхом потерять сладкую жизнь «золотого миллиарда»: «Европа – это сад. Мы построили сад: все работает, это наилучшая из когда-либо созданных человеком комбинаций политической свободы, экономического процветания и социального сплочения... Остальной мир, большая часть других стран мира – это джунгли. А джунгли могут совершить вторжение в сад» [2]. Другая – выдержка из выступления Президента России Владимира Путина на церемонии подписания договоров о вхождении в состав России новых территорий: «Запад готов переступить через все для сохранения той неокOLONиальной системы, которая позволяет ему паразитировать, по сути, грабить мир за счет власти доллара и технологического диктата, собирать с человечества настоящую дань, извлекать основной источник незаработанного благополучия, ренту гегемона» [14], где четко определена колониальная природа построения [«Мы построили сад» – Sic!] этого «сада». Сопоставление того, ЧТО (сад... процветания – Ж. Боррель) имеет и стремится сохранить коллективный Запад с тем, КАК и ЗА СЧЕТ ЧЕГО (сохранение неокOLONиальной системы... источник незаработанного благополучия – В. В. Путин) это было получено, приводит к мысли еще раз обратиться к вопросу об осуществимости интенсивно продвигавшейся концепции «инклюзивно устойчивого развития» (inclusive and sustainable development) в условиях современного капитализма.

В русскоязычной литературе указанная концепция также именуется

«инклюзивное устойчивое развитие» [10]. Заметим, что в указанном источнике несколькостораживает однозначный и диссонирующий с нашими сомнениями по поводу осуществимости данной инклюзии в рамках современного империализма оптимизм авторов (в частности, основанный на Йоханнесбургской декларации десятого саммита БРИКС), которые заключают «что нас ждет инклюзивное будущее» [там же, с. 33], в котором подразумеваются «равные возможности для людей, чтобы вносить свой вклад в экономический рост и пользоваться его благами» [там же]. Также обнаруживаемая в другом источнике [6] несколько сомнительно, на наш взгляд, выглядит (хотя бы по Парето), надежда на «масштабное действие механизма перераспределения», который может обеспечить «инклюзивное устойчивое развитие». Полноты ради укажем, что в российском научном обороте эта же концепция иногда представляется еще и как «инклюзивное и устойчивое развитие» [12]. В то же время утверждается [28] и, на наш взгляд, вполне резонно с точки зрения глобальной этики [8], что для реализации устойчивого развития необходимо такое развитие, которое является одновременно как инклюзивным, так и устойчивым, обеспечивая синергический эффект между действиями людей и соблюдением природных условий. Формально даже семантически термин «инклюзивное устойчивое развитие» соответствует имеющемуся в литературе [6] и разделяемому нами утверждению, что развитие не может быть устойчивым, не будучи инклюзивным.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Действительно, по истечении почти 30 лет с момента представления *urbi et orbi* доклада «Our Common Future» во многих последующих обсуждениях проблем устойчивого развития приобретает силу идея инклюзивного социального развития, которое должно гарантировать всем людям материальное благосостояние, доступ к качественному здравоохранению, образованию, услугам и товарам, необходимым для достойного существования, а также такие социально-политические и культурные достижения, как чувство безопасности, человеческого достоинства и способности быть частью сообщества, в котором признаются права каждого члена и обеспечивается представительство его интересов [12]. Если обратиться к Целям устойчивого развития (ЦУР) – Agenda 2030 [18], то можно заметить, что акцент документа Agenda 2030 сделан на инклюзивность, что особенно четко отражается в следующих ЦУР: ЦУР 8 – содействие устойчивому и в то же время инклюзивно-устойчивому росту с созданием рабочих мест; ЦУР 10 – расширение возможностей и содействие социальной, экономической и политической интеграции всех, независимо от возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии, экономического или иного статуса; ЦУР 11 – сделать города и населенные пункты инклюзивными, более безопасными и устойчивыми; ЦУР 16 – продвижение развития мирных и инклюзивных обществ, а также инклюзивных институтов [29, р. 5]. Также в документах Международной организации труда определено [27, р. 20], что инклюзивно-устойчивое развитие требует такого управления экономическим ростом, которое обеспечивает достойную работу, иными словами, производительную, качественную работу, формализованную

и социально защищенную, позволяющую преодолеть бедность и неравенство и открыть для любого региона возможности прогрессивного развития.

Стремление, как истинное, так и демагогически-спекулятивное, продвинуть в глобальном масштабе концепцию инклюзивно-устойчивого развития [25] связано с тем, что в практике глобального социально-экономического развития не все элементы общества как внутри стран, так и в сравнении между странами, оказались способны показать равные возможности развития или извлекать выгоду из тех или иных международных программ, что вызывает разочарование в подобных программах и чувство несправедливости, несмотря на активно пропагандируемые социальные инновации. Традиционно основным показателем экономического развития остается увеличение ВВП на душу населения (или душевой ВВП), отражающее рост экономической производительности и среднего уровня материального благосостояния населения страны. Понятно, что в этом показателе заложены всего лишь потенциальные возможности перехода к устойчивому развитию, но не качественная связь с ним, тем более, принимая во внимание неравномерное душевое распределение национального богатства, фактическое отсутствие таковой связи с инклюзивно-устойчивым развитием (inclusive and sustainable development) [26]. Макроэкономические показатели развития стран (например, душевой ВВП) часто критикуются, поскольку за усреднением как раз и теряется та самая инклюзивность в уровнях развития и качестве жизни как между разными странами, так и социальными слоями в одной стране. Тем не менее, подобные показатели отражают на макроэкономическом (региональном) уровне не только уровень экономического развития в целом, но все же характеризуют потенциал возможностей перехода к устойчивому развитию, поскольку, как это признано на международном уровне [11], собственно устойчивое развитие «включает в себя три взаимосвязанных и подпирающих друг друга основы – экономическое развитие, социальное развитие и охрану окружающей среды» [ibid., p. 6]. В соответствии с представлениями Валлерстайна [3], современная мировая торговля, несмотря на «свободу выбора» продавца/покупателя в рамках либерализации международной торговли, оценивается как неэквивалентный обмен (пусть не столь баснословный и очевидный, как ожерелье, бутылка рома, несколько одеял и ножей за остров Манхэттен), поскольку развитые (developed) страны сильнее (экономически, политически, информационно, инновационно) менее развитых (less developed, developing, emerging, etc.), что позволяет первым, составляющим ядро мир–системы капитализма, присваивать в условиях внешне эквивалентного и свободного обмена добавочную стоимость в ущерб более слабым странам периферии. Эта специфика отношений «ядро–периферия», сохраняющей признаки колониализма современной мир–системы капитализма, была четко сформулирована в ходе анализа вышеуказанной работы Валлерстайна, где она обличена в следующую лапидарную формулу: «Ядро – это, грубо говоря, зона, приобретающая при обмене часть прибыли, а периферия – зона, теряющая её [17].

На глобальном институциональном уровне эта центр–периферийная неравномерность капитализма, более чем полтысячи лет подпитывающая его развитие, также воспроизводится, например, через ВТО, которая имеет по

отношению ко всем странам капиталистической периферии одну и ту же цель: не допустить, чтобы эти страны стали в будущем конкурентами метрополии, и для этого отнять у государств периферии право на самостоятельное законодательство и на регулирование деятельности ТНК в этих странах [7]. Не менее интересно отметить, что воспроизводству подобной мир-системы способствует на уровне социально-экономических систем отдельных стран морфологически тождественное «межклассовое» отношение типа «центр-периферия», когда национальная компрадорская буржуазия колоний и полуколоний «играет» на стороне метрополий. Исторические корни этого явления лежат в том [20, с. 10], что внутри колониальных социумов формировались иерархии, в рамках которых выходцы из цивилизованных метрополий занимали руководящие позиции в администрации и создавали экономическую и интеллектуальную элиту. В результате Второй мировой войны и последующей поддержке национально-освободительного движения Советским Союзом произошло то, что называлось крахом колониальной системы. Однако бывшие, ставшие формально независимым колонии продолжают занимать место эксплуатируемой периферии в обновленной мир-системе неоколониальных отношений, получивших в «модных» терминах цифрового общества название «Колониализм 2.0» [24], где «глобальная ойкумена [коллективный негеографический Запад – авт.] продолжает функционировать как капиталистическая мир-система с ее глубоким дисбалансом между центром и периферией» [17, с. 66]. В отношении центр-периферия (звучит как некий эвфемизм для отношений «метрополия-колонии»), именуемых «Колониализм 2.0», глобальная экспансия капиталистических рынков достигается уже не военно-политическими методами, а за счет введения в действие законов и правил, гарантирующих «справедливые» взаимоотношения с глобальным капиталом [24]. Нет особой необходимости доказывать, что неоколониализм XXI века, или «Колониализм 2.0» – явление гораздо более изощренное и живучее, чем, скажем, колониализм XVII в. («Колониализм 1.0»), но вопрос о несовместимости трансформированного колониализма с реализацией концепции устойчивого развития, что внешне неплохо выглядит в борьбе Западной Европы за нулевой карбоновый след в своих городах, но невольно приводит к вопросам типа «А как получить чистую электроэнергию в необходимом количестве для ожидаемой массы электромобилей? А куда девать или как перерабатывать автомобильные аккумуляторы?». Тем более, что устойчивое развитие без признака инклюзии является всего лишь вариацией традиционного выведения «грязных» производств за пределы упомянутого Ж. Боррелем «сада». В русле фактических отношений «Колониализма 2.0.» расположены не только «бывшие» колонии Азии, Африки и страны Латинской Америки, где находится большинство авторов работ на эту и связанные с ней темы. Не миновала чаша сия (может быть в несколько иной форме) и Россию, да и остальные вышедшие из СССР и «социалистического лагеря» страны. Поскольку отмечено [16], что вестернизация, проникающая практически во все поры современного российского общества и понимаемая как процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ исторически отличалась тем, что ее инициатором обычно становился сам Запад, а формой ее осуществления была

преимущественно колонизация.

Как нами определялось ранее [19], современный капитализм не снимает основное противоречие капитализма и не отменяет его основной закон. Коллективный Запад смог выстроить эффективную систему финансово-экономического господства над странами периферии мирового хозяйства, природа которой соответствует термину «Колониализм 2.0», а иногда [1] – «Колониализм 3.0.», где выделяются три механизма: (1) военно-политический; (2) финансово-индустриальный; и (3) электронно-цифровой. Именно третий механизм предопределил появление пока еще не получившего широкое распространение термина «Колониализм 3.0.», что соответствует современному технологическому укладу. Несколько иначе, сохранившее основные цели традиционного колониализма («Колониализм 1.0»), современное мир–устройство капитализма XXI века предлагается называть «экономический империализм» [9, с. 978], целью создания и функционирования которого является «обеспечение доступа Запада к природным, человеческим (трудовым) и интеллектуальным ресурсам остального мира и их эффективная эксплуатация в интересах элиты Запада» [там же]. Многомерность репрезентации современного империализма может быть подчеркнута и такими прилагательными, как «технологический» и «информационный» [4]. Следует заметить, что понятия империализм и колониализм связаны неразрывно, поскольку империя подпитывается благами своих колоний, начиная с Древнего Рима, чему свидетельствует [13] и то, что на рубеже XIX и XX вв. понятие империализма стало употребляться в массовом сознании в качестве эквивалента колониализму. Таким образом, можно сказать, что империализм и колониализм неразрывно связаны как в политико-экономическом, так и в информационном пространстве. Представление колониализма как антитезы концепции инклюзивно-устойчивого развития выглядит довольно очевидным и в наибольшей степени присутствует во многих работах авторов из менее развитых и так называемых развивающихся стран.

ВЫВОДЫ

В заключение представления критического подхода к возможности реализации концепции инклюзивно-устойчивого развития в условиях «Колониализма 2.0» и империалистической природы современного капитализма в целом, отметим, что существует следующая дилемма инклюзивно-устойчивого развития: либо это средство спасения человечества от грядущих социальных, финансовых и экологических катастроф (трактовка современного неолиберализма), либо это очередная заманчивая социальная демагогия и камуфляж сущности капитализма (трактовка современного неомарксизма) [15]. Наконец, эти краткие заметки о противоречии между колониальными признаками современной мир–системы капитализма и задачами инклюзивно-устойчивого развития были бы неполными без хотя бы упоминания о постколониализме, который иногда предлагается «рассматривать как “реакцию” на колониализм или отход от него» [21, с. 24], что, на наш взгляд, близко к многолетней дискуссии о том, что принесла европейская цивилизация в свои бывшие колонии [в свою неокониальную периферию – авт.], возможный интересный анализ которой выходит далеко за рамки этой краткой

статьи. Впрочем, апологетические черты постколониальных исследований можно в известной степени заметить в географии центров таких исследований [5], определяемых бывшими классическими метрополиями. Верно, на наш взгляд, выявлено [22], что зарубежные исследования постколониализма (или «Колониализма 2.0») утверждают появление нового империализма как характеристики современных попыток колонизации, а также современное существование империи в рамках дискурса глобализации, выраженной в виде консолидации власти метрополии и либерально-демократического государства, и выстраивают функциональные модели взаимодействия империи и колонии. Таким образом, по своей роли постколониальные исследования (одной из своих сторон) чем-то напоминают существующий в дискурсе устойчивого развития «зеленый камуфляж» (green washing) [23], спекулятивно практикуемый рядом компаний и банков, а разрешение противоречия между идеей инклюзивно-устойчивого развития и сохраняющейся (несколько закамуфлированной) империалистической природой Колониализма 2.0 видится возможным лишь при кардинальной не модернизации, но трансформации мир–системы капитализма, о конкретных формах которой говорить сегодня едва ли возможно, но искать соответствующую концепцию необходимо.

Список литературы

1. Беляев А. (2018) Деколонизация в ИТ. [Электронный ресурс]. URL: https://alfadoc.ru/var/storage/wysiwyg/knowledge/20180328/post_113918.pdf
2. Климовец О. В. «Цифровой шелковый путь» как стратегия инновационного развития Китая. В сборнике: ДИАДА МАЙСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ–2021. Сборник содержит материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Власть, бизнес, образование: шаг в будущее» и II Международной научно-практической конференции «Искусственный интеллект: техногенность против социальности». 2021. С. 95–102.
3. Валлерстайн И. (2008) Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. [Электронный ресурс]. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/>
4. Войцеховский С. Н. Интеграционная теория действия о сопряжении экономической подсистемы и политической подсистемы общества // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 12. С. 112–118. [Электронный ресурс]. URL: <http://gnpi.ru/wp-content/uploads/2013/08/GNPI-12-2016.pdf>
5. Климовец О. В. Обеспечение экономической безопасности страны в условиях меняющихся геостратегических приоритетов // Экономическое развитие России: точка баланса в мировой экосистеме и инфраструктура будущего: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17–20 мая 2022 года / Под редакцией И. В. Шевченко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 183–189.
6. Давыдов В. Устойчивое развитие как общий знаменатель // Международная жизнь. 2019 Октябрь. С. 32–55 [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2252>
7. Климовец О. В. Увеличение экономического потенциала за счет использования цифровых интернет–платформ // Фундаментальные исследования. 2022. № 6. С. 73–78.
8. Иоселиани А. Д. Глобальная этика и моральные ценности современного общества [Электронный ресурс]. URL: https://studref.com/631697/filosofiya/globalnaya_etika_moralnye_tsennosti_sovremennogo_obschestva
9. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / Научный редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
10. Лопухин А. В., Плаксенков Е. А., Сильвестров С. Н. Финтех как фактор ускорения инклюзивного устойчивого развития // Мир новой экономики. 2022. № 16 (1). С. 28–44.
11. От переходного периода к трансформации: устойчивое и всеобъемлющее развитие в Европе и Центральной Азии // Европейская экономическая комиссия ООН и Программа развития ООН, New York and Geneva [Электронный ресурс]. URL:

https://unece.org/fileadmin/DAM/publications/oes/ECE_RIO_20_RUS.pdf

12. Пряжникова О. Н. Социальная и солидарная экономика: возможности для устойчивого развития // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН. 2014. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/>

13. Рогов И. И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // Terra Economicus. 2010. № 8 (3.2). С. 260–267 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperiya-i-imperializm-istoriya-ponyatiy-i-sovremennyu-mir/viewer>

14. «Совсем спятили уже?»: антизападный манифест от Владимира Путина // РИА Новости 30.09.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/565435>

15. Таничев А. В. Инновации устойчивости как ключ к проблеме реализации концепции инклюзивно-устойчивого развития // World scientific and technical trends 2021. 2021 (декабрь). Германия. SWorld – Conference 2021

16. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/kapitalizm_2008.pdf

17. Фурсов А. Капитализм сквозь призму мир–системного анализа // Предисловие к русскому изданию книги Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. 2008. С. 8–74 [Электронный ресурс]. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/>

18. Цели в области устойчивого развития (п.а.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

19. Черенков В. И., Цой Е. В. Противоречия и перспективы реализации концепции устойчивого развития // Вопросы новой экономики. 2020. № 2.

20. Шимов В. В. Цивилизационный подход в современной политике. Минск: БГУ, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/283980/1/Shimov.pdf>

21. Эльмурадов А. Постколониальная/деколониальная критика и теория международных отношений // Вестник МГИМО–Университета. 2022. № 14 (3). С. 23–38

22. Язовская О. А. Гудова Ю. В. Империалистический дискурс в постколониальную эпоху: обзор концептуальных подходов // Общество: философия, история, культура. 2018.

23. De Freitas Netto S. V., Sobral M. F. F., Ribeiro A. R. B., Da Luz Soares G. R. Concepts and forms of greenwashing: A systematic review // Environmental Sciences Europe. 2020. № 32 (1). P. 19.

24. Foster J. Review of Capitalism, The American Empire, and Neoliberal Globalization by Kenneth E. Bauzon. Janus Unbound // Journal of Critical Studies. 2021. № 1 (1). P. 102–109. [Электронный ресурс]. URL: <https://media.neliti.com/media/publications/419154-review-of-capitalism-the-american-empire-dea456d7.pdf>

25. Johnson B., Andersen A. D. Learning, innovation and inclusive development: New perspectives on economic development strategy and development aid. Aalborg University. Aalborg, Denmark: Aalborg University Press. [Электронный ресурс]. URL: <https://econpapers.repec.org/bookchap/aalglothr/lics.htm>

26. Taniechev A. V. Innovation in the context of inclusive and sustainable development: Pro & Contra. In: SWorld. Conference 2021 «World scientific and technical trends' 2021», P. 150–156

27. Twenty-first century challenges for the Americas: full and productive employment and decent work. ILO (International Labour Organization) Report of the Director-General, Lima, October. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_300402.pdf

28. Sijabat R. Promoting inclusive and sustainable development through social innovation and social entrepreneurship // TECH MONITOR, 2016. Jul–Sep. P. 15–30 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/319122333_Promoting_inclusive_and_sustainable_development_through_social_innovation_and_social_entrepreneurship

29. Van Gent Sh. Beyond buzzwords: What is “Inclusive Development”? // Synthesis report, ASC, Leiden [Электронный ресурс]. URL: <https://includeplatform.net/wp-content/uploads/2017/09/Beyond-buzzwords.pdf>

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 330.19

МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Королев О. Л.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: o.korolyov@cfuv.ru

Целью статьи является выработка методологии исследования процессов виртуализации социально-экономической системы, в основе которой лежит матричный подход, позволяющий отследить влияние данных процессов на все уровни: от глобального до персонального, проявление их в производстве, сервисе, финансах, рынках и в социальной сфере. Научная новизна статьи заключается в разработке методологии исследования процессов виртуализации, в построении матрицы виртуализации с пояснением содержания каждого элемента, полученного путем определения воздействия и результатов влияния каждого из уровней социально-экономической системы и ее компонентов. Рассматриваются глобальный, макро, мезо и микроуровни, а также наноуровень, соответствующий индивидууму. Для каждого уровня показаны результаты виртуализации в производственной сфере, сферах сервиса и финансов, рыночной виртуализации и виртуализации социума. Для глобального уровня приведено подробное обоснование.

Ключевые слова: виртуализация, Интернет, социально-экономическая система, глобализация, матрица виртуализации, методология.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическая система современного общества в настоящее время функционирует в трех формах: во–первых, традиционной, существующей в реальном мире и связанной с производством материальных и информационных продуктов; во–вторых, виртуализированной, совмещающей реальное производство с представительством в сети Интернет с переводом ряда управляющих, маркетинговых и финансовых функций и использованием информационно-коммуникационных технологий; в–третьих, виртуальной, позволяющей использовать дополненную и виртуальную реальность в рекламных и коммуникационных целях, использовать электронные платежи, электронные деньги и криптовалюту, осуществлять экономическую деятельность на виртуальных рынках и в метавселенных.

В научной литературе, изданной в последние годы, имеется ряд публикаций, посвященных влиянию информационных технологий на экономику, появлению цифровой экономики и ее новых, ранее не существовавших компонент, к которым, например, относятся Интернет вещей и блокчейн, но комплексному исследованию виртуализации в экономике пока уделено недостаточное внимание. Проблемам виртуализации посвящены работы современных ученых–экономистов, но данные процессы постоянно обновляются за счет новых информационных технологий, поэтому их анализ является актуальным.

Следует отметить, что число отечественных научных исследований, посвященных экономическим аспектам виртуализации, остается незначительным, в то время как ситуация с использованием Интернет в социально-экономической жизни общества постоянно возрастает, растут объемы и изменяются средства

МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ...

электронной коммерции, расширяются виртуальные рынки, меняются условия, функции и формы труда, происходят множественные изменения на производстве.

Влияние виртуализации возрастает в связи с взятым Правительством Российской Федерации курсом на формирование цифровой экономики, в которой связь производственных процессов, граждан между собой, граждан и органов государственного и муниципального управления, а также отдельных устройств осуществляется через компьютерные сети, что потребовало развивать все три формы существования системы хозяйствования, исследовать влияние процессов виртуализации на ее подсистемы и уровни.

Проблема заключается в том, что процессы цифровизации состоят из двух взаимосвязанных направлений, переплетающихся спиралью развития:

- использования информационных, компьютерных и коммуникационных технологий, усиливающих автоматизацию производства и совершенствующих сервис в социальной сфере;

- расширения возможностей сети Интернет, виртуальной среды, в которой проходят реальные транзакционные процессы, производится информационный продукт, курсируют информационные и финансовые потоки, осуществляются кибератаки, а также создается прибавочная стоимость реальных и информационных товаров.

Цифровизации в реальном секторе экономики посвящены многочисленные работы, количество которых с каждым годом растет. Исследованию виртуализированной экономики и виртуализации как тренду уделяется пока недостаточно внимания, особенно теоретиками, хотя в данном случае практика развивается быстрыми темпами, а теория зачастую считает эту сферу несущественной.

Виртуализация представляет собой перенос многих видов деятельности в виртуальную среду Интернет, когда работа осуществляется не с реальными объектами, а с их моделями, преимущественно, изображениями. Процессы виртуализации, начавшись в 1990–х годах, с развитием цифровой экономики после 2017 года начали проникать в экономические и социальные сферы жизни общества, поэтому исследование данных процессов необходимо для выявления уровней их проникновения в экономику и дальнейших направлений развития. Информационная парадигма, обусловившая перенос акцентов с материального производства на информацию и ее обработку, дает основания рассматривать информацию, информационные технологии, процессы виртуализации и цифровую экономику как единое целое, что позволяет применить системный подход к исследуемым процессам, выявить их особенности и инварианты.

Целью настоящей статьи является выработка методологии исследования процессов виртуализации социально-экономической системы, в основе которой лежит матричный подход, позволяющий отследить влияние данных процессов на все уровни: от глобального до персонального, проявление их в производстве, сервисе, финансах, рынках и в социальной сфере.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В июне 2021 г. Правительством РФ были одобрены 13 направлений цифрового развития и цифровой трансформации российской экономики, в которые вошли: «здравоохранение, образование, госуправление, строительство, городское хозяйство и ЖКХ, транспорт, энергетика, наука, сельское хозяйство, финансовые услуги, промышленность, экология, социальная сфера. ... 24 января 2022 г. Минцифры России сообщило о том, что три новых федеральных проекта были включены в Нацпрограмму «Цифровая экономика»: «Цифровые услуги и сервисы онлайн», «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» и «Обеспечение доступа к Интернет за счет развития спутниковой связи».

Принятые документы Правительства свидетельствуют о широкомасштабном использовании в экономике и обществе России информационных, цифровых технологий и Интернет, которые являются причиной и движущей силой процессов виртуализации.

С развитием информационного общества, начало которого официально зафиксировано в документах от 1992 года, развитием информационной экономики, начала формироваться новая информационно-цифровая парадигма как система научных взглядов на современное состояние и перспективы развития человечества и России, в частности.

Из научных публикаций, относящихся к исследованию парадигмы новой экономики, следует отметить работы Н. В. Апатовой [1], А. М. Баранова [2], Т. Н. Юдиной [14], Л. Д. Капанова [5], Д. А. Купряжкина [7], Ю. Д. Землякова и Н. В. Ситкевич [4], М. А. Коваженкова [6], Н. А. Симченко и др. [10], рассматривающих парадигму информационного общества, особенности ее формирования при управлении экономическими процессами, особенности виртуализации социальных институтов, задачи и проблемы внедрения технологии виртуализации, результаты современного развития информационно-коммуникационных технологий и их влияние на процессы глобализации, а также особенности формирования новой экономики.

Существуют два доминирующих подхода, которые используют в методологии исследования процессов современного общества и его экономики: гуманитарный и технократический [2]. Гуманитарный подход ставит на первое место человека с его мотивами поведения и творчества, экономической активностью и социально-личностными качествами. Технократический подход характерен для основоположников теории Индустрии 4.0, он акцентирует внимание на создании и применении информационно-коммуникационных и цифровых технологий, их месте в производстве, торговле, финансовой сфере. Конечно, для появления технологий и их последующего внедрения необходима идея, ее научное обоснование, что невозможно без творческого подхода и мотивации работников, поэтому гуманитарный и технократический подходы неотделимы друг от друга и их не следует противопоставлять.

Т. Н. Юдина, исследуя философско-хозяйственные аспекты цифровой экономики, отмечает рост технологичности и сокращение духовной составляющей в

МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ...

жизни общества вследствие происходящей «электронно-информационной революции» [14, с. 12]. При этом она называет Интернет «мегаинститутом» и пишет, что «усиливается виртуализация экономики. ... Электронно-информационная революция и ее продукт – электронная и цифровая экономики изменяют также форму организации экономических отношений, институтов и организаций в глобальном пространстве рыночной (по сути капиталистической) экономики» [14, с. 13]. Также Т. Н. Юдина считает, что ИКТ открывают неограниченные возможности для качественного экономического роста и выделяет семь факторов данного феномена.

Д. А. Купряжкин определяет причины и факторы ускорения виртуализации современной экономики [7]. Среди причин выделяются следующие: во–первых, возрастают потребности субъектов экономики и социума; во–вторых, происходит всеобщая информатизация, интернетизация и технологизация; в–третьих, повышается производительность труда; в–четвертых, сокращается рабочее время и увеличивается время для отдыха населения; в–пятых, постоянно требуется и происходит саморазвитие, повышение творческих возможностей и мотивов людей; в–шестых, меняются ценности потребителей; в–седьмых, экономика стремится достичь максимальных результатов при прежних затратах [7, с. 16]. Взаимодействие и взаимообусловленность групп экономических интересов позволяют Д. А. Купряжкину сделать выводы о неизбежности ускорения виртуализации экономики, на которую воздействуют природно-климатические, техногенные и общественно-политические факторы.

Наряду с появлением виртуальных потребностей членов информационного общества происходят изменения и их ценностных ориентаций, о чем пишут Ю. Д. Земляков и Н. В. Ситкевич [4]. Согласно выводам данных авторов, именно ценностные трансформации формируют новую мировоззренческую парадигму информационного общества.

М. А. Коваженков пишет: «доминирующей тенденцией стал переход к принципиально новой технико-технологической основе общества, т. е. возрастанию роли компьютеризации, информатизации и виртуализации всех общественных процессов, в том числе, и процессов управления, которые существенно видоизменяют механизм управленческой деятельности» [6, с. 22].

Таблица 1. Рейтинг крупнейших ИТ–компаний мира в 2021 г.

Название	Сфера деятельности	Рыночная капитализация (трлн. долларов США)
Apple	Производство электроники и информационных технологий	2,9
Microsoft	Разработка программного обеспечения	2,5
Alphabet (Google)	Поисковая система в Интернет	2
Amazon	Ритейл–компания, продажа и доставка товаров через Интернет	1,7
Tesla	Инновационное оборудование ИТ	1,1
Facebook	Социальная сеть	0,9326

Источник: составлено автором по материалам [16]

Основой для появления новой парадигмы цифровой экономики стали успехи ИТ–компаний, поставившие их на первые позиции по рыночной капитализации и их вкладу в ВВП развитых стран [5]. В таблице 1 представлен рейтинг крупнейших ИТ–компаний мира в 2021 г. Суммарно в 2021 году компании, указанные в таблице 1, увеличили свою рыночную капитализацию на 2,9 трлн. долларов США [15].

В России самой крупной по уровню капитализации считается Сбер, его же можно причислить и к ИТ–компаниям, поскольку помимо прямой банковской деятельности Сбер развивает свою экосистему и занимается разработкой многих информационных технологий, но ключевым бизнесом при этом остается электронная коммерция [8]. По итогам первых трех кварталов 2021 года выручка экосистемы Сбера, которую образуют нефинансовые ИТ–сервисы, составила 121,7 млрд рублей, что в 2,8 раза превышает аналогичный период 2020 г. [8].

Нами был произведен системный анализ процессов виртуализации цифровой экономики [10], который позволил определить структуру и функции данных процессов, выявить их экстерналии. В результате было определено, что: «Системный анализ позволил определить структуру виртуализации как совокупность взаимосвязанных социально-экономических процессов, в основе которых находится система образования для подготовки кадров цифровой экономики и повышения их квалификации, и далее следуют процессы производства, потребления, рыночные и финансовые процессы, протекающих в компьютерной сети Интернет» [10, с. 23]. Показано, что виртуализация экономики неотделима от виртуализации социальных процессов, включая образование, здравоохранения и сферы информационных услуг. Средой процессов виртуализации выступает всемирная компьютерная сеть Интернет (именно компьютерная, поскольку для передачи данных используют зарегистрированные в сети адреса компьютеров), включая социальные сети и средства передачи и обработки информации. Укрупненная структура состоит из виртуализации образования, производства и потребления, рыночной и финансовой виртуализации. Функции системы процессов виртуализации – это предпринимательство и бизнес, информационная деятельность, интеллектуальная деятельность и искусственный интеллект. Отмечено, что процессы виртуализации имеют в основном позитивные внешние эффекты. «Во–первых, изменения в технологиях снижают стоимость рыночной деятельности и стоимость коммуникации и поиска, меняют поведение потребителей, агрегацию и обработку данных; во–вторых, технологические изменения способствуют таким экономическим изменениям, как масштабы деятельности, индивидуализация и инновации. Также развивается индивидуальное производство по заказам потребителей – кастомизация» [10, с. 35]. Несмотря на достаточно детальный анализ процессов виртуализации, методология исследования данного феномена требует другого подхода, позволяющего выделить его особенности и определить влияние на развитие социально-экономической системы в целом. Таким подходом, по-нашему мнению, является матричный (таблица 2).

Заполнение матрицы виртуализации является предметом обширного научного исследования и в рамках одной статьи можно только рассмотреть общий подход и обозначить направления.

МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ...

Назовем матрицу МВ (матрица виртуализации – табл. 2), соответственно ее элементы будут иметь названия МВ11, МВ12, ..., МВМВ 21, МВ22, ... МВ55. В связи с громоздкостью получаемой таблицы и ее открытостью к дальнейшему заполнению приведем краткое содержание ячеек и обоснуем в данной работе только МВ11.

Таблица 2. Матрица виртуализации (МВ)

Уровни / сферы виртуализации	Производство	Сервис	Финансы	Рынки	Социум
Глобальный	МВ11	МВ12	МВ13	МВ14	МВ15
Макро	МВ21	МВ22	МВ23	МВ24	МВ25
Мезо	МВ31	МВ32	МВ33	МВ34	МВ35
Микро	МВ41	МВ42	МВ43	МВ44	МВ45
Нано	МВ51	МВ52	МВ53	МВ54	МВ55

где:

МВ11 – территориально распределенное проектирование, моделирование и программирование.

МВ12 – системы хранения и поиска информации; управление транснациональными компаниями.

МВ13 – криптовалюта и электронные платежи.

МВ14 – электронная коммерция и рынок Форекс.

МВ15 – экономические функции социальных сетей, метавселенные.

МВ21 – цифровые платформы отраслевого и межведомственного управления

МВ22 – логистические системы, сайт Госуслуг.

МВ23 – российская платежная система «Мир».

МВ24 – товарные рынки.

МВ25 – единая государственная информационная система в сфере здравоохранения ЕГИСЗ.

МВ31 – сайты и порталы поддержки имиджа региона, цифровые платформы территориального управления.

МВ32 – сайты органов местного и государственного самоуправления, цифровые платформы кластеров.

МВ33 – банковские операции, доступ в личные кабинет

МВ34 – региональные рынки товаров и услуг, рынки сельхозпродукции

МВ35 – сайты музеев, рекреационные и туристические услуги

МВ41 – автоматизация, цифровые двойники

МВ42 – сайты и порталы образовательных и медицинских услуг, торговых организаций.

МВ43 – цифровизация банковских операций и бизнес-процессов банков и финансовых организаций.

МВ44 – индивидуализация предложения продукции партнерам и потребителям.

МВ45 – коммуникации малых предприятий, индивидуальных предпринимателей и самозанятых

МВ51 – дистанционный труд, фрилансеры.

МВ52 – дистанционные услуги (консультационные, информационные, образовательные)

МВ53 – майнинг криптовалюты, электронные переводы.

МВ54 – торговля на электронных рынках и биржах, Форекс.

МВ55 – аватаризация.

Виртуализация по своей природе является глобальной, о чем пишут исследователи И. Г. Шестакова [13], Д. И. Филиппова [11], Ю. С. Бегма [3], В. О. Саяпин [9], Халиков М. С. и Корецкий В. А. [12], раскрывая в своих трудах связь глобализационных и виртуализационных процессов, определяя драйверы развития современной экономики, тенденции ее развития.

Глобализационные процессы отражают стремление человечества к всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Исторически эти процессы поддерживались развитием транспорта (флота), связи (телеграф и телефон), но особенно бурно они стали распространяться с появлением Интернет. И. Г. Шестакова отмечает, что: «Многие мыслители, говоря о глобализации и о влиянии на этот процесс инфокоммуникаций, обычно приписывают данному процессу негативное влияние, поскольку для них процесс глобализации ассоциируется с приходом массовой культуры и засильем транснациональных компаний» [13, с. 197].

И. Г. Шестакова выделяет два главных результата современного развития информационно-коммуникационных технологий: виртуализацию и глобализацию [13]. В результате процессов виртуализации получили развитие информационных технологий и частичное перемещение в среду Интернет такие сферы деятельности, как образование, торговля, медицина, социальные услуги, развлечения и игры, коммуникации (общение) между индивидуумами и группами индивидуумов. Каждый из этих аспектов виртуализации имеет как хорошее, так и не очень хорошее воздействие на жизнь каждого человека и общества в целом, но в основном наблюдаются положительные тенденции и процессы совершенствуются технологически и организационно.

Д. И. Филиппова в качестве основной особенности новой экономики отмечает глобализацию, которую видит в том, что «мир в результате обмена товарами и продуктами, информацией, знаниями и культурными ценностями становится более взаимосвязанным» [11, с. 57].

Необходимость изменения парадигмы мировой экономики обосновывает Ю. С. Бегма, ориентируясь на соотношение производства материальных и нематериальных благ: «Сегодня на удовлетворение всех этих сохраняющих свое значение (даже во многом возросших) потребностей в материальных благах уходит лишь седьмая часть имеющихся ресурсов и времени людей. Условия, закономерности жизни и деятельности людей, включая их участие в общественном производстве, не могут не претерпеть качественных изменений. Речь идет о реорганизации производственных отношений, о перестройке системы ценностных установок, о механизме формирования собственного (человеческого) капитала, о появлении новых сфер человеческой деятельности» [3, с. 11]. И далее: «Парадигма новой экономики должна учитывать неисчерпаемость ресурсов, неконкурентную

МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ...

совместимость для всех потребителей продукции интеллектуальной и творческой деятельности» [3, с. 21].

Виртуализация глобальной экономики, как делает вывод В. О. Саяпин, происходит в настоящее время в информационном пространстве, которое позволяет и вынуждает трансформировать содержание, отношения, структуру и институты, а «коммерциализованное и маркетизированное виртуальное пространство сети Интернет в современности становится главным инструментом глобальной экономической деятельности» [9, с. 169]. Изменяется и роль потребителя, который в условиях массового производства пытается сохранить свою индивидуальность и влияет тем самым на производителя, вынуждая его подстраиваться под вкусы конкретного потребителя и осуществлять индивидуализированное предложение товаров и услуг. Этому способствует реклама в виртуальном пространстве и средства организации обратной связи с потребителем, развитие новых методов маркетинга, включая контент-маркетинг, представляющий собой целое научное направление вовлечения потребителя и превращение его в сопроизводителя товаров и услуг. Главной экономической деятельностью в виртуальной среде становится электронная коммерция, доля которой постоянно растет, а темпы роста давно превышают темпы роста традиционной торговли.

Современная экономика переживает глобальный кризис, обусловленный не столько экономическими, сколько политическими причинами, но на него оказывает влияние и смена традиционных парадигм капиталистического способа производства, изменение смысла основных экономических категорий капитала, производительных сил, производственных и экономических отношений, стоимости.

Распространение компьютерной сети Интернет привело к глобализации виртуальных процессов, которые, свою очередь, повлияли не только на экономическую, но и социальную сферу, приведя к многочисленным сетевым коммуникациям и изменениям в социальных и политических институтах [12].

Виртуализированная экономика сочетает в себе традиционные формы в виде реального сектора и сферы сервиса, цифровизацию бизнес-процессов, автоматизацию производства и создание новых видов экономической деятельности, организованных в компьютерной сети Интернет и основанных на информационных и коммуникационных технологиях. Феномен виртуализированной экономики заключается в ее технологизации, охвату производственной и социальных сфер, а также жизнедеятельности индивидуума и изменению его мировоззрения и поведения.

ВЫВОДЫ

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, была предложена методологии исследования процессов виртуализации социально-экономической системы, в основе которой лежит матричный подход. Во-вторых, в качестве основных доменов классификации были выбраны основные сферы социально-экономических систем, а именно: производство, сервис, финансы, рынки и социальная сфера.

В–третьих, предложенная методология позволяет отследить влияние процессов виртуализации на все уровни: от глобального до персонального, включая глобальный уровень, макроуровень, мезоуровень, микроуровень и нано (персональный) уровень социально-экономических систем.

Предложенная методология также позволяет найти отражение существующим процессам виртуализации в отдельных ее проявлениях во всех сформулированных категориях матрицы виртуализации экономики.

Список литературы

1. Апатова Н. В. Теория информационной экономики. Симферополь: «ЧП Бондаренко», 2005. 336 с.
2. Баранов А. М. Новые гуманитарные методы исследования информационной экономики // Альманах Крым. 2020. № 21. С. 31–46.
3. Бегма Ю. С. Мировая экономика: неизбежная смена парадигм // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. № 2 (2). С. 9–22.
4. Горюнов И. А. Глобальный кризис, виртуализация экономики, драйверы развития // Философия хозяйства. 2009. № 5 (65). С. 169–178.
5. Земляков Ю. Д., Ситкевич Н. В. Ценностные трансформации мировоззренческой парадигмы информационного общества // Вестник Международной академии системных исследований. Информатика, экология, экономика. 2016. Т. 18. № 2. С. 100–105.
6. Капранова Л. Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 58–69.
7. Коваженков М. А. Особенности формирования современной парадигмы управления экономическими процессами // *Primo Aspetto*. 2015. Т. 24. № 10 (174). С. 21–26.
8. Купряжкин Д. А. Основные причины и факторы ускорения виртуализации экономики современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 15–18.
9. Пирогов С. Сколько стоит экосистема Сбера? [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200280389>
10. Саяпин В. О. Виртуализация глобальной экономики в информационном пространстве современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5–1 (55). С. 168–174.
11. Симченко Н. А., Апатова Н. В., Королев О. Л. Системный анализ процессов виртуализации цифровой экономики // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 23–39.
12. Филиппова Д. И. Особенности формирования новой экономики // *In Situ*. 2016. № 4. С. 55–59.
13. Халиков М. С., Корецкий В. А. Виртуализация и глобализация как тенденции нового времени // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3. С. 70–81.
14. Шестакова И. Г. Результаты современного развития ИКТ: глобализация и виртуализация // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–3 (62). С. 196–198.
15. Юдина Т. Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3 (33). С. 12–16.
16. Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon, Tesla и Facebook увеличили общую капитализацию на \$2,9 трлн в 2021 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://incrussia.ru/news/biggest-companies-in-2021/>

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 331.102.312

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Кравченко Л. А., Троян И. А., Горячих М. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kravchenko_L.A@mail.ru

В статье рассмотрена актуальная проблема развития человеческого капитала, представлен генезис теории человеческого капитала, при этом выделены особенности познания понятийной и методологической составляющей. На основе исследования подходов к пониманию человеческого капитала, раскрыта его сущность, определены роль в креативной экономике и важнейшие составляющие развития человеческого капитала. Проведено терминологическое разграничение между данным понятием и смежными с ним категориями, такими, как «рабочая сила», «человеческое развитие», «трудовые ресурсы», «человеческий потенциал», «трудовой потенциал». Рассмотрена дифференциация основных трудовых категорий в разрезе макро- и микроуровней. На основе диалектического метода познания обосновано, что в условиях креативной экономики развитие человеческого капитала определяется доминирующей креативной составляющей.

Ключевые слова: человеческий капитал, креативный человеческий капитал, творчество, креативная экономика

ВВЕДЕНИЕ

Нестабильность внешней среды, мировой кризис, политические события вызывают значительные изменения экономической ситуации в России и заставляют пересмотреть основные принципы хозяйственно-экономической деятельности, сменить ее прерогативы.

Концептуальное осмысление человеческого развития как цели общественного прогресса вызывает смену императивов в современной экономической теории и социально-экономической политике. Важность и своевременность постановки данной проблемы для российской экономики подтверждается, прежде всего, ориентацией стратегии на качество человеческого капитала и новыми подходами к сферам, сопряженным с процессом его использования. Объективность развития современной рыночной экономики России и ее регионов предполагает продолжение фундаментальных научных исследований человеческого капитала, методологических подходов к разработке концепции его формирования и развития, поскольку на ее основе раскрывается не только социально-экономическое содержание данного понятия, но и строится стратегия государственного регулирования с учетом специфических функций человеческого капитала в решении следующих задач: обеспечение человеческими ресурсами национальной экономики, регионов, отдельных предприятий, совершенствование социально-экономических процессов, повышение социальной направленности и эффективности экономики, концептуализации места и роли человека в социально-экономической системе.

Сложность, недостаточная изученность и нерешенность на теоретическом, методологическом и прикладном уровнях вопросов формирования и развития

человеческого капитала тесно связаны с вопросами совершенствования социально-экономической политики, поиском адекватных форм и методов регулирования, которые могли бы обеспечить эффективное использование человеческого капитала в условиях креативной экономики обусловили выбор направления данного исследования, подтверждают его актуальность и определяют цель.

Целью статьи является развитие теоретических основ реализации человеческого капитала как ключевого фактора креативной экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Сочетание теоретико-методологических и прикладных исследований, твердо обозначившихся в последние годы, следует, на наш взгляд, считать важнейшей закономерностью развития теории человеческого капитала. Человеческий капитал, его структура, факторы формирования, компоненты активизации его развития традиционно являются одной из ключевых проблем, находящихся в поле научной мысли отечественных и зарубежных ученых. Современная теория человеческого капитала была сформулирована в работах Г. Беккера, дальнейшее развитие получила в работах Т. Шульца, М. Блауга, Э. Денисона, Дж. Кендрика, Л. Туроу, Б. Чизвика и других. Теоретико-методологические подходы к определению человеческого капитала как экономической категории, а также принципы его формирования и использования отражены в научных работах Капелюшниковой Р. И., Марцинкевича В. И., Нижегородцева Р. М., Брижак О. В., Римашевской Н. М., Рюминой Е. В. и многих других отечественных ученых.

Экономическая наука тем или иным способом всегда изучает деятельность человека. Во-первых, человек является объектом исследования экономической науки. С этой позиции он представлен как работник, покупатель, менеджер, предприниматель и тому подобное. Во-вторых, человек в экономической науке представлен как определенная модель, определенный образ, который дает возможность анализировать экономические процессы, то есть рассматривается модель человека как инструмент исследования. Теоретическая конструкция основного течения современной экономической мысли основывается на поведении так называемого экономического человека. Модель экономического человека является не полученным результатом научного анализа, а его предпосылкой, инструментом экономического исследования. Так, в последние годы важным вектором научных исследований являются проблемы качества жизни населения и стимулирования развития человеческого капитала.

«Теория человеческого капитала, основанная на ортодоксальной неоклассической традиции, получила свое развитие в неоинституциональном подходе, который значительно расширил рамки и обогатил методологию анализа, позволил данной теории полнее реализовать ее практическую функцию» [1, С. 98]

Для системного понимания категории «человеческий капитал» следует обратить внимание на само понятие «капитал». К. Маркс так определяет капитал: «...первоначально авансированная стоимость не только сохраняется в обращении, но и изменяет свою величину, присоединяет к себе прибавочную стоимость, или возрастает. И как раз это движение превращает ее в капитал; ...стоимость становится

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА...

самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она – капитал [2, С. 161–165]; ...капитал – это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение» [3, С. 886–887]. По К. Марксу, поведение человека в экономике однозначно детерминировано объективными товарно-денежными отношениями. Экономическая теория, которая ставит человека в центр своего предмета исследования, это – трудовая теория стоимости. Так, теории человеческого капитала предшествовала разработанная К. Марксом теория стоимости рабочей силы, в которой он определил все основные элементы, формирующие ее параметры или элементы человеческого капитала. К. Маркс, пользуясь наработками своих предшественников, назвал почти все факторы формирования ценности рабочей силы (образование, опыт, уровень жизни, исторический и моральный элементы). Таким образом, отличительными чертами категории «человеческий капитал» являются следующие: он создается за счёт инвестиций, генерирует новую стоимость и поток доходов.

Как самостоятельное направление экономического исследования теория человеческого капитала была сформирована только в 50–60-е годы XX века. «Формирование концепции человеческого капитала происходило в период становления и развития теорий о постиндустриальном обществе, вызванных изменениями в общественно-экономической системе, результатом которых стал поворот общественных наук к «реальному» человеку: автоматизация производства; переход от занятости в промышленности к занятости в сфере услуг; изменения в характере труда; высокий темп развития информационно-коммуникативной сферы; потребность в специфическом человеческом капитале» [4].

«Эволюцию теории человеческого капитала можно представить в рамках основных этапов ее развития: классические экономические мысли о человеческом капитале; экономические фундаментальные исследования человеческого капитала; развитие теории человеческого капитала посредством обоснования выделения отдельных компонентов человеческого капитала; современные воззрения на теорию человеческого капитала» [5].

В развитии теории человеческого капитала можно выделить четыре основных периода (табл.1) [6].

Таблица 1. Периоды развития теории человеческого капитала

Исторический период	Характеристика
до 1960 года	Формируется понятие «человеческий капитал», повышается интерес к его изучению, используются финансовые методы оценки. Рассматриваются проблемы управленческого учета капиталовложений в человека и их эффективность.
1960–1990 гг.	В структуре человеческого капитала учитываются инвестиции и обеспечение профессиональной мобильности
1990 -2010 гг.	Учитываются не только финансовые составляющие, но и нематериальные компоненты.
2010 г.– по настоящее время	В условиях конкурентного рынка ключевым фактором производства становится сотрудник с высокоинтеллектуальным потенциалом, способный творчески подходить к решению

Исходным ключевым тезисом в классической теории человеческого капитала стало понимание его как совокупности знаний, навыков и умений человека, расходы на приобретение которых в перспективе должны окупаться в виде доходов от трудовой деятельности [7, 8]. Человеческий капитал рассматривается как совокупность качеств человека, приносящих доход. Армстронг [9] в своих трудах видел неразрывное единство человеческого, социального и организационного капиталов. При этом важно отметить, что, не взирая на значительные исследования, целостность и последовательность современной теории человеческого капитала, между учеными отсутствует как таковое концептуальное единство (рис. 1).

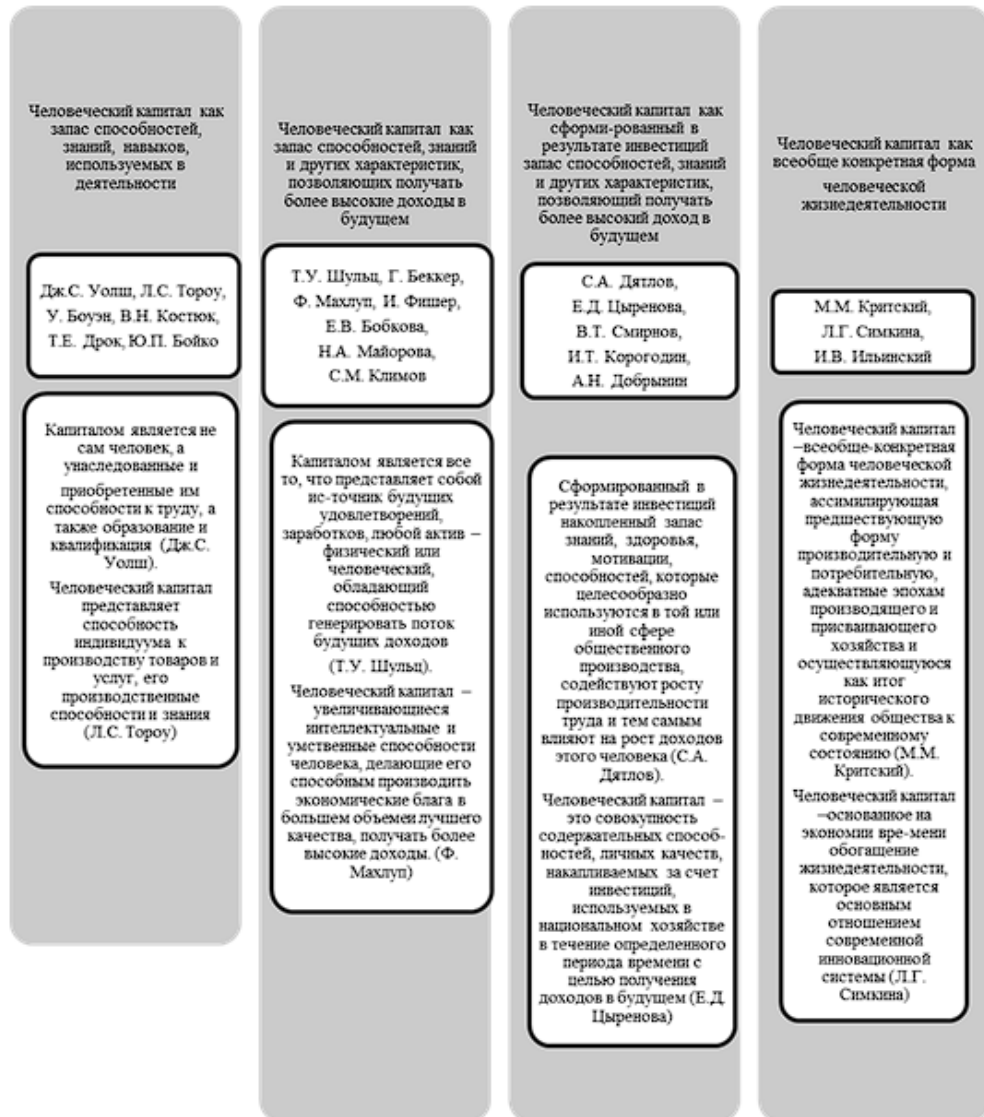

Рисунок 1. Подходы к определению понятия «человеческий капитал».

Рассмотренные подходы к содержанию человеческого капитала значительно различаются по составу субъектов экономических отношений, механизму инвестирования в человеческий и креативный капитал, стратегиям их использования и моделям получения дохода. Анализ вышеперечисленных точек зрения дает возможность определить человеческий капитал систему социально-экономических отношений, возникающих между людьми в процессе создания, реализации, воспроизводства, а также мобилизации и развития способностей человека при удовлетворении своих потребностей, в том числе для получения дохода в определенных институциональных условиях.

Теория человеческого капитала учитывает, что люди могут увеличить свой производственный потенциал за счет более высокого уровня образования и профессиональной подготовки. Однако критики этой теории утверждают, что она ошибочна, чрезмерно упрощена и смешивает труд с капиталом. Формирование и дальнейшее развитие человеческого капитала – это системный и непрерывный процесс единства биологических задатков качеств личности и влияния внешней среды в виде образования, самообразования и саморазвития, трудовой деятельности, повышения квалификации и другими инвестициями во всевозможные навыки и умения человека.

Для того чтобы более полно рассмотреть понятие «человеческий капитал», необходимо провести терминологическое разграничение между данным понятием и смежными с ним категориями, а именно: «рабочая сила», «человеческое развитие», «трудовые ресурсы», «человеческий потенциал», «трудовой потенциал» (рис. 2).

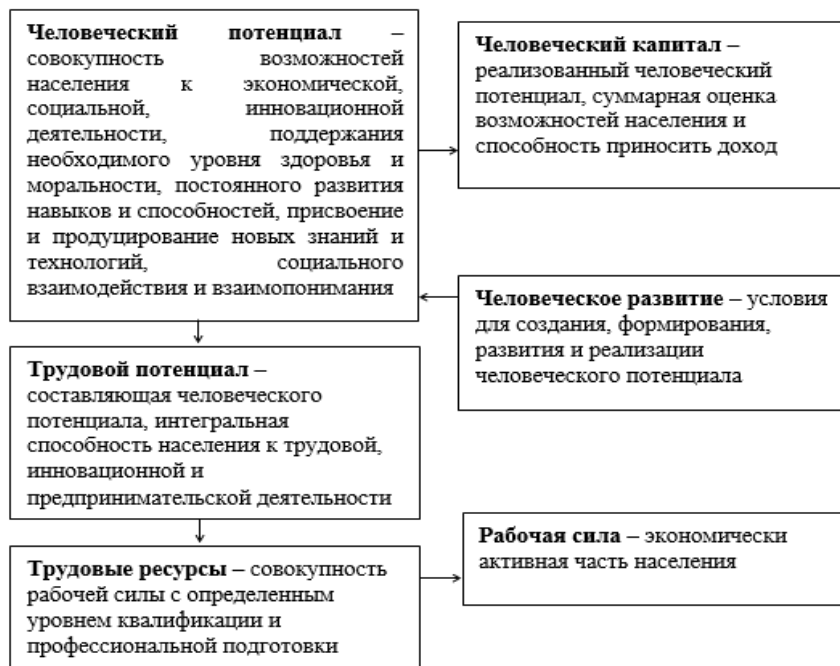

Рисунок 2. Соотношение основных категорий, определяющих роль человека в социально-экономическом развитии.

Научная проблема разграничения этих понятий и категорий имеет теоретический аспект, который связан с потерей четкости понятийного аппарата при употреблении терминов как синонимичных, что противоречит, по крайней мере существующей практике, когда применение категории «капитал» применяется в отношении физического или финансового капитала.

Считаем целесообразным рассмотреть дифференциацию основных трудовых категорий в разрезе макро- и микроуровней в зависимости от степени формирования человеческого капитала (рис. 3).

Рисунок 3. Содержание трудовых категорий на макро- и микроуровне. Источник. Составлено авторами по данным [10].

Следует подчеркнуть, что для развития современной экономики особое значение имеет человеческий капитал с акцентом на креативную составляющую. С приобретением трудом творческого характера в мотивационной сфере личности на первый план выходит потребность в самореализации, стремление раскрыть потенциал своих возможностей, проявить свою индивидуальность. Так, творца интересует не только стимулирование к внедрению инноваций или материальное вознаграждение, которое несет успех той или другой идеи, а в большой степени содержание самого труда. Такое состояние, когда стремление к результативному творческому труду, творческим достижениям исходит от самого работника, а не от «внешнего побудителя» считается наиболее эффективным методом повышения отдачи труда специалистов в креативной сфере. Все это обусловило поиск новых методов активизации человеческого капитала, инвестирования в его развитие, стимулирования трудовой деятельности путем сочетания экономических, организационных и морально-психологических стимулов для раскрепощения инициативы и креативного мышления работников.

Диалектический метод познания места и роли человека в социально-экономической системе позволяет говорить, что на этапе развития креативной экономики основой формирования стратегии управления человеческими ресурсами и их потенциалом является концепция, определяющая, что человеческий капитал – высшая форма богатства общества, предусматривающая систему социально-экономических, организационно-политических и иных мер по преодолению противоречий, во-первых, непосредственно в труде и формах его организации и, во-вторых, в ликвидации отчуждения работника от средств труда и его результатов.

«Появление категории «креативная экономика» связано со все возрастающим влиянием творческих процессов на развитие социума и территории. В основе введения данной категории – выявленные на практике взаимосвязи получения экономических выгод от использования интеллектуального потенциала человека. Как правило, креативные экономические процессы сопровождаются неординарными способами решения проблем» [11]. «Креативная экономика обусловлена качеством человеческого капитала, прямо зависящего, прежде всего, от вклада талантливых людей. Они создают самую высокую добавленную стоимость в развитых экономиках» [12].

Доля креативных индустрий в структуре экономики многих стран развивается наиболее динамически и демонстрирует увеличения части ВВП, производимого творческим трудом. Многие развитые страны привлекают талантливых людей со всего мира как объект инновационной и творческой деятельности, понимая важность человеческого капитала и находя необходимые стимулы для их творчества. Следует отметить, что механизм мотивации креативной активности работников формируется и функционирует в каждой стране с учетом особенностей национальной экономики, специфики государственной политики, системы взаимодействия государственных структур власти, финансовых возможностей и стратегических приоритетов.

Теория человеческого капитала основывается на определении способностей и навыков в определенных исторических условиях, однако рассмотрение человека как носителя умений связано с этическими ограничениями, ведь он, будучи целостной

личностью, обладает не только знаниями и навыками, но и эмоциями. С дальнейшим развитием креативной экономики традиционная концепция человеческого капитала обнаруживает внутреннее противоречие. Креативная экономика может быть названа экономической концепцией новой экономической эпохи, которая усиливает информацию и творчество, полагаясь на идеи и запас знаний человеческих ресурсов в качестве основного производственного фактора в своей экономической деятельности.

Концепция креативной экономики вносит изменения в рынок труда. Развиваются формы гибкой занятости, удаленной работы, растет трудовая мобильность, занятость, в том числе лиц с ограниченными возможностями. Все это позволяет решать вопросы занятости в отдаленных районах, в том числе путем развития, например, традиционных ручных ремесел. Анализ свидетельствует, что человеческий капитал – это не только способности и навыки, но и социальная компонента, опирающаяся на принцип гуманизма. Поэтому «в системе государственного регулирования многих стран приоритетом является социальная политика – образование, здравоохранение и программы социальной защиты» [13]. «Россия, стремясь интегрироваться в новую экономическую реальность, должна развивать условия и механизмы для генерации и реализации креативного человеческого капитала: увеличивать корпоративный заказ на людей с востребованными компетенциями; продвигать имидж страны как привлекательной для талантов; формировать инновационную инфраструктуру, соответствующую интеллектуальному уровню творческих работников и использовать его для создания экосистемы организаций и стартап-проектов; повышать долю занятых в сфере НИОКР; строить отношения с владельцами интеллектуального капитала на основе партнерства» [14].

ВЫВОДЫ

Таким образом, человеческий капитал является нематериальной экономической ценностью опыта и навыков работника, которая включает в себя такие факторы, как образование, обучение, интеллект, навыки, здоровье и другие личностные качества человека в процессе его трудовой деятельности. Инвестиции в человеческий капитал в условиях креативной экономики будут значительно расширяться, включая инвестиции в материализованные способности, духовные аспекты развития человека, в приобретение опыта и положительных чувств, удовлетворенности от своей работы. Изучение характеристик человеческой личности, рациональное и грамотное использование потенциала здоровья, знаний, умений и интеллектуальных способностей человека дает возможность повысить качество жизни и ускорить темпы экономического роста. Креативная экономика производит помимо новых экономических и социальных благ общественно значимые нематериальные ценности и обеспечивает устойчивое развитие, ориентированное на человека. С развитием креативной экономики следует переосмыслить роль человека в структуре факторов производства.

Человеческий капитал, характеризующийся высоким уровнем и эффективностью использования интеллектуального и творческого потенциала,

способен продуцировать бизнес-идеи, которые при должном финансовом обеспечении способны обеспечить рентабельность креативного сектора экономики. Именно концентрация человеческого капитала как одного из наиболее значимых факторов обеспечивает дополнительные конкурентные преимущества, необходимые для ответа на сегодняшние вызовы, стоящие перед Россией. В условиях турбулентных экономических процессов необходимо широко использовать новый феномен, которым, безусловно, является творчество, и сочетать его с технологической зрелостью и накопленными знаниями, что поможет найти инструменты и механизмы, которые дадут возможность России воспользоваться преимуществами креативной экономики.

Развитие человеческого капитала с доминированием его креативной составляющей становится ключевым фактором и движущей силой креативной экономики, которая становится альтернативным сектором национального хозяйства. Креативная экономика способна в полной мере реализовать творческий, интеллектуальный, инновационный потенциал людей и создать условия для полной реализации человеческого капитала.

Целесообразно выделить следующие составляющие сохранения и развития человеческого капитала в условиях креативной экономики, а именно: реализация эффективной государственной политики по поддержке развития креативного сектора экономики; расширение и интенсификация инвестиций в развитие экономики знаний; расширение и активизация профессиональных сетей и ассоциаций; создание бизнес-инкубаторов, кластеров и развитие хабов в креативной сфере; интернационализация и глобализация креативного сектора экономики. Основные направления развития человеческого капитала должны предусматривать эффективное применение всех мер по осуществлению государственной поддержки креативной сферы за счет целевого финансирования, стимулирования реализации творческих идей и расширения границ развития данной сферы.

Список литературы

1. Кравченко Л. А., Троян И. А. Человеческий капитал в креативной экономике // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: Труды XXI Международной научно-практической конференции, Симферополь–Гурзуф, 20–22 октября 2022 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. С. 97–100. EDN GMGKGI.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1983. 905 с.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 2. / Изд. под ред. Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1986. 1080 с.
4. Кудина М. В., Сухарева М. А. Теория человеческого капитала: систематизация подходов на основе критериев взаимосвязи его развития со структурными изменениями в мировой экономике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 59–71.
5. Куделина О. В., Адова И. Б. Развитие теории человеческого капитала в XXI в.: Новые тренды и российский контекст // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 51. С. 60–87.
6. Брюхина Н. Г. Основные концепции человеческого капитала в научных исследованиях // Управление устойчивым развитием. – 2020. – №2 (27) – С.11-19.
7. Schultz Theodore W. Capital Formation by Education. Journal of Political Economy, 1960.
8. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. № 5 (70). P. 9–49.

9. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами; пер. с англ. под ред. С. К. Мордовича. 8-е изд. СПб.: Питер, 2004.
10. Хаджалова Х. М. Качество жизни и человеческий капитал в формировании инновационного развития регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 8 (70). С. 104–110.
11. Орловская Т. Н. Креативная экономика и социопространственное развитие мегаполисов: эволюция взглядов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 65–73.
12. Кузнецова Н. В. Новая парадигма современности – креативная экономика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 15–37. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/15-37>
13. Simchenko N. A., Kravchenko L. A., Gindes E. G., Troyan I. A. Formation And Development Of Human Potential For Service Sector: Globalization Aspect // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. SCTMG 2020 International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism». 2020. P. 3449–3456 doi:10.15405/epsbs.2020.10.05.458
14. Брижак О. В. Роль интеллектуального капитала в развитии национальных экосистем // Теоретическая экономика. 2021. № 5. С. 81–87.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 330.322.212

СОВРЕМЕННЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ «УЗКИХ МЕСТ» БИЗНЕС–ПРОЦЕССОВ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Красина Е. Н.

*Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Москва, Российская Федерация
E-mail: elena_krasina@list.ru*

В статье исследуется актуальная на сегодняшний день тема мониторинга на основе модернизированных возможностей программно-информационного сопровождения, эксплуатируемого в производственной цепи высокотехнологичного оборудования. В каждом бизнес–процессе присутствуют собственные риски неопределенности появления «узких мест», которые во избежание многозатратных потерь рациональнее устранить вовремя. В работе рассматриваются возможные «узкие места» разных бизнес–процессов и предлагается собственная методика их мониторинга на примере конкретных основных бизнес–процессов высокотехнологичного предприятия на основе обнаружения отклонений в операционной деятельности от установленных норм. Выполнена предварительная оценка эффективности ликвидации такого рода «узких мест» в части бухгалтерских издержек.

Ключевые слова: мониторинг, функциональные бизнес–процессы, «узкое место», регламентация, оценка потерь.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время мониторинг является одним из основных инструментов менеджмента в части успешной реализации, поддержки и оптимизации процессов управления. Применение информационных технологий позволяет автоматизированно создать единую базу данных и архивы для последующей формализации необходимых мероприятий по отслеживанию, рационализации использования ресурсов, планированию, регулированию, контролю. Практическая значимость мониторинга состоит в возможности проведения системного анализа, унифицированно разработанного под каждый этап операционной деятельности с совокупным внесением корректирующих и предупреждающих манипуляций, что немаловажно для достижения целей производственных бизнес–процессов высокотехнологичных предприятий, так как любой сбой в них приводит к существенным затратам, которые можно оценить в том числе денежной форме.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В мире имеют место различные подходы и методики проведения мониторинга операционной деятельности. На сегодня к наиболее эффективным и часто практически применяемым относятся программные приложения и автоматизированные платформы моделирования бизнес–процессов, макеты которых базируются на сведениях корпоративных систем и строятся по принципу комплектации архитектуры описательной информации (текстовая, графическая, табличная части) и схематизации взаимодействия участников.

Сейчас в условиях научно-технического прогресса вооруженность высокотехнологичных предприятий современными автоматизированными станками с числовым программным управлением (ЧПУ) открывает конкурентные возможности, в том числе упрощается система сбора данных, совершенствуется контроль над жизненным циклом, обеспечивается высокопроизводительность и высококачественность выпуска продукции, повышается точность за счет сокращения ручного труда и увеличения машинного времени. В свою очередь сжатие штата, диверсификация универсальности выполняемых операций, возможность самодиагностики влекут значительное уменьшение издержек.

Подсоединение интерфейса к информационным сетям предприятия позволяет объединить сведения для мониторинга, обеспечиваются прозрачность и доступность данных, улучшается взаимодействие подразделений, в том числе коммуникация технологических и конструкторских бюро с производственным отделом, что приводит к сокращению сроков производства и подготовки сопроводительной документации.

Цифровое моделирование бизнес-процессов является одним из распространенных способов мониторинга, технология которого заключается в сборе, обработке и анализе неструктурированных данных, на основании которых компьютеризированно выстраивается сценарий, обозначаются ключевые показатели, координируются задачи, настраиваются операции, фиксируются точки контроля [7].

При обнаружении дисфункций для решения проблем исследуется «входная» и «выходная» информация, диаграммы потоков данных и работ, ресурсные сведения. Анализируются зоны ответственности и организация бизнес-процессов, оцениваются итоги операционного выполнения на соответствие установленным в регламентах значениям, конкретизируются причины отклонений, разрабатывается стратегия по устранению «узких мест».

В связи с тем, что вся операционная деятельность классифицируется по функционалу, а именно: «основные» бизнес-процессы генерируют прибыль, «развивающие» создают совершенствующие инновации (НИОКР), «обеспечивающие» снабжают и поддерживают работу всех подразделений, «управленческие» иерархично администрируют операционную деятельность вышеперечисленных процессов [5], соответственно, алгоритмы мониторинга для каждого вида индивидуальны.

Примерами «узких мест» в «управленческих» бизнес-процессах может быть неквалифицированность менеджеров, недоинформированность, некорректность подачи или передачи данных, неверная трактовка и др. [7].

«Узкие места» «обеспечивающих» бизнес-процессов, как правило, – это проблематика финансовой, материальной, кадровой ресурсообеспеченности, низкая квалификация персонала, недейственность работы юридических служб, сбой инженерно-технического снабжения хозяйственной деятельности, срывы сроков поставки, перебои в подаче электроэнергии и др. [10].

Слабым звеном «развивающих» бизнес-процессов, состоящих из цепочки специализированно оснащенных исследовательских и опытно-экспериментальных участков, влияющих на результативность, является недофинансирование,

СОВРЕМЕННЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ...

неорганизованность, бесконтрольность, недейственность схем управления НИОКР [6].

Производственная линия, выполняющая «основные» бизнес–процессы, состоит из совокупности оборудованных рабочих мест, расположенных последовательно/параллельно движению технологических процессов в порядке закрепленных за ними операций. Здесь «узкое место» – это тот участок, звено в технологической цепи, производительность в котором ограничена и после прохождения которого выпуск продукции замедляется из-за недостатка мощностей [7].

Схематизированная коммуникация вышерассмотренных бизнес–процессов изображена на рис. 1.

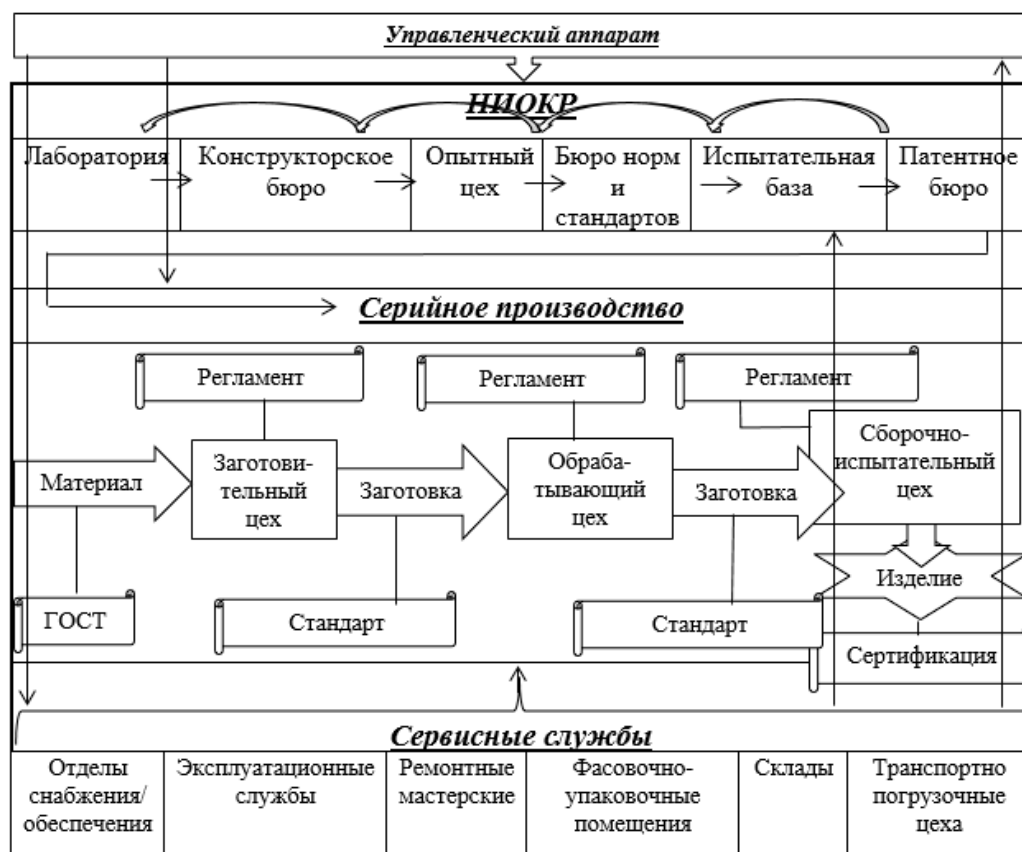

Рисунок 1. Функциональная взаимосвязь бизнес–процессов высокотехнологического предприятия

Источник: составлено автором на основании [7].

Из рис. 1 видно, что управленческий аппарат и сервисные службы взаимодействуют с участниками «основных» и «развивающих» бизнес–процессов

вертикально, а наукоемкие и производственные подразделения между собой – горизонтально.

Регламентация бизнес–процессов, содержащая описательный инструктаж, нормированные показатели и графические элементы, оказывается эффективным средством управленческого воздействия на исполнителей, так как упрощает мониторинг и способствует видению направлений оптимизации.

Ключевые показатели для каждой операции устанавливаются в зависимости от требуемой выработки обработанного сырья, необходимой для полной загрузки ведущего генерирующего оборудования в установленную «норму штучного времени» [9]. Поэтому регламенты разрабатываются узкоспециализированными технологами и экспертными аналитиками индивидуально под каждую операцию с максимальным приближением к существующему порядку выполнения работ.

Для технического регулирования результатов на всех производственных этапах необходим обязательный комплексный контроль геометрических и линейных параметров заготовок, для которого требуется оснастка современными контрольно-измерительными приборами с прогрессивными метрологическими характеристиками. Перечень допустимых и недопустимых дефектов определяется техническими условиями и нормами [4]. Действующие стандарты качества позволяют своевременно выявить отклонения, производственный брак, экономичность расхода материалов.

Следует отметить, что в «основных» бизнес–процессах должное внимание уделяется рациональному размещению технологического и вспомогательного оборудования, так как сокращенные траектории между рабочими местами способствуют обеспечению такта, ритмичности, ликвидации простоев, оптимальному функционированию и эффективности производства с минимальными временными потерями и меньшими прилагаемыми усилиями.

При крупносерийных выпусках на заводах широко распространена поточная линия процессов изготовления продукции. С учетом возможностей площадей преимущество отдается прямолинейной, П–образной, Г–образной планировкам [9].

В рамках данного исследования в качестве примера выявления «узких мест» рассмотрена комплексно-механизированная технологическая цепь «основных» бизнес–процессов по изготовлению многозональных сканирующих устройств.

Поточная организация данного производства состоит из следующих повторяющихся во времени операций: поступление листового материала и прутков на заготовительный участок → разгрузка электрическим подвесным краном → резка на определенные заготовки → шлифовка → термообработка для закалки → обтачивание → контроль → ультразвуковая очистка → сборка → радиоэлектронная пайка → координатные и метрологические измерения → испытания → тароупаковка → погрузка на транспортные средства. Рабочие места при этом расположены прямолинейно и оснащены автоматизированными агрегатами резки, станками токарными, шлифовальными, прецизионными, сверлильно-расточительными машинами, измерительными и координатными установками, оптическими и контрольными приборами (рис. 2).

Рисунок 2. Слабое звено в производственной блок-схеме
 Источник: составлено автором на основании [9].

Из рис. 2 «узкое место» очевидно на участке точной механики, где высокоточный обрабатывающий центр имеет заниженную производительность (мощность $P_{\text{текущая}} < P_{\text{нормированная}}$), которая отмечается увеличенным межоперационным запасом – «затормозом» в звене растачивания (объем $V_{\text{текущий}} > V_{\text{нормированного}}$) и простоем последующего контрольного оборудования (время $t_{\text{текущее}} > t_{\text{нормированного}}$).

На практике существуют различные способы выявления «узких мест». Это и визуальные наблюдения на производственных площадках, расчетный способ на соответствие предельно допустимых значений, автоматизированный мониторинг, включающий картирование, часофикацию, стандартизацию, анализ результирующих показателей операционной деятельности, хронометраж [8].

В рассматриваемом случае на рис. 2 производственное нарушение было обнаружено оператором на ранней стадии посредством сигнальной аппаратуры – трехцветной лампы на станке, отображением сообщения на дисплее ЧПУ, генерации импульсов на пульте. Если бы была поломка, то сработал бы механический датчик – уведомитель.

Методологически стоимость эксплуатации производственного оборудования определяется суммой следующих постатейных показателей: амортизационные отчисления, затраты на энергию, оплату труда работников, цена ремонтов, расходы на быстроизнашивающиеся части (режущий, шлифовальный инструмент), при необходимости, смазку, охлаждающую жидкость, сжатый воздух и пр. [3].

Для оценки значимости отклонений проанализированы основные известные характеристики оборудования слабого звена, предшествующей и последующей установки (табл. 1).

Таблица 1. Выборка установочных данных

Наименование	Мощность электродвигателя	Напряжение/ Частота	Иные параметры
Расточной станок	60 кВт	380 В/50 Гц	крутящий момент 111 Нм; число оборотов 10 000 об/мин
Высокоточный центр	90 кВт	3х400 В/50 Гц	скорость подачи 20 м/мин; усилие 11000 Н; точность 3 мкм; ср. арифм. отклонение 0,8 мкм
Станция контроля	4 кВт	220 В/50 Гц	скорость измерения 0,2 мм/с; точность измерений 1,2 мкмс

Источник: составлено автором.

В технологической цепи на рис. 2 у высокоточного центра при производстве условно зафиксирована мощность 75 кВт, точность 6 мкм, отклонение от средней линии профиля 0,9 мкм, что аргументирует несоответствие относительно установочных характеристик и регламентированных значений показателей табл. 1. Выявленные величины свидетельствуют не только о снижении производительности, но и о недопустимом смещении от норм, которые сказываются на эффективности и качестве выпуска.

Из-за снижения пропускной способности отмечено скопление нескольких единиц заготовок в звене горизонтального расточного станка, что требует либо прерывания бизнес-процесса, либо добавочных зон хранения, а расположение рабочих мест на участке точной механики не предполагает площади размещения дополнительных стеллажей, да и остановка приведет к значительным потерям. Временный простой рассматриваемого оборудования влечет издержки на электроснабжение, заработную плату работников, занятых на данном участке, и операторов. Далее проведем их условную стоимостную оценку.

По данным Росстата, среднемесячная зарплата работников машиностроительной отрасли в 2021 году – 59 789 руб./месяц [11]. Исходя из расчета 5-дневной рабочей недели в сентябре 2021, стоимость единицы отработанного времени составляет 339,71 руб./чел.-час (59 789 руб./месяц / 22 рабочих дня / 8 часов).

Итак, условно, 2-х часовой простой рабочих на расточном станке, станции контроля и одного оператора обойдется предприятию в 2 038,26 руб./день (339,71 руб./чел.-час * 2 часа * 3 работника). При неустранении «узкого места»

потери по заработной плате будут свыше 10 191,30 руб./неделя, 44 841,72 руб./месяц.

В целях увеличения объема выпуска и эффективности использования технологического оборудования на предприятиях функционирует сменное непрерывное производство [2]. Так, по графику занятости «сутки через трое» простой за 24 часа может увеличиться до 6 часов. Тогда убытки по оплате труда составят более 48 918,24 руб./месяц. (339,71 руб./чел.–час * 6 часов * 3 работника * 8 смен/месяц). На рассчитанную сумму добавляются отчисления на различные социальные нужды, порядка 30 % (пенсионный фонд – 22 %, медицинское страхование – 5,1 %, социальное страхование – 2,9 %) [1]. То есть, обобщенно, заработная плата вместе с начислениями на нее составит 63 593,71 руб./месяц.

Цена электроэнергии по одноставочному тарифу в сентябре 2021 – 5,73 руб/кВт*ч [12]. Следовательно, с учетом данных табл. 1, стоимость 6–ти часовой остановки в смену расточного станка при переизбытке скопившегося объема заготовок обойдется предприятию в 16 502,40 руб./месяц (5,73 руб. * 60 кВт * 6 часов * 8 смен), а простой станции контроля – в 1 100,16 руб./месяц (5,73 руб. * 4 кВт * 6 часов * 8 смен/месяц). То есть суммарно расходы на электроэнергию – 17 602,56 руб./месяц (16 502,40 руб./месяц + 1 100,16 руб./месяц).

Итого рассчитанные общие месячные потери от простоя – 81 196,27 руб./месяц. Если необходимо остановить полностью всю производственную линию, то помимо расходов на заработную плату работников и энергоносители добавляются затраты на ремонт, замену быстроизнашиваемых частей, смазку, аренду и коммунальные услуги.

Кроме оценки бухгалтерских издержек – операционных потерь из-за существования «узкого места» рассматриваемого бизнес–процесса дополнительно также следует принять во внимание существование других экономических издержек вследствие недополученной выгоды от возможного производства продукции во время существующих простоев как производственного оборудования, так и персонала.

ВЫВОДЫ

Таким образом, современный мониторинг бизнес–процессов по существу оказывается значимым этапом менеджмента и действенным экономичным инструментом, так как позволяет компаниям своевременно выявить угрозы и оценить их потенциальную серьезность, предугадать финансовые потери и избежать дополнительных затрат, минимизировать риски, разработать эффективную стратегию с целью ликвидации «узких мест».

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 1998 года № 146–ФЗ. Налоговый кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 16 июля 1998 года Одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197–ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. вступ. в силу с 25.07.2022). Статья 103.
3. Приказ № 513/пр от 04.09.2019 «Об утверждении методических рекомендаций по определению сметных цен на эксплуатацию машин и механизмов», утв. Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

4. Анисимова Л. И., Кривоногова А. С. Метрологические характеристики средств измерений и технического контроля геометрических величин: Справочник. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та. 2018. 258 с.
5. Варзунов А. В., Торосян Е. К., Сажнева Л. П. Анализ и управление бизнес-процессами: Учебное пособие. СПб: Университет ИТМО. 2016. 112 с.
6. Кузнецов А. В. Управление НИОКР: российские проблемы и мировой опыт // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 6. С. 18–37.
7. Пирогова Е. В. Управление бизнес-процессами предприятия: Учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2017. 107 с.
8. Семенов С. В., Семахин Е. А. Экономика организации: повышение экономической эффективности подразделения предприятия при внедрении методики быстрой переналадки оборудования // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28 - С. 528–531.
9. Скиба М. В., Шебуняева О. М. Организация производства и менеджмент: Учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2016. 72 с.
10. Шарапов В. В. Управленческий учет бизнес-процесса снабжения: Международный бухгалтерский учет // Проблемы учета. 2012. - № 47 (245). С. 18–23.
11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosstat.gov.ru/>.
12. Мосэнергосбыт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mosenergosbyt.ru/individuals/tariffs-n-payments/tariffs-msk/archive/archive - 2021.php>.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 332.1

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ И РЫНОК ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ

Петухов Н. А., Нижегородцев Р. М.

*Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Москва, Российская Федерация
E-mail: МТЕК-01@mail.ru*

Анализируется национальный проект «Образование» и различные государственные и региональные программы, нацеленные на развитие общего образования. На примере областей Центрального Федерального округа прогнозируется возникающая потребность в учителях для реализации данных программ.

Ключевые слова: национальный проект «Образование», государственная программа «Земский учитель», региональная программа «Современная школа», потребность в учителях.

ВВЕДЕНИЕ

Целью различных государственных программ является решение возникающих проблем в различных регионах, разработка и финансирование мероприятий, направленных на достижение определенных показателей, требующих поддержки государства, и решаемые проблемы могут быть касаться различных сфер жизни и деятельности населения, предприятий, государства. В рамках реализации таких программ государство разрабатывает и внедряет мероприятия, нацеленные на развитие территорий, отраслей, предприятий, проведение научных исследований, развитие образования, здравоохранения, стимулирование занятости, проведение природоохранных, экологических и других мероприятий и решение соответствующих проблем.

Различные государственные проекты могут касаться решения различных задач в области деятельности предприятий и отраслей, социальных вопросов, улучшения качества жизни и других аспектов, в том числе образования. Помимо различных программ, непосредственно нацеленных на развитие образования, некоторые другие государственные программы могут косвенно оказывать влияние на развитие общеобразовательных организаций. Так, например, различные программы, нацеленные на улучшение демографической ситуации («Материнский капитал» и т. п.), могут привести к увеличению численности потенциальных учеников; программы, нацеленные на развитие территорий, строительство крупных и стратегически важных объектов, могут привести к миграции в определенные регионы не только трудоспособного населения, но и детей, для которых будет необходимо получение общего образования. Данные Росстата [1, 2] позволяют отслеживать и отчасти прогнозировать миграционные тенденции такого рода.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Одной из программ развития образования, точнее, привлечения учителей в сельские школы, является программа «Земский учитель» [8], целью которой является привлечение учителей в малые населенные пункты, испытывающие недостаток

учителей, а также в сельскую местность. Основными условиями участия в такой программе являются:

- работа в сельском населенном пункте с численностью жителей не более 50 тысяч человек;
- возраст претендента (не более 55 лет, но в некоторых регионах возраст должен быть несколько ниже – не старше 35 лет);
- соответствие претендента предъявляемым квалификационным требованиям;
- минимальный срок трудового контракта – 5 лет.

Также в зависимости от региона к претенденту могут предъявляться дополнительные требования – стаж, минимальная нагрузка, проживание в другом регионе и т. п. Для привлечения учителей по данной программе предусмотрена единовременная стимулирующая выплата в размере одного миллиона рублей (в регионах Дальневосточного Федерального округа – два миллиона рублей). Полученную выплату можно направить на приобретение жилья, автомобиля, личные нужды, но необходимым условием является минимальный срок трудоустройства – не менее 5 лет; в случае досрочного расторжения стимулирующая выплата подлежит возврату в бюджет.

Реализация государственной программы «Земский учитель», с одной стороны, стимулирует приток учителей в малые города и сельские населенные пункты, но вместе с тем, возникают определенные проблемы в реализации данной программы:

- стимулирующая выплата и льготы представляются в первый год после прохождения конкурсного отбора, и в последующем никаких льгот не предусмотрено;
- при малой заработной плате в сельской местности стимулирующая выплата в расчете на пять лет – минимальный срок договора – в реальности дает ежемесячную прибавку приблизительно в 16667 рублей, что сопоставимо со средним уровнем заработных плат на селе;
- предоставление жилья прошедшим конкурсный отбор не регламентируется государственной программой «Земский учитель», и не в каждом случае возможно обеспечение жильем прибывающего учителя;
- при приобретении жилья на селе за счет компенсационной выплаты возможно проживание в период работы, но после окончания трудового договора и нежелании его продления могут возникать трудности при продаже данного жилья вследствие его обесценивания или падения спроса на жилье в сельской местности;
- более слабое развитие инфраструктуры на селе по сравнению с городом является препятствием при принятии решения об участии в такой программе.

Финансирование государственной программы «Земский учитель» осуществляется из федерального бюджета на основании решения местной администрации в соответствии с соглашением с Министерством просвещения и договором с общеобразовательным учреждением. По состоянию на июнь 2021 года, по областям Центрального Федерального округа по программе «Земский учитель» число вакансий составляло:

- в Белгородской области – 8 вакансий;
- в Брянской области – 8 вакансий;

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ И РЫНОК ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ

- во Владимирской области – 7 вакансий;
- в Воронежской области – 3 вакансий;
- в Ивановской области – нет вакансий;
- в Калужской области – нет вакансий;
- в Костромской области – 69 вакансий;
- в Курской области – 6 вакансий;
- в Липецкой области – 1 вакансия;
- в Московской области – 33 вакансии;
- в Орловской области – 13 вакансий;
- в Рязанской области – нет вакансий;
- в Смоленской области – нет вакансий;
- в Тамбовской области – 3 вакансии;
- в Тверской области – 117 вакансий;
- в Тульской области – 19 вакансий;
- в Ярославской области – 13 вакансий;
- в г. Москва – нет данных.

По отношению к общей численности учителей в областях Центрального Федерального округа число вакансий в среднем не превышает 0,1 % от общей численности учителей в регионе; наибольшее значение – только в Тверской и Костромской областях – вакансии по программе составили порядка 1,3–1,4 % от общей численности учителей соответствующих областей.

На сегодняшний день потребность в учителях намного выше, чем число вакансий по государственной программе «Земский учитель», и в областях Центрального Федерального округа данная потребность также различается в силу особенностей регионов [4]. Так, например, по состоянию на лето 2021 года в Белгородской области были открыты 114 вакансий учителей, в том числе 40 – в сельские школы; в Калужской области из 463 вакансий общеобразовательных организаций – 333 вакансии учителей (в сельские школы – 100 учителей); в Курской области требовалось 213 учителей, из них в сельские школы – 101); в Смоленской области из 648 вакансий общеобразовательных организаций 475 пришлось на учителей, в том числе в сельские школы – 221; в Тамбовской области – требуется 156 учителей.

В различных областях требуются учителя различной направленности – как учителя начальных классов, так и учителя–предметники. В отличие от общего числа вакансий учителей по программе «Земский учитель» реальная потребность в учителях намного выше и в зависимости от области составляет порядка 3–5 % от общей численности учителей региона.

Государственная программа «Земский учитель» является частью национального проекта «Образование», который имеет целью обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; действие национального проекта рассчитано на 2019–2024 гг.

В ходе реализации национального проекта «Образование» планируется решение различных задач, касающихся организации и развития образования [5–7]. Среди них можно выделить задачи, которые непосредственно связаны с педагогическим составом и направлены на решение вопросов подготовки и повышения квалификации учителей, организации образовательного процесса, особенно в сельской местности. Согласно национальному проекту «Образование», в ближайшие годы планируется:

- ликвидировать обучение в третью смену;
- создать 24,5 тыс. новых мест в сельских школах и школах, расположенных в поселках городского типа;
- создать 230 тыс. новых мест в общеобразовательных организациях;
- построить и ввести в эксплуатацию 25 новых школ;
- ввести национальную систему учительского роста педагогических работников;
- вовлечение большинства молодых учителей в различные формы поддержки и сопровождения в первые три года работы;
- прохождение не менее 10 % педагогических работников независимой оценки профессиональной квалификации;
- повышение профессионального мастерства 50 % педагогических работников в форме непрерывного образования;
- почти для миллиона сельских детей не менее чем в 7000 общеобразовательных организаций будет обновлена материально-техническая база для занятий физической культурой и спортом;
- будет построено 245 детских технопарков «Кванториум» и 340 мобильных технопарков для сельских детей;
- в 16 тысячах сельских школ будет создана материально-техническая база для реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ цифрового, естественнонаучного, технического и гуманитарного профилей;
- будет внедрена система мониторинга трудоустройства выпускников вузов с учетом качества подготовки выпускников.

В рамках национального проекта «Образование» действуют различные региональные проекты, которые связаны с основными целевыми показателями национального проекта «Образование». Среди таких проектов в регионах Центрального Федерального округа можно выделить:

- региональные проекты «Современная школа», целью которых является вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран по качеству образования, включая содержание и технологии преподавания общеобразовательных программ;
- региональные проекты «Учитель будущего», целью которых является вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран по качеству общего образования к 2024 году путем внедрения национальной системы профессионального роста педагогических работников;
- региональные проекты «Молодые профессионалы», целью которых является модернизация профессионального образования, вхождение Российской Федерации к 2024 году в число 10 ведущих стран по присутствию организаций высшего образования в топ–500 глобальных рейтингов университетов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ И РЫНОК ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ

В отличие от областей Центрального Федерального округа в г. Москва действует государственная программа «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)» [3], цели и задачи которой также соответствуют целям и задачам национального проекта «Образование».

В ходе реализации государственных программ в сфере образования решаются различные проблемы, но при прогнозировании численности учителей и, в частности, корректировки полученного прогноза вследствие реализации государственных программ, необходимо оценить изменение численности учителей из-за строительства и ввода в эксплуатацию новых школ, создания новых мест в школах и других предлагаемых госпрограммами мероприятий в будущем. С одной стороны, создание новых мест в общеобразовательных организациях должно потребовать дополнительного количества учителей. Но вместе с тем, есть определенные особенности:

- новые места могут создаваться не только в ходе строительства новых школ, но и в результате расширения уже действующих; создание дополнительных мест может быть продиктовано высокой нагрузкой на общеобразовательную организацию с целью уменьшения количества смен обучения, и при организации обучения в одну смену могут потребоваться дополнительные учителя;

- создание большого количества дополнительных рабочих мест в школах с низкой загруженностью (особенно в сельской местности) маловероятно и может быть продиктовано необходимостью в них в условиях дефицита кадров;

- созданные дополнительные места могут потребовать меньше учителей, чем при открытии нового учебного заведения в случае неполной загрузки уже работающих учителей; но при открытии различных дополнительных занятий, кружков, секций и т. п., которые планируется создавать в рамках национального проекта «Образование», в той или иной мере возникает косвенная потребность в учителях.

Дополнительная потребность в учителях может быть выражена в зависимости от средней нагрузки на одного учителя и числа планируемых новых мест, создаваемых согласно региональным проектам «Современная школа» в сельских населенных пунктах и поселках городского типа. В реальных условиях требуемая численность учителей может быть меньше, но с учетом того, что реализация государственных программ будет затрагивать и городские школы, в которых ситуация с педагогическими кадрами несколько лучше, можно считать, что потребность в учителях, возникающая при реализации государственных программ, будет зависеть от числа дополнительных мест и нагрузки на учителей. Число планируемых к созданию новых мест в общеобразовательных школах на селе и в поселках городского типа в областях Центрального Федерального округа в 2019–2025 гг. даны в табл. 1. Фактические данные по регионам взяты с сайтов соответствующих департаментов образования [9–27].

Таблица 1. Создание новых мест в общеобразовательных организациях, расположенных в сельской местности и поселках городского типа согласно региональным программам «Современная школа» в областях Центрального Федерального округа в 2019–2025 гг.

	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Белгородская область	0	0	200	200	200	200
Брянская область	600	1225	131	1225	0	0
Владимирская область	0	132	132	132	282	282
Воронежская область	0	0	0	248	0	0
Ивановская область	700	150	200	550	0	0
Калужская область	0	0	0	70	70	70
Костромская область	0	0	0	180	180	180
Курская область	100	240	250	408	0	860
Липецкая область	0	0	100	0	0	0
Московская область	275	500	2654	2450	0	0
Орловская область	0	0	90	0	0	0
Рязанская область	182	132	0	0	120	0
Смоленская область	575	1675	0	0	0	0
Тамбовская область	0	0	250	0	0	0
Тверская область	0	0	0	0	100	100
Тульская область	0	0	0	0	50	50
Ярославская область	0	0	0	140	0	0
г. Москва	14230	15600	11600	–	–	–

Для определения потребности в учителях, возникающей при создании новых мест в общеобразовательных учреждениях, необходимо рассчитать нагрузку на учителя – численность обучающихся в общеобразовательных организациях, приходящихся на одного учителя. Данное соотношение имеет тенденцию к ежегодному увеличению, и для расчета прогнозного значения нагрузки учителей в 2020–2023 гг. рассчитывается среднее увеличение за последние три года; в зависимости от региона, исходя из реального значения в 2019 году, производится расчет прогнозной нагрузки на учителя в планируемом периоде. Необходимо иметь в виду, что в реальных условиях может существовать проблема неполной занятости у учителей, и в случае создания дополнительных мест такой учитель может вести дополнительные занятия.

На сегодняшний день средняя нагрузка на одного учителя в областях Центрального Федерального округа составляет порядка 10–20 обучающихся, и полученная потребность в учителях, возникающая из-за создания новых мест в общеобразовательных организациях, в большинстве областей составит не более 40 учителей в год за исключением Брянской области (потребность в отдельные годы превышает 85 учителей), Московской области (потребность в отдельные годы превышает 130 учителей) и г. Москва (табл. 2).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ И РЫНОК ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ

Таблица 2. Требуемая численность учителей в рамках реализации региональных программ по созданию новых мест в общеобразовательных организациях исходя из прогнозной нагрузки на одного учителя в областях Центрального Федерального округа в 2020–2023 гг.

	Прогнозное отношение численности обучающихся, приходящихся на одного учителя, человек				Планируемое число создаваемых новых мест в общеобразовательных организациях, единиц				Потребность в учителях, человек			
	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023	2020	2021	2022	2023
Белгородская область	14,12	14,47	14,82	15,19	0	200	200	200	0	13,8	13,5	13,2
Брянская область	13,62	13,95	14,29	14,64	1225	131	1225	0	89,9	9,4	85,7	0
Владимирская область	17,81	18,15	18,49	18,84	132	132	132	282	7,4	7,3	7,1	15,0
Воронежская область	15,14	15,69	16,26	16,85	0	0	248	0	0	0	15,3	0
Ивановская область	18,16	18,62	19,08	19,56	150	200	550	0	8,3	10,7	28,8	0
Калужская область	15,82	16,25	16,70	17,15	0	0	70	70	0	0	4,2	4,1
Костромская область	15,32	15,86	16,43	17,01	0	0	180	180	0	0	11,0	10,6
Курская область	10,25	10,38	10,51	10,64	240	250	408	0	23,4	24,1	38,8	0
Липецкая область	15,26	15,71	16,17	16,65	0	100	0	0	0	6,4	0	0
Московская область	18,29	18,56	18,83	19,11	500	2654	2450	0	27,3	143,0	130,1	0
Орловская область	11,55	11,85	12,16	12,47	0	90	0	0	0	7,6	0	0
Рязанская область	14,41	14,78	15,15	15,54	132	0	0	120	9,2	0	0	7,7
Смоленская область	14,24	14,94	15,68	16,45	1675	0	0	0	117,6	0	0	0
Тамбовская область	12,25	12,43	12,62	12,81	0	250	0	0	0	20,1	0	0
Тверская область	15,36	15,76	16,18	16,60	0	0	0	100	0	0	0	6,0
Тульская область	13,94	14,15	14,37	14,59	0	0	0	50	0	0	0	3,4
Ярославская область	16,20	16,77	17,36	17,96	0	0	140	0	0	0	8,1	0
г. Москва	17,50	18,05	18,61	19,19	15600	11600	-	-	891,4	642,7	-	-

В г. Москва в 2020 и 2021 гг. потребность в учителях превышает 600 человек; но в отличие от других областей Центрального Федерального округа (в них действуют региональные программы «Современная школа»), в г. Москва действует программа «Столичное образование», рассчитанная на краткосрочный период, и плановые показатели на 2019–2021 гг. составляют порядка 11600–15600 новых мест в общеобразовательных организациях; а в дальнейшем, плановые показатели на 2022–2023 гг. будут приниматься зависимости от текущей ситуации.

Уточнение в прогнозе численности учителей, учитывающее создание новых мест в общеобразовательных организациях, будет представлять собой дополнительную ежегодную численность учителей, которая будет рассчитываться нарастающим итогом, т. к. созданные дополнительные места и, соответственно, возникшая потребность в учителях будут существовать и в следующие годы после создания таких мест. То есть, если, например, в 2020 году было создано определенное количество новых мест в школах и для работы на них требуется, например, 10 учителей, то прогноз численности учителей необходимо увеличить на десять человек, но т. к. данные места, созданные в 2020 году, будут существовать и в дальнейшем, в 2021–2023 гг., то и в следующие годы прогноз необходимо увеличивать на данную численность учителей и, если будут вводиться еще новые места в школах, добавлять еще учителей. Так как для г. Москва программа «Столичное образование» охватывает только ближайший период – 2020–2021 гг., и с учетом того, что существует тенденция к уменьшению численности учителей, то на период 2022–2023 гг. дополнительную потребность в учителях можно принять на среднем уровне 500 человек в год. Также полученная потребность в учителях из-за реализации

государственных и региональных программ округляется в большую сторону в целях избежания возможного дефицита учителей (табл. 3).

Таблица 3. Потребность в учителях вследствие реализации региональных программ «Современная школа» в областях Центрального Федерального округа в 2020–2023 гг. нарастающим итогом, человек.

	2020	2021	2022	2023
Белгородская область	0	14	28	42
Брянская область	90	100	186	186
Владимирская область	8	16	24	39
Воронежская область	0	0	16	16
Ивановская область	9	29	58	58
Калужская область	0	0	5	10
Костромская область	0	0	11	22
Курская область	24	49	88	88
Липецкая область	0	7	7	7
Московская область	28	171	302	302
Орловская область	0	8	8	8
Рязанская область	10	10	10	18
Смоленская область	118	118	118	118
Тамбовская область	0	21	21	21
Тверская область	0	0	0	6
Тульская область	0	0	0	4
Ярославская область	0	0	9	0
г. Москва*	892	1535	2035**	2535**

* применяются данные по программе «Столичное образование»;

** данные на 2022-2023 гг. исходя из тенденций предыдущих периодов принимаются равными минимально вероятному значению 500 учителей в год.

Для корректировки прогноза численности учителей итоговая поправка, учитывающая влияние различных государственных и региональных программ, будет учитывать дополнительную потребность в учителях вследствие создания новых мест в общеобразовательных организациях, а потребностью в учителях, возникающей в результате реализации программы «Земский учитель», можно пренебречь, т. к. в большинстве случаев привлечение учителей по данной программе составляет менее 0,1 % от общей численности учителей при текущей потребности в 3–5 % в областях Центрального Федерального округа.

Необходимо иметь в виду, что корректировка прогнозной численности учителей в регионе вследствие реализации государственных программ не учитывает потребности в учителях, возникающей из-за текучести кадров. Также привлечение кадров в различные области в ходе реализации государственных программ влияет на миграционную привлекательность территорий и на рынок труда учителей и рынок труда в целом [28].

ВЫВОДЫ

Таким образом, прогноз численности учителей может строиться исходя из ретроспективного анализа и сложившихся тенденций, а также по другим моделям, учитывающим различные факторы, и может не учитывать влияние различных государственных программ. В данном случае возникает необходимость в корректировке прогноза и внесении поправок, учитывающих реализацию различных государственных и региональных программ, в ходе которых может возникать дополнительная потребность в кадрах.

Необходимо иметь в виду, что с течением времени может измениться степень влияния того или иного фактора на рынок труда, а также могут возникнуть другие факторы, которые невозможно предусмотреть и оценить степень их влияния на показатели в процессе прогнозирования. В этом случае с течением времени нужно вносить соответствующие коррективы, учитывающие современное состояние и текущие изменения на рынке труда.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. / Росстат. М., 2020. 700 с.
3. Постановление Правительства Москвы № 450–ПП «Об утверждении государственной программы города Москвы «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)» от 27 сентября 2011 года.
4. Петухов Н. А., Нижегородцев Р. М. Межрегиональная дифференциация образовательных систем на рубеже цифровых трансформаций: векторы, тенденции, альтернативы. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019. 432 с.
5. Сайт национальных проектов, проект «Образование». [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/obrazovanie>
6. Национальный проект «Образование». [Электронный ресурс]. URL: <https://projectobrazovanie.ru/>
7. Министерство просвещения, национальный проект «Образование». [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project>
8. Сайт госпрограммы «Земский учитель». [Электронный ресурс]. URL: <https://zemteacher.apkpro.ru/>
9. Официальный сайт департамента образования Белгородской области [Электронный ресурс]. URL: <http://образование31.рф/>.
10. Департамент образования и науки Брянской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edu.debryansk.ru/>.
11. Департамент образования Владимирской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://департамент.образование33.рф/>
12. Департамент образования, науки и молодежной политики Воронежской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.govvrn.ru/>
13. Департамент образования Ивановской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iv-edu.ru/>
14. Министерство образования и науки Калужской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://admoblkaluga.ru/sub/education/>
15. Департамент образования и науки Костромской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.koipkro.kostroma.ru/>
16. Портал государственных органов Костромской области, раздел проектов по образованию. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.adm44.ru/RSI/education/>
17. Комитет образования и науки Курской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://комобр46.ru/>
18. Управление образования и науки Липецкой области. [Электронный ресурс]. URL: <http://deptno.lipetsk.ru/>.

19. Министерство образования Московской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://mo.mosreg.ru/>
20. Департамент образования Орловской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://orel-region.ru/index.php?head=6&op=1&part=73&unit=5>
21. Министерство образования и молодежной политики Рязанской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://minobr.ryazangov.ru/>
22. Департамент Смоленской области по образованию и науке. [Электронный ресурс]. URL: <http://edu67.ru/>
23. Управление образования и науки Тамбовской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://obraz.tmbreg.ru/>
24. Министерство образования Тверской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://минобр.тверскаяобласть.рф/>
25. Министерство образования Тульской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://education.tularegion.ru/>
26. Департамент образования Ярославской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yarregion.ru/depts/dobr/default.aspx>
27. Департамент образования и науки города Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/donm/>
28. Нижегородцев Р. М., Петухов Н. А. Подходы к прогнозированию спроса на региональных рынках труда // Управление инновациями – 2020: Материалы международной научно-практической конференции/ Под ред. Р. М. Нижегородцева, Н. П. Горидько. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2020. С. 129–137.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 332

МАКРОРЕГИОНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ровенчак О. И., Мираньков Д. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: oksana_shaht@mail.ru

В статье рассмотрены ключевые понятия макрорегиона с различных точек зрения ученых и аргументирована классификация макрорегионов. Российский и западноевропейский подход к определению крупных регионов дает возможность сравнить и выявить особенности регионализации в РФ и Западной Европе. Основанием для экономико-правового районирования служат развитие социально-экономических связей регионов, урбанизация населения, географическое месторасположение регионов, близость регионов к природным ресурсам и транспортным магистралям, оптимальное использование инфраструктуры регионов. Изменения в политике и экономике в Российской Федерации носят резкий и глубокий характер. В такой ситуации детерминирование макрорегионов позволит укрепить экономику регионов, дополнить теоретическими разработками понимание сущности регионализма в пространственной экономике, выработать политику управления интеграционными процессами регионов, использовать положительный опыт регионализации западноевропейских стран, выявить и сократить риски регионализации с целью укрепления государственности Российской Федерации.

Ключевые слова: понятия макрорегионов, классификация макрорегионов, регион, районирование.

ВВЕДЕНИЕ

Дуальность процессов регионализации и глобализации вызывает научный дискурс между исследователями региональной и мировой экономики. Во второй половине XX века наряду с созданием интеграционных союзов (ЕС, НАФТА, АСЕАН, Меркосур, ЭКОВАС) произошел и процесс распада крупных государств (СССР, Чехословакия, Югославия). Противостояние мировых держав и одновременно политика сдерживания обострения политических разногласий приводит к изменению политической карты мира за короткий временной период. Несмотря на многочисленные исследования процессов регионализации и глобализации, проблематика экономико-социальных процессов формирования макрорегионов вызывает споры между специалистами в сфере экономических, исторических, философских, географических и политических наук. Для объяснения процесса исследования макрорегионализации необходимо уточнение понятия макрорегион. Ведь как писал Георг Гегель «...если смотреть на понятие не только, как на субъективное предположение, а как на абсолютную основу, то оно может быть таковою лишь поскольку оно сделало себя основою» [13].

Многополярный мир вызывает интенсивный синтез научных знаний, связанных с переустройством миропорядка. От вклада ученых в процесс перехода к новым видам технологий, когнитивных исследований, сохранения мира и природы на Земле, справедливого распределения ресурсов планеты зависит будущее развитие не только определенного макрорегиона, но и касается каждого континента в целом. Экономико-пространственный аспект развития макрорегиона находится в фокусе

исследовательского внимания. Процесс трансформации общества влечет за собой изменение форм собственности, структуры производства, информационных технологий и правового института государства. Ускорение экономико-социальной организации общества формирует понятие макрорегиона с учетом пространственных изменений региональной экономики.

В современной науке существует широкий спектр взглядов на проблему макрорегионализации. С позиции географов на создание макрорегиона влияют особенности зональности, климата и азональности ландшафтной структуры оболочки Земли. Пространственная география представляет собой замкнутое земное пространство, объединяющее все сферы земной поверхности и человека, т. е. литосферу, гидросферу, атмосферу, биосферу и антропосферу. Вся широта геопространства определяется освоенностью природы человеком. Парадигма пространства включает в себя не только территорию земного шара, но и абстрактные явления – время, процессы и явления. Геотория выступает элементом связи социальной и экономической сферы общества [32]. С точки зрения экономистов, основными факторами регионализации выступают кооперация производительных сил, транспортная логистика, инвестиционная политика, природно-ресурсный потенциал региона, производственные цепочки, рынки сбыта, энергетическая инфраструктура, трудовые ресурсы и технологические связи. Вопрос макрорегиональной конструкции регионов остается открытым. Среди исследователей нет единого мнения относительно теоретических рамок понятия макрорегион.

Целью данной работы выступает определение ключевых понятий макрорегиона, исследование сущности и форм макрорегионов, обоснование классификации макрорегионов в зависимости от критериев и взглядов европейских и отечественных ученых, анализ роли макрорегионов в пространственной экономике.

Методами исследования макрорегионов являются: объективность, научность, комплексность и системность оценки, достоверность исходных данных, сочетание экономических индикаторов с показателями результата экономических проблем, пространственный анализ и региональный подход к изучению трансформации пространственной экономики.

Поставленная цель научной статьи ведет к решению приоритетных задач исследования: выявление детерминант макрорегионализации в современных условиях, определение подходящих терминов с учетом особенностей глобальной политики государств, обозначение критериев классификации макрорегионов в условиях различия европейского и отечественного подхода к изучению процесса формирования макрорегионов, выявление роли противоречия глобализации и регионализации и анализ влияния развития макрорегионов на пространственную экономику региона.

Весомый вклад в изучение региона внесли такие отечественные специалисты, как Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д. [32], Никитина М. Г., Побирченко В. В., Шутаева Е. А., Мираньков Д. Б. [28], Диденко Н. И., Дончевская Л. В. [18], Фролова О. В. [19], Преображенский Ю. В. [29], Владыко И. Ю. [1], Татаренко В. И., Робинсон Б. В., Усикова О. В. [33], Семякин М. Н., Губарева А. В. [30],

Гусейнов А. Г. [17], а также зарубежные исследователи Хаггет П. [36], Шумпетер Й. [35], Козн С. [41], Айзард У. [40].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Определением термина «регион» занимаются многие российские ученые. В работе Григорьева А. М. и Ерохина С. Г. исследован первоначальный критерий формирования региона. С появлением науки «региональная экономика» был определен принцип наличия общехозяйственных задач предприятий для развития отраслевых связей регионов с последующим укрупнением в макрорегионы. Развитие производительных сил, транспортного сообщения, науки, материально-технической базы, освоение новых территорий привело к прогрессивному экономическому росту макрорегионов. Особенностью развития региона выступают рациональное использование природных и человеческих ресурсов, выравнивание среднего дохода населения, планирование производственных и торговых отношений, привлечение инвестиций, научно-техническое сотрудничество. Каждый регион отличается не только климатом и месторасположением, ресурсной базой, но и взаимосвязью внутренних элементов [20].

Профессор Гладкий Ю. Н. рассматривает регион как экономическую категорию и характеризует регион с географическо-философской точки зрения, проводя аналогию с понятиями мировоззрения, «мира» и менталитета. В своих трудах он описывает регион как территорию с производственной специализацией и внутрихозяйственными связями. Автор выделяет гомогенные и гетерогенные районы. Главный акцент исследователь делает на рубежной коммуникативности регионов и указывает, что регион может создаваться не только по территориально-ресурсному принципу и уровню развития производительных сил, но и по духовному и морально-нравственному критерию. Административные границы имеют более четкий характер, чем природные. Поэтому рубежи регионов зависят от критериев их разграничения [14]. Продолжает научную мысль о понятии региона и макрорегиона географ Преображенский Ю. В. В своих научных работах он дополняет понятие макрорегиона инновационной составляющей и подчеркивает значимость производства инновационной продукции для формирования полноценного макрорегиона. Для этого макрорегион должен содержать научно-технический центр, привлекать инвестиции в НИОКР и профессиональные кадры. Районирование инновационного пространства сможет усилить экономику макрорегионов и увеличить научный потенциал страны [29].

Со стороны пространственного развития России ученые Татаренко В. И., Робинсон Б. В. и Усикова О. В. рассматривают вопрос дефиниции макрорегиона. Анализируя реформы изменения макрорегионов Российской Федерации, они указывают, что термин в законодательной базе не определен, но детерминированы принципы создания макрорегионов: территориальная целостность субъектов РФ, развитая внутренняя энергетическая, информационно-телекоммуникационная и транспортная сеть региона, социальная и управленческая интегрированность,

центральный «узел». Важной особенностью центрального управления макрорегионами РФ является прикрепление к «сильным» регионам «слабых» субъектов федерации с целью укрепить последние. Тормозящим фактором развития отсталых регионов становится недостающее финансирование [33].

В п.2 Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» даны понятия «регион» и «макрорегион»:

«Регион – часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации;

Макрорегион – часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования» [4].

В процессе формирования новой модели российской федеративной экономики выделяют понятие регионализации «как системного процесса, который означает, с одной стороны, рост свободы действий на всех уровнях государственно-управленческой иерархии, проистекающей из альтернативности современной ситуации и расширения поля возможного спектра политического и экономического выбора; с другой стороны – переход к новому типу сложности общественных отношений, обусловленный изменениями правил социальной и политической игры, в которой постепенно нивелируются барьеры доступа к стратегическому управлению, прежде всего на мезоуровне экономического пространства (региона и макрорегиона) [27].

1. Место макрорегиона в пространственной экономике.

По словам В. И. Вернадского изучение природы, населения, мира, открытие законов приводит к развитию идеи Вселенной. Сознание единства природы, включающей в себя все ее явления, неуловимая, но прочная и глубокая связь явлений природы создает мирозерцание. «Научное мировоззрение не есть картина Космоса, которая раскрывается в своих вечных и неизблемых чертах перед изучающим ее, независимым от Космоса, человеческим разумом» [10, с. 193]. Поскольку в природе все взаимосвязано и научное знание обосновывает переход биосферы в ноосферу, то пространственное экономическое развитие макрорегионов будет происходить во времени и во всех сферах человеческой жизни. Развитие производительных сил, технологий, инфраструктуры и культуры будет способствовать интеграции регионов в макрорегионы.

Процесс укрупнения районных промышленных узлов привел к созданию транспортных магистралей между городами, развитию товарно-сбытовых связей и созданию энергетической инфраструктуры. Параллельно происходит развитие отраслевой экономики регионов. Методы регулирования отраслей хозяйствования носят более конструктивный характер посредством управления через ведомства и дают больший эффект, нежели чем недоработанные инструменты регулирования развития пространственной экономики макрорегионов. Размытые границы

макрорегионов не позволяют развивать региональные программы сотрудничества из-за проблем финансирования и отсутствия административно-управленческого аппарата. Исторический экскурс к идее экономического районирования СССР в 1920 году посредством формирования ГОЭЛРО показывает истоки формирования макрорегионов с целью распределения энергогенерирующих мощностей и развития транспортной инфраструктуры. Созданные 8 экономических макрорегионов в 1921 году схематически разделили на 21 экономический район по видам народнохозяйственной деятельности, природно-географическим отличиям и объектам социальной инфраструктуры. К началу 60-х гг. система районирования СССР изменилась и привела к выделению 18 экономических макрорегионов [8].

Командно-административные методы и плановая экономика эффективно развивали экономическое районирование, о чем свидетельствуют активное строительство жилищного фонда для населения, увеличение эксплуатационной длины железнодорожных путей, учебных заведений, больниц, увеличение сбора урожая. За период 1970–1983 гг. ВВП на душу населения в СССР увеличился в 2 раза. В современных стратегиях развития федеральных округов отсутствуют инструменты социально-экономического регулирования. Для развития интеграционных связей макрорегионов в пространственной экономике необходимо принятие законодательных программ интеграционного взаимодействия регионов и выделение бюджетного финансирования проектов развития промышленных предприятий. Альтернативой может стать доступное банковское кредитование предприятий с применением 1–2 % ставок (годовых) по кредиту. Это повлечет за собой резкий скачок экономического роста макрорегионов посредством развития промышленности, сельского хозяйства, туристической отрасли, машиностроения, станкостроения, нанотехнологий и микроэлектроники, а невысокий банковский процент станет гарантией возврата кредитов банкам.

2. Концепции регионализации западноевропейской и американской школ.

Особое значение в свете внутривозвратной интеграции приобрела разработка эффективных путей сближения форм интернационализации и форм обобществления экономических отношений внутри государственной экономики. Сотрудничество между административными единицами, входящими в макрорегион, и конкуренция с другими макрорегиональными комплексами образуют пересекающееся экономическое пространство. Для формирования единого макрорегионального экономического комплекса характерно преодоление барьеров перемещения товаров, капитала, сырья и рабочей силы [22].

В XX в. в работах западноевропейских и американских ученых активно исследуется хозяйственная деятельность предприятий регионов в пространственной экономике. Происходит формирование экономической мысли и выстраивание математических моделей региональной экономики (табл. 1).

Таблица 1. Взгляды на регионализацию представителей западноевропейской и американской экономической и географической школы

Автор	Основные взгляды
Иоганн фон Тюнен	Исследовал теории локализации и предложил пространственную модель экономики, характеризующую роль территории и расстояния. Идея закрытой экономики стала фундаментом в теории колец. Он предлагал вокруг центрального города создавать экономические пояса, где каждый пропорционально удаленности от центра приносил бы прибыль.
Альфред Вебер	Создал теорию промышленного фактора размещения. Идея заключалась в взаимосвязи причин размещения производственного предприятия. По его мнению, ключевыми факторами расположения предприятия были транспортные расходы, расходы на оплату труда, объединение населенных пунктов.
В. Кристаллер	Разработал теории размещения населенных пунктов в экономическом пространстве и сформировал представление о расселении на территории. Автор дифференцировал экономические торговые центры, указав, что самые необходимые товары будут продаваться в каждом населенном пункте, одежда и бытовые услуги – в более крупных населенных пунктах, предметы роскоши – в крупных.
А. Леш	Автор концепции экономического ландшафта. Сеть экономических районов образуют предприятия разного уровня. Основанием пространственного развития экономики стала модель самоорганизации общества на определенной территории с установлением рыночных отношений.
У. Алонсо	Основатель идеи модели рынка земли, где главный фактор прибыли – удаленность офиса, магазина от центра города. Фактор освоения земли помогает привлечь квалифицированную рабочую силу и приблизиться к месторасположению природных ресурсов.
У. Айзард	Указывал, что общество находится в дисгармонии и стремится к идеальному равновесию, но сбивается из-за перемен. Регионы также являются не менее переменчивым организмом. Граничащие регионы, благодаря развитию транспорта, развивают межрегиональную торговлю и кооперацию производства. Специализация городов-районов в производстве определенных продуктов основывается на владении подходящими ресурсами для выпуска продукции. Внедрение повсеместного использования сырья для производственного процесса в зональных схемах приводит к иерархическому изменению регионов с последующим их укрупнением.
П. Хаггет	В пространственной экономике используется картографирование для разработки методов масштабирования, которые показывают расположение мест на относительном расстоянии друг от друга. Карта некоторых островов Тихого океана показывает пространственно-временную метрику регулярных рейсов авиакомпаний. С сокращением времени по техническим причинам карта пространственной экономики будет соответственно изменяться. Могут быть созданы пространственные экономические атласы с указанием региональных особенностей. Этому поспособствует выведение спутников на орбиты с возможностью отслеживания изменения всех экономических региональных процессов на планете. Атласы с пространственно-временной метрикой будут полезны и в частном, и в государственном секторе экономики.

Источник: составлено авторами на основе [9; 36; 40,18;].

Важность изучения теоретической базы формирования макрорегионов позволяет государству создать собственную оптимальную модель районирования, избежав недостатков зарубежного опыта региональных объединений и исключая хозяйственные риски внутри национальной экономики. Методы регионального

анализа У. Айзарда включают прогнозирование состава и численности населения, оценку миграции населения, оценку районного дохода и социальные счета, анализ межрайонных потоков и платежного баланса, районные экономические циклы и мультипликатор, линейное программирование линейных связей, гравитационные модели, модели потенциалов и пространственного взаимодействия, способы синтетического анализа. Региональный анализ представляет собой исследование взаимозависимостей. Усовершенствование указанных методов в современных условиях поможет экономистам осуществить верную оценку макрорегионального развития в пространственной экономике и прогнозировать численность и миграцию населения, размещение экономической базы макрорегионов, районный доход, товарно-денежные потоки и чувствительность к экономическим циклам.

3. Классификация макрорегионов в России и Западной Европе.

Классификация макрорегиональных структур имеет прикладной характер и осуществляется в зависимости от ряда факторов. По физико-географическом принципу выделяют географические макрорегионы. Затем макрорегионы подразделяют на мезорегионы и субрегионы (например, Карибский бассейн и регион Скандинавия). По историческому происхождению народа и традиционным культурным ценностям выделяют историко-культурные макрорегионы (например, Бенилюкс). К цивилизационным комплексам относятся культурно-религиозные макрорегионы, где важным фактором является общая религия. К международно-политическим макрорегионам относятся макрорегиональные комплексы с общим международно-правовым режимом. Это экономико-политические объединения МЕРКОСУР, АСЕАН, ЕС. В ходе эволюционного развития образуются геополитические макрорегионы, охватывающие Северную Америку, Восточную Азию. Самым распространенным видом макрорегиона выступают геоэкономические пространства, формирующие торгово-экономические отношения (напр. азиатско-тихоокеанский с доминированием Китая, Японии и Республики Корея) [16].

Помимо учета фактора территориальности ученые исследуют фактор функциональности. Европейской макрорегионализации присуще частичное использование модели гибкого перекрытия конкурирующих юрисдикций, которая находится в Германии и включает стратегии развития Балтики и Дуная. Функциональная концепция в отношении Балтики предполагает решение проблемы загрязнения моря и прилегающих территорий путем демаркации границ вдоль водосбора Балтийского моря. Но окончательное решение принимают государственные органы власти с учетом глобальной транснационализации и месторасположением исследовательских центров. Формирование макрорегионов в Западной Европе происходит с помощью управления политическими институтами Европейского Союза. Анализ дискурса и выявление отличий образования макрорегионов в России и Европейском Союзе служат основанием для углубленных исследований процессов макрорегионализации, разработку решений и прогнозов дальнейшей внутригосударственной региональной интеграции [12].

Изучение научных исследований позволяет выделить особенности макрорегионов в России и в Западной Европе (табл. 2).

Таблица 2. Особенности макрорегионов в России и Западной Европе

Критерий	Макрорегионы в Западной Европе	Макрорегионы в Российской Федерации
Начало формирования макрорегионов	сер. XX века	нач. XXI века
Самоопределения региона	определяется самоидентификацией населения региона	макрорегиональная политика задается верховной властью
Функциональность	макрорегион формируется в условиях государственной стратегии	используется территориально-функциональный подход
Степень влияния на административные процессы	макрорегион основывается на фундаментальном изменении законодательной базы	базируется на незначительном влиянии администрирования
Фактор образования макрорегиона	используются отраслевые и экономические факторы	общность
Аспект интеграции	внедряются логистические аспекты	сформированы культурно-исторические и политические черты
Социальный фактор	ЕС определяет регионы, как социальные конструкты в политике	регион учитывается органами власти при демаркации границ
Субъект исследования макрорегиона	субъектами выступают органы управления	научное сообщество

Составлено авторами на основе [12].

4. Перспективы развития макрорегиона в пространственной экономике

О необходимости срочного реформирования российской экономики в условиях санкций пишет в своих трудах российский ученый и мыслитель д. э. н., проф. Катасонов В. Ю. В своих научных исследованиях он раскрывает проблемы кризисного состояния российской экономики и поясняет, как с использованием советского опыта управления экономикой выиграть санкционную войну. Благодаря сочетанию регионально-территориального и хозяйственно-отраслевого принципов регулирования экономики СССР грамотно развивал регионы, укреплял экономическую базу государства, преобразовал экономику и добился экономической независимости. СССР использовал такие элементы регулирования экономики, как директивное планирование, одноуровневая банковская система, двухконтурная система денежного обращения, общественные фонды потребления, государственное регулирование ценообразования и др. Основными принципами работы сталинской модели экономики являлись: выравнивание уровней развития регионов страны, установление государственной собственности на природные ресурсы, удовлетворение потребностей каждого члена общества, формирование обороноспособности и безопасность страны, объединение отраслевого и территориального способа управления экономикой при главной роли отраслевого способа, развитие мелкого товарного производства и кооперативной формы собственности. Основной целью советской сталинской модели экономики было создание импортозамещающих отраслей экономики для обеспечения государственного суверенитета СССР [24, с. 81–83].

Сторонник прямого вмешательства государства в регулирование экономики французский экономист А. Маршалл указывал, что «Полная интеграция не может

исходить лишь из действия рыночных сил. Она предполагает необходимость систематической координации экономической политики». По мнению Фаминского И. П., основную роль в развитии региональных экономических связей играет национальное государство. Политика в области субсидий, налогов, государственных заказов и банковских кредитов позволяет государству создавать благоприятные условия для развития национального производителя. Стабильный экономический рост позволяет государству расширять интеграционные связи и создавать макрорегионы [34, с. 221].

Французский экономист Жак Аттали в своих исследованиях по проектированию будущего описывает полицентрическую систему и появление десятой формы рыночного уклада. Он указывает, что центром формы будет регион, расположенный вокруг порта и отсюда будет производиться координация мировой торгово-промышленной деятельности. Также он предполагает, что такая форма региона будет расположена на территории Америки возле мексиканской границы. Это будет центр микроэлектроники и биотехнологий [5, с. 152–159].

Один из лидеров Всемирного экономического форума П. Ханна поднимает вопрос связанности регионов во всем мире и будущие потоки миграции из-за нехватки ограниченных природных ресурсов, необходимых для жизнедеятельности людей. Исследователь указывает на климатическую причину миграции. Изучая последние тенденции развития макрорегионов, можно заметить, что главным направлением миграционных потоков людей выступают территории, богатые природными ресурсами [39].

5. Нормативно-правовое регулирование пространственного развития Российской Федерации.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207–р, включает в себя тенденции и проблемы пространственного развития РФ и перечень перспективных экономических специализаций субъектов РФ, состав макрорегионов Российской Федерации и перечень геостратегических территорий России. Согласно указанной Стратегии в состав Российской Федерации включено 12 макрорегионов: Центральный макрорегион, Центрально-Черноземный макрорегион, Северо-Западный макрорегион, Северный макрорегион, Южный макрорегион, Северо-Кавказский макрорегион, Волго-Камский макрорегион, Волго-Уральский макрорегион, Уральско-Сибирский макрорегион, Южно-Сибирский макрорегион, Ангаро-Енисейский макрорегион и Дальневосточный макрорегион [3]. Для обеспечения национальной безопасности, сокращения межрегиональных различий уровня жизни населения, увеличения темпов экономического роста и развития технологий прорабатываются законодательные механизмы пространственного развития экономики Российской Федерации, которые выражены в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 27.12.2019 № 3227–р «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172–ФЗ и вышеприведенной Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.

Важным аспектом федеративного устройства Российской Федерации и региональной политики является система налогообложения, которая регламентируется Налоговым кодексом Российской Федерации. Согласно п. 1 ст. 12 НК РФ [1], устанавливаются федеральные, региональные и местные налоги. Региональные налоги и налоговые ставки устанавливаются НК РФ и законами субъектов РФ. Налоги обязательно должны быть уплачены в бюджеты территорий субъектов РФ. В ч.4 п.3 ст.12 НК РФ указано, что региональные налоги в федеральной территории «Сириус» устанавливаются также НК РФ. Частичное формирование бюджета за счет региональных и местных налогов помогает решать социальные и экономические задачи регионов.

Проект Федерального бюджета на 2023 год и плановый период 2024–2025 гг. включает в себя перспективные проекты в регионах РФ, которые в ближайшее время будут реализованы. Большая часть средств из бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение реализации национального проекта Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры заложена в Федеральный проект «Развитие региональных аэропортов» –72 млн руб., 68 млн руб. будет потрачено на «Развитие Северного морского пути», на «Строительство автомобильных дорог международного транспортного коридора Европа – Западный Китай» заложено 60 млн руб., почти в 2 раза меньше израсходовано будет на «Развитие морских портов». Бюджетные ассигнования на Комплекс процессных мероприятий «Поддержка и организация направления субъектам Российской Федерации межбюджетных трансфертов с целью выравнивания их бюджетной обеспеченности, обеспечения сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, социально-экономического развития и исполнения делегированных полномочий» в 2023 году составят 929 885,0 млн рублей, в 2024 году – 949 852,3 млн рублей и в 2025 году – 981 916,5 млн рублей. Бюджетный расход средств на сбалансированное региональное развитие составит 3 818 735 млн руб. в 2023–2025 гг. В эту статью расходов включено 6 программ: Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа, Развитие Северо-Кавказского федерального округа, Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, Социально-экономическое развитие Калининградской области, Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ и Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя [2].

6. Роль макрорегионов в глобальной и региональной политике.

Как говорил Лотман М. Ю., «сам факт превращения события в текст повышает степень его организованности» [26, с. 308]. Описание особенностей современного процесса макрорегионализации помогает экономистам изучить и понять причины и проблемы этого процесса, оценить роль объединения регионов в стратегической политике государства, спрогнозировать дальнейшие направления развития макрорегионов в пространственной экономике. Сокращения разрывов уровня экономического и социального развития регионов, развитие наукоемких отраслей производства, микроэлектроники, формирование координационных механизмов

регионального развития и бюджетное планирование приведет к сбалансированному функционированию макрорегионов.

Стремительное развитие глобализации вызывает опасения тем, что приводит к неравномерному распределению благосостояния между странами, появлению победителей и проигравших. Последнее время в развитых регионах сконцентрированы наукоемкие отрасли производства, создана большая научно-исследовательская база с высококвалифицированными кадрами. В то же время происходит замещение местного производства более дешевым импортом из развивающихся стран с низкоквалифицированной рабочей силой. Произошло перераспределение капитала в пользу богатых регионов. Основным фактором преимущества стала торговля программным обеспечением, компьютерами, технологиями и патентами. С помощью международных правовых институтов глобальные игроки снижают барьеры перемещения товаров и капитала и, тем самым, обеспечивают существующее неравенство доходов [38].

Несмотря на процессы глобализации, создание ТНК, глобальных институтов регулирования международных отношений параллельно происходит процесс регионализации. Самым ярким примером для нашей страны стал распад СССР и преобразование России в федеративное правовое государство (ст. 1 Конституции РФ). Доминирование отраслевого принципа управления экономикой региона над территориальным позволяет эффективно развивать отрасли экономики и финансировать различные проекты.

ВЫВОДЫ

Таким образом, экспликация терминирования макрорегиона демонстрирует, что несмотря на введение термина макрорегион на рубеже XX–XXI вв. с каждым этапом экономического развития региона происходит коррекция понятия «макрорегион». Эволюция взглядов на интерпретацию и классификацию макрорегионов позволяет анализировать региональные процессы не только с территориально-географической стороны, но и с культурно-цивилизационной. Практическая польза развития макрорегионов состоит в реализации программ социально-экономического развития регионов, финансировании строительства транспортных магистралей, частичное зачисление налогов в бюджет регионов, входящих в макрорегион, привлечение инвестиций в частный сектор экономики, получение грантов из федерального бюджета и развитие свободных экономических зон. Опасностью глубокой трансформации макрорегиона в перспективе может стать излишнее делегирование властных полномочий регионам, которое может привести к развитию сепаратизма. Следовательно, при государственном планировании социально-экономического развития макрорегиона необходима разработка и осуществление сбалансированной экономической политики.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: части 1 и 2: с изм. и доп. от 31 июля 1998 года №146–ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
2. Проект Федерального закона №201614–8 «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/55593/>

3. Постановление Правительства РФ от 08.08.2015 № 822 (ред. от 13.09.2019) «Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71162862/>
4. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102421069>
5. Аттали Ж. Краткая история будущего / (перевод с франц.). СПб.: Питер, 2014. 288 с.
6. Аулов А. П., Слоботчиков О. Н. Мировое комплексное регионоведение – предметные поля субдисциплин: учебное пособие для магистрантов. Москва: Институт мировых цивилизаций, 2021. 100 с.
7. Богатырева О. Н. Европейские модели регионализма: учеб. пособие; М–во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун–т. Екатеринбург: Изд–во Урал. ун–та, 2018. 171 с.
8. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 1. С. 18–28.
9. Васильчиков А. В., Мещерякова Ю. И., Чечина О. С. Региональная экономика: учебное пособие. 3-е изд. Самара: Самарский государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2019. 168 с.
10. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. Москва: Т8RUGRAM, 2017. 576 с.
11. Владыко И. Ю. Макрорегион как элемент стратегического пространственного управления региональной экономикой // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 3 (58). С. 10–19.
12. Волкова О. Н. Территориальность, функциональность, институциональность в российских и европейских исследованиях макрорегионализации // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 16. С. 50–59.
13. Гегель Г. В. Ф. Учение о понятии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/fridrih-gegel/uchenie-o-ponyatii/>.
14. Гладкий Ю. Н. Регион как научная категория: реальный конструкт или «мусорный ящик»? // Псковский регионологический журнал. 2009. № 8. С. 3–10.
15. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. Серия: Бакалавр. Академический курс. 360 с.
16. Гоголев Ф. Современные макрорегионы: проблемы классификации // Блог: Арктика и мир. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/svfu-experts/sovremennyye-makroregiony-problemy-klassifikatsii/>.
17. Гусейнов А. Г. Основные направления развития и подходы в теории региональной экономики в развитых западных странах // Фундаментальные исследования. 2014. № 8–1. С. 124–132. [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34521>.
18. Диденко Н. И. Мировая экономика: методы анализа экономических процессов: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2008. 782 с.
19. Дончевская Л. В., Фролова О. В. Классификационное деление регионов как условие социально-экономического развития и обеспечения экономической безопасности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения. Материалы международной научно-практической конференции. Сост. Н. В. Мячин. Санкт–Петербург. 2022. С. 94–99.
20. Ерохин С. Г., Григорьев А. М. Понятия «регион» и «макрорегион» в современных научных концепциях // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2010. № 4
21. Зонова Т. В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. 1999. № 5. С. 155–164
22. Игонина Л. Л. Формирование макрорегиональных хозяйственных комплексов в Российской экономике // Фундаментальные исследования. 2005. № 9. С. 99–103.
23. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / Сокр. пер. с англ. В. М. Гохмана и др; Вступ. статья и ред. А. Е. Пробста. – Москва: Прогресс, 1966. 659 с.
24. Катасонов В. Ю. Антикризис. Выжить и победить. Москва: Алгоритм, 2015. 304 с.
25. Кузнецов Д. А. Соотношение трансрегионализации и глобализации в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (5). С. 65–80.

26. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – Москва: Языки русской культуры. 1999. 464 с.
27. Митрофанова И. В. Макрорегион как утверждающаяся форма территориальной институции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. Т. 4. № 8 (29). С. 30–40.
28. Территория и общественное развитие: когнитивный анализ в геоэкономическом контексте: монография / М. Г. Никитина, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева, Д. Б. Мираньков; под науч. ред. М. Г. Никитиной. Симферополь: «КФУ им. В. И. Вернадского», 2018. 262 с.
29. Преображенский Ю. В. Макрорегионы как надрегиональные инновационные системы: проблема перетока знания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 17–22. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2020-20-1-17-22>
30. Семякин М. Н., Губарева А. В., Степкин С. П. Проблемы правового регулирования экономических процессов на макроуровне // Вестник МГИМО–Университета. 2022. 15 (3). С. 231–249
31. Стрежнева М. В. Дифференцированная региональная (дез) интеграция после Брексита // Вестник МГИМО–Университета. 2022. № 15 (3). С. 39–60.
32. Сухоруков В. Д., Гладкий Ю. Н. К вопросу о научной экспликации географического пространства // Региональные геосистемы. 2021. № 45 (2). С. 133–143.
33. Татаренко В. И., Робинсон Б. В., Усикова О. В. Округа, районы, макрорегионы // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 4. С. 72–76.
34. Фаминский И. П. Глобализация - новое качество мировой экономики: учебное пособие. Москва: Магистр. 2009. 397 с.
35. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ. В. С. Автономова, Ю. В. Автономова, Л. А. Громовой, К. Б. Козловой, Е. И. Николаенко, И. М. Осадчей, И. С. Семенов, Э. Г. Соловьева. М.: Эксмо. 2008. 864 с.
36. Haggett P. The Spatial Economy // American Behavioral Scientist. 1978. № 22 (1), P. 151–167.
37. Nora M., Yann R. « Editorial: Regional integration in the world », Belgeo [Online], 4 | 2020, Online since 09 November 2020, connection on 11 November 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/belgeo/43431>
38. Sinan Ülgen, Ceylan Inan From the Local to the Global: The Politics of Globalization [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieeurope.eu/2022/02/17/from-local-to-global-politics-of-globalization-pub-86310>
39. Sudipto, S. «Parag Khanna, Connectography: Mapping the Future of Global Civilization // Markets, Globalization & Development Review. 2019. Vol. 4. № 4, Article 3.
40. Walter Isard Location and Space-Economy The technologe Press of Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sns, Inc., New York. 1956.-380 p.
41. Cohen Saul Bernard. Geopolitics: the geography of international relations. Third edition.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 331.556.4

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ: НОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Рубинская Э. Д.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов–на–Дону, Российская Федерация

E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Интернационализация, международная экономическая региональная интеграция, транснационализация и глобализация мировой экономики выступают важнейшими катализаторами развития международной трудовой миграции, вовлекая в нее все страны мира, формируя глобальный спрос и предложение рабочей силы, тенденции на рынках труда, и, как результат, способствуют росту масштабов международной миграции, изменению географических направлений, а также качественной структуры иностранной рабочей силы. С другой стороны, сама международная миграция, являясь сложным и неоднозначным явлением, оказывает разнонаправленное влияние на экономическое, социальное, политическое, культурное развитие населения всего мира. В статье предложен новый концептуальный подход к раскрытию сущности международной трудовой миграции, как экономической научной категории, через ее многоаспектный характер.

Ключевые слова: международная трудовая миграция, миграционные процессы, экономическая научная категория, международные экономические отношения, многоаспектность, миграционное регулирование.

ВВЕДЕНИЕ

Интернационализация хозяйственной жизни, международная экономическая интеграция, транснационализация мировой экономики, глобализация мировых рынков труда, капиталов, товаров, услуг усилили взаимозависимости структурных звеньев мировой экономики, проявляющиеся в активизации всех форм международных экономических отношений, в том числе и международной миграции рабочей силы. На современном этапе развития мировой экономики миграционные процессы приобретают особо динамичный характер. По данным Международной организации по миграции, в 2020 году в мире за пределами своих стран проживали и работали примерно 281 миллион человек, из которых 2/3 – трудящиеся мигранты (169 млн человек) [1].

Нивелирование негативных последствий миграционных процессов в условиях глобализации обуславливает необходимость разработки новых концептуальных подходов к исследованию феномена миграции в целях формирования адекватной национальным интересам миграционной политики на всех уровнях ее регулирования.

Под международной миграцией рабочей силы ученые, независимо от различий в научных подходах к ее исследованию, понимают территориальное перемещение

трудоспособного населения, связанное с пересечением границы другого государства, обусловленное прежде всего экономическими причинами. И с научной точки зрения, и в практическом отношении международная миграция рабочей силы представляет собой такую сферу, которая характеризуется наличием разнообразных подходов и концепций, поскольку в условиях глобализации новый характер миграционных процессов определяется не только экономическими факторами, но и социальными, политическими, демографическими, экологическими [2].

Важнейшей методологической проблемой исследования миграционных процессов является отсутствие единого представления о международной миграции рабочей силы как экономической научной категории, тогда как обоснование государственной политики стран мира в отношении такого сложного многопланового социально-экономического явления, как миграция рабочей силы, на взгляд автора, предполагает необходимость ее всестороннего исследования именно как научной категории.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Научная категория – это понятие, отражающее наиболее общие, существенные свойства и связи явлений объективного мира, вскрывающее их сущность и причину, формы проявления [3]. Научные категории, с одной стороны, являются результатом теоретического обобщения, а с другой – средством нового научного познания изменений в явлениях и отношениях, порожденных новыми условиями объективной реальности. С экономической точки зрения, категории – это теоретическое выражение реально существующих производственных отношений, комплексно раскрывающие явления и процессы, свойственные этапам развития общественного производства [4]. Можно утверждать, что экономическая категория – это многоаспектное понятие.

В понимании автора, международная миграция рабочей силы как экономическая научная категория представляет собой систему социально-экономических и организационных отношений между трудящимися–мигрантами и органами государственной власти стран происхождения мигрантов и принимающими странами по поводу их выезда/въезда в целях поиска работы и связанных с этим ограничений, льгот, обеспечения работой, соблюдения прав и т. п., а также других субъектов этих отношений (бизнес–структур, ТНК, международных организаций, интеграционных организаций и др.), ведущих к перераспределению рабочей силы между странами в соответствии с экономическими потребностями. Представление содержания научной категории международная миграция рабочей силы схематично представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Авторское представление содержания научной категории «международная миграция рабочей силы».

Методология исследования международной трудовой миграции как экономической научной категории предполагает ее рассмотрение как многоаспектного явления, включающего в себя:

1. Международно-экономический аспект;
2. Производственный аспект;
3. Экономико-стимулирующий аспект;
4. Социально-гуманитарный аспект;
5. Политико-управленческий аспект.

Обоснуем и раскроем перечисленные аспекты.

В международно-экономическом аспекте международная трудовая миграция рассматривается как форма международных экономических отношений (МЭО), развивающаяся с учетом трансформационных изменений, происходящих под воздействием тенденций мировой экономики.

О механизме взаимодействия всех форм МЭО еще в 60–х годах прошлого века писал Э. П. Плетнев, который рассматривал международную миграцию рабочей силы в широком плане как составную часть мирового капиталистического хозяйства, в ее взаимоотношении с цикличностью развития капиталистического производства, движением безработицы, инвестиций, торговлей, валютными отношениями [5].

Автор солидарен с взглядами Л. Лоуэлла и А. Финдлея (B. Lindsay Lowell, A. Findlay) [6], считающих, что при рассмотрении связей между миграцией и международной торговлей товарами и услугами, потоком инвестиций, трансфером технологий и др. целесообразно говорить о миграции высококвалифицированных специалистов и, как результат, появлении новых видов миграции этой категории мигрантов. В то же время миграция высококвалифицированных специалистов порождает ряд противоречий, объективной основой которых является «утечка умов».

Однако миграция рабочей силы и сама оказывает непосредственное влияние на эти процессы (иностранные инвестиции, трансферы технологий, продажа лицензий и др.). В документе Международной Организации Труда (МОТ) [7] обращено внимание на то, что в странах оттока высококвалифицированных специалистов наблюдается снижение инвестиционной активности иностранных компаний, которые в своей стратегии учитывают уровень квалификации имеющегося на местах персонала. Связь между валютно-финансовыми отношениями и миграцией прослеживается через денежные переводы трудовых мигрантов на родину.

Таким образом, международная миграция рабочей силы взаимосвязана со всеми формами международных экономических отношений, ее динамика, направления, особенности напрямую зависят от развития всей системы МЭО.

Производственный аспект международной трудовой миграции проявляется в том, что движение рабочей силы происходит в сочетании с движением других факторов производства, более того, международная миграция рабочей силы превратилась в одну из ведущих форм движения факторов производства и интенсивного формирования международного рынка рабочей силы, развивающегося вместе с мировыми рынками товаров, услуг и капиталов.

Глубокая внутренняя связь между законами развития производства и эволюцией в подвижности населения показана в работах К. Маркса и Ф. Энгельса [8]. Закон подвижности населения выражает причинно-следственную связь между общественным прогрессом и усилением миграционного движения, всё более становящимся социально-экономической необходимостью. Подтверждением является формирование центров притяжения иммигрантов, что обусловлено, прежде всего, экономическими факторами. Так, Европа, которая в XIX – начале XX века была крупнейшим донором человеческих ресурсов для Канады, США, Австралии, Новой Зеландии, с середины XX века и по настоящее время становится мощным центром притяжения квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы со всего мира.

Различная обеспеченность стран факторами производства приводит к специфике и неодинаковой глубине их интеграции в мировое хозяйство.

В условиях становления современной экономики мировой рынок труда приобретает новую характеристику, он становится сегментированным. В связи с этим в развитых странах возникает два сектора рынка труда: так называемый первичный, обеспечивающий стабильную работу и высокую оплату, и вторичный, который предоставляет работу с низкой заработной платой и отсутствием всяких перспектив: стабильности, профессионального роста и пр.

Усложнение связей между странами по поводу движения факторов производства приводит к образованию комплексной системы мирохозяйственных связей, актуализирует необходимость двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Экономико-стимулирующий аспект международной трудовой миграции был обозначен еще в середине XX века в работах ряда ученых (Э. Льюис (A. W. Lewis), Л. Сжаастад (L. A. Sjaastad), Ж. Харрис (J. R. Harris) и др.) [9, 10], которые в своих теоретических концепциях рассматривали роль миграции как фактора развития принимающих и отправляющих стран. Анализируя причины, направления и последствия международной трудовой миграции было доказано, что международное

перемещение рабочей силы из страны–донора в страну–реципиент приводит к росту благосостояния принимающей страны, поскольку повышает конкурентоспособность товара из-за снижения производственных издержек (трудоым мигрантам обычно платят меньше, чем местным работникам) и в целом устраняет дефицит на рынке труда. Кроме того, формируется миграционная взаимозависимость между странами–донорами рабочей силы и странами–реципиентами. Данный тезис эмпирически подтверждает Дж. Саймон (J. Saimon) – автор теории «процветания» или «технологического развития», который на основе анализа затрат на иммигрантов и выплаченных ими налогов на примере четырех стран (США, Канады, Британии и Израиля), доказывает, что иммиграция оказывает непосредственное влияние на экономическое и демографическое развитие стран [11].

По мнению Р. Скелдона, мобильность населения усиливает экономический рост и улучшает положение населения. Обычно страны с «малоподвижным» населением стагнируют экономически. Отметим, что денежные переводы являются значительным источником финансирования развивающихся стран, что подтверждают статистические данные. Так, в 2020 году денежные переводы трудовых мигрантов достигли 702 млрд долл. США, из которых более $\frac{3}{4}$ пришлось на развивающиеся страны [1].

Миграция населения оказывает решающее влияние на демографическое развитие, на экономические показатели государств, создает возможности быстрого развития отдельных отраслей. Активные миграционные потоки между странами стимулируют развитие торговли и движение капитала. Понимая это, страны–экспортеры рабочей силы применяют программы, направленные на стимулирование инвестиций, осуществляемых трудовыми мигрантами в свою экономику. Примером может служить действующая в Республике Молдова с 2010 года программа PARE 1 + 1, направленная на стимулирование создания и развития малых и средних предприятий эмигрантами и бенефициарами денежных переводов. Программа работает на основе правила «1 + 1», согласно которому каждый лей, вложенный из денежных переводов, дополняется одним леем в виде гранта. Сумма гранта составляет до 250 000 леев [12]. Таким образом, возвращение мигрантов на родину с деньгами (или со средствами производства) способствует формированию среднего класса и развитию экономики.

Социально-гуманитарный аспект международной трудовой миграции как научной категории вытекает из ее субъектно-объектной особенности, которая проявляется в том, что мигранты являются субъектами международной миграции рабочей силы наряду с государствами, международными организациями, бизнес–структурами, международными корпорациями, интеграционными объединениями. Но в то же время рабочая сила выступает объектом международной миграции. Рабочую силу невозможно рассматривать вне личности человека, и эта особенность вносит в исследование международной миграции рабочей силы ряд аспектов, которые не возникают при исследовании других форм международных экономических отношений, прежде всего, например, социальный аспект регулирования.

Следует признать, что огромной заслугой российского ученого Д. И. Валентея

является утверждение, что миграционное движение обусловлено не только экономическими интересами, но и желанием повысить качество жизни, дать возможность своим детям получить блага, которые имеют развитые страны [13]. Автор разделяет положение, высказанное А. С. Ахиезером, который считает, что целью миграции может быть реализация потребности индивида в полноте своего бытия. «Территориальная миграция, – пишет А. С. Ахиезер, – одна из форм человеческой жизнедеятельности. Ее специфика заключается в том, что как форма потребности в полноте бытия она реализуется через поиск новизны жизни, новых условий, мест проживания, труда, отдыха» [14]. Отметим, что социальный аспект регулирования международной миграции подчеркивается в документах международных организаций (Например, Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Конвенции о статусе беженцев 1951 года, Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей 1990 года и др.). В этой связи особую актуальность приобретает социальная политика государства, повышение уровня образования, охраной здоровья и т. д.

Усиление экономической взаимозависимости стран мира, информатизация не только развитых, но и развивающихся стран обеспечивают широкий доступ потенциальным мигрантам к информации по вопросам трудоустройства, условий жизни и т. п., облегчая тем самым их выбор как по самой миграции, так и по стране миграции. Таким образом, объективная реальность способствует расширению возможностей миграции.

Политико-управленческий аспект международной трудовой миграции как научной категории обусловлен возникающими проблемами и противоречиями между международной миграцией рабочей силы и интересами различных субъектов мировой экономики.

Проблемы государственного регулирования миграционных отношений на протяжении длительного времени исследуют государственные деятели и ученые, однако задача управляемости процессами иммиграции не теряет своей актуальности. Истоки современных взглядов на роль регулирования миграционными процессами относятся к теориям исторического структурализма (Кастлз С. (Castles S.), Коэн Р. (Cohen R.), Хуго Г. (Hugo G.)) [15, 16, 17], сторонники которого еще в 60–70-х годах XX века объясняли усиление миграционных процессов развитием государственных структур и других организаций.

Опыт регулирования миграционных отношений показывает, что ни одно государство вне связи с другими результатов добиться не может. Мигранты находятся в системе координат как минимум двух правовых систем: страны своего гражданства и страны приложения своей рабочей силы. Усложнение отношений международной миграции рабочей силы, противоречия и проблемы, порождаемые ею как в странах происхождения мигрантов, так и в странах их пребывания, а также в странах транзита, настолько значительны, что вызывают необходимость усиления не только государственного, но и наднационального регулирования, расширения сотрудничества стран [17]. Разрешение противоречий или хотя бы их смягчение невозможно без усиления регулирования миграции на международном, наднациональном, национальном, внутрирегиональном уровнях, а именно:

1. На международном уровне следует разрабатывать новые программы развития с учетом современных тенденций мировой экономики и растущих противоречий 1) между странами–донорами иностранной рабочей силы и странами–реципиентами; 2) между трудовыми мигрантами и бизнес–структурами стран–реципиентов;

2. На наднациональном уровне необходимо расширение и углубление сотрудничества стран, входящих в интеграционную группировку со странами–донорами трудовых мигрантов, создание точечных программ по сферам, отраслям экономики, социальным группам, принятие совместных мер по предупреждению нелегальной миграции;

3. На национальном уровне следует сочетать в миграционной политике национальных интересов с интересами мигрантов, защита национального рынка труда;

4. На внутрирегиональном уровне в рамках государственного законодательства и миграционного сотрудничества необходимо расширение прав внутригосударственных регионов стран–притяжения с регионами стран–исхода мигрантов с целью повышения эффективности привлечения и использования иностранной рабочей силы.

ВЫВОДЫ

Современные тенденции развития мировой экономики оказывают неоднозначное воздействие на международную миграцию рабочей силы, вовлекают в международную трудовую миграцию все страны мира, формируют глобальный спрос и предложение рабочей силы, что влечет за собой увеличение масштабов трудовой миграции, изменение географических направлений, а также трансформацию профессионально-квалификационной структуры рабочей силы. Кроме того, в условиях глобализации изменяется место и роль международной миграции рабочей силы в системе мировой экономики: миграция становится средством, содействующим глобализации стран и регионов, важнейшим фактором социально-экономического развития.

Проведенный анализ многоаспектного характера международной миграции рабочей силы подтверждает логичность и обоснованность отнесения данного феномена к экономической научной категории. В то же время, определяя международную трудовую миграцию как научную категорию, следует подчеркнуть, что ее сущность раскрывается через целостность органического единства мировой экономики и взаимозависимость ее субъектов, в которой миграционный процесс связывает все страны мира под воздействием современных тенденций развития мировой экономики.

Список литературы

1. World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM), Geneva. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ...

2. Рубинская Э. Д. Историко-системный подход к анализу международной миграции рабочей силы в контексте глобализации мировой экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 4. С. 73–81
3. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1980. 590 с.
4. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969 – 1978.
5. Плетнев Э. П. Международная миграция рабочей силы в капиталистической системе хозяйства. М.: Издательство ИМО, 1962. С. 157.
6. Lindsay B., Lowell A. Findlay. Migration of highly skilled persons from developing countries: impact and policy responses. International labor office. P. 10-11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_201706.pdf.
7. За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике Международная конференция труда, 92-я сессия 2004 г. Доклад VI. Международное бюро труда. Женева. С. 22.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Том 8. С. 565–568 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t08.pdf>.
9. Harris J., Todaro M. Migration, unemployment, and development: a two-sector analysis // American Economic Review. 1970. № 60 P. 126–142.
10. Sjaastad Larry A. The Costs and Returns of Human Migration // Journal of Political Economy. 1962. № 5, P. 80–93.
11. Simon J. The Economic Consequences of Immigration. Cambridge, Massachusetts, 1989.
12. Программа PARE 1 + 1 продлена до 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.odimm.md/ru/novosti/press-relizy/3802-программа-pare-1-1-продлена-до-2021-года>.
13. Валентей Д. И. Теория и политика народонаселения. М., 1967
14. Ахиезер А. С. Территориальная миграция – реализация потребности в полноте бытия // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 141.
15. Castles S., Miller Macmillan M. The Age of: International Population Movements in the Modern World, third edition, 2003.
16. Cohen R. The New Helots: Migrants in the International Division of Labour. Aldershot: Avebury, 1987.
17. Hugo G. Migration as a Survival Strategy: the Family Dimension in Migration/ Population Distribution and Migrations. N-Y., 1998.
18. Рубинская Э. Д. Регулирование международной трудовой миграции: многоуровневый подход // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 85–93.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 336.231.5

ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Рябова С. С., Рубеж М. Г.

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
E-mail: rubezhmaria@tut.by*

В данной статье рассмотрены существующие подходы по уточнению категории «экономическая безопасность» с определением теоретических характеристик этой категории на основе анализа мнений разных исследователей. С позиций места и роли государственного бюджета для экономической безопасности проведен анализ взаимозависимости основных социально-экономических показателей развития Республики Беларусь и налоговых и неналоговых доходов государственного бюджета за последние 7 лет.

Ключевые слова: экономическая безопасность, подходы и трактовки экономической безопасности, государственный бюджет, объем промышленного производства, инвестиции, экономически активное население, уровень безработицы, налоговые доходы государственного бюджета, неналоговые доходы государственного бюджета.

ВВЕДЕНИЕ

Особенности экономической безопасности рассматриваются в историческом контексте, когда в условиях мировых войн, экономических кризисов данная категория подлежит тщательному изучению и, как правило, корректировке. Также в страновом срезе можно выделить группы государств, у которых различаются подходы к данной категории: ряд стран рассматривает экономическую безопасность с позиции финансовой безопасности домашних хозяйств и экономически эффективного реального сектора экономики (США, Англия), другие с позиции доступности ресурсов, инфраструктуры по доставке ресурсов (Япония), третьи – с позиции защиты от угроз извне и от крупных ТНК (Китай), четвертые собрали в себя разные угрозы в различных направлениях государственной экономической политики (Россия). Также экономическую безопасность можно рассматривать и применительно к разным объектам, а объекты можно структурировать в трехмерной плоскости: по горизонтали, вертикали. То есть экономическую безопасность мы можем рассмотреть применительно к государству, к предприятию, к домашнему хозяйству; к политическим, административным решениям; к отраслям экономики; к отдельным инструментам государственного регулирования каждой отдельной сферы национальной экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Попытаемся обобщить все подходы и структурировать их с точки зрения места и роли государственной собственности в обеспечении экономической безопасности.

Теория реализма (реалистическая теория). Карр в своем исследовании «Двадцать лет кризиса» в 1939 считает, что отсутствие безопасности в мире вызвано

различным уровнем наличия ресурсов и характером государственных структур: конфликтующими идеологиями и жадой власти отдельных лидеров [1]. Теория реализма рассматривает национальную безопасность в контексте того, что государство должно реагировать на межгосударственную агрессию, угрозы насилия со стороны враждебных государств в борьбе за недостающие ресурсы, чтобы сохранить безопасность своих границ, доступность ресурсов и безопасность людей.

Теория либерализма. Экономический либерализм основан на принципах личной свободы, частной собственности и ограниченного вмешательства государства. Классический либерализм подчеркивал свободу от государственного регулирования. С точки зрения экономической безопасности, эта теория показывала, что экономической безопасности можно добиться, используя экономические методы (косвенно). Каждый человек, преследующий свои собственные интересы, служит интересам общества. Силы свободной конкурентной рыночной экономики будут управлять производством, обменом и распределением таким образом, который не сможет улучшить ни одно правительство. Но это не значит, что нет национальной безопасности, иначе все государства со свободным рынком были бы поглощены. Экономическая безопасность в контексте либерализма, по мнению А. Моравчика, должна заключаться в соблюдении государством правил международных организаций. Таким образом, в условиях либеральной экономики роль правительства ограничивается защитой прав собственности, обеспечением соблюдения контрактов, реализующих производство общественных благ, и поддержанием внутренней и внешней безопасности [2].

Камералистско-леворадикальная концепция. Эту концепцию выделяет в своем исследовании Ю. В. Латов, обращая внимание на то, что представители этой концепции рассматривают государство и национальную безопасность в целом, то есть национальные интересы в противовес интересам других стран. Так, Фридрих Лист доказывает, что свободная торговля выгодна только развитым странам и ухудшает конкурентное положение стран экономически отсталых. Роль государства в рамках экономической безопасности заключается в защите экономики от дешевых импортных товаров (прежде всего, через высокие таможенные пошлины на ввозимые из-за рубежа товары) и поддержке национальных производителей.

Следующие теории связаны с поиском угроз экономической безопасности не только вне, но и внутри самого государства, национальной экономики.

Кейнсианская концепция защиты от внутренних макроэкономических угроз (со второй трети XX в.). Внутренняя угроза: «провалы» рынка нестабильность экономического роста, безработица, инфляция. Для защиты от этих угроз предусматривается государственное регулирование производства, занятости и денежного обращения

Теория конструктивизма. Такой подход предполагает, что национальная безопасность должна рассматриваться как социально сконструированный феномен,

при котором угрозы возникают из-за социальных аспектов (таких как идентичность, нормы и культура), а не определяться в терминах некоего абстрактного набора критериев безопасности. Если рассмотреть работу Matt McDonald [3], в которой он анализирует конструктивизм, то можно отметить, что конструктивистский подход к национальной безопасности – это договоренности и правила органов управления.

Институциональная концепция защиты от административных барьеров (с конца XX в.). Внутренняя угроза: «провалы» государства – административные барьеры, рентоискательство. Здесь в качестве инструмента снижения угроз выступают снижение регистрационных процедур и платежей, борьба с бюрократизмом и коррупцией.

Критическая теория. Критическая теория появилась в послевоенные годы и была направлена на изучение причин, по которым для разных субъектов угрозы безопасности имеют разный приоритет. В рамках этой теории выделяются 2 направления: валийская школа и копенгагенская школа.

Копенгагенская школа рассматривает безопасность как социальное явление [4], и ее представители вводят понятие «секьюритизация». Процесс секьюритизации состоит из трех отдельных этапов:

1) Создание угрозы (т. е. проблемы или события, такого как изменение климата) перед защищаемым объектом (т. е. государством или группой состояний) (эта фаза называется «речевым актом»).

2) Начало особых/чрезвычайных действий в попытке обезопасить и защитить защищаемый объект от экзистенциальной угрозы.

3) Восприятие речевого акта одной или несколькими аудиториями. Одной из основных проблем, связанных с этим процессом, особенно на третьем этапе, является отсутствие контроля, который в конечном счете имеет субъект секьюритизации над тем, как аудитория получает и впоследствии обрабатывает или интерпретирует речь.

В рамках этого подхода Барри Бьюзен, Оле Вевера и Яапа де Вильде предложили рассматривать в рамках понятия «безопасность» такие категории, как «социетальная безопасность» [5], «экологическая безопасность» и «экономическая безопасность».

Характерной чертой Копенгагенской школы стал термин «социетальная безопасность» (societal security), обозначающий «способность общества сохранять свою сущность в изменяющихся условиях и при возможных или явных угрозах». Термин «социетальная безопасность» был введен в научный оборот в 1980–х – 1990–х гг. представителями копенгагенской Барри Бузен (B. Busen) и Оле Ваэвером (O. Waever) [6].

В своей книге «Люди, государства и страх», впервые опубликованной в 1983 г., Б. Бузен утверждал, что в современных условиях экономическая безопасность государства не сводится исключительно к проблемам конкурентоспособности, замедления экономического роста и снижения уровня благосостояния населения, она распространяется на новые объекты в политической, экологической и общественной сферах, активно влияющих на преобразование государственной

экономики. В качестве основных угроз социетальной направленности для европейских стран им рассматривались процессы миграции и взаимосвязанные с ними явления модификации структуры общества, распространение болезней, расширение влияния организованной преступности в сфере экономики». [7]. Таким образом, категория «экономическая безопасность» включила в себя и взаимосвязь экономической безопасности государства с экологическими, демографическими, миграционными, социальными факторами, характеризующими ситуацию в обществе.

Рассмотрим определения термина «экономическая безопасность», предложенные различными авторами. В области исследований экономической безопасности сложилось несколько концептуальных подходов к определению сущности данного термина [7]. Первый подход, отраженный в трудах Л. И. Абалкина, А. Д. Архипова, А. Е. Городецкого, предполагает определение экономической безопасности через самостоятельность экономической системы в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны [8]. Авторы второго подхода, представителями которого являются С. Ю. Глазьев и В. А. Сенчагов, основываются на том, что экономическая безопасность страны эквивалентна состоянию экономики, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов. Третий подход, отраженный в основном в работах В. Л. Тамбовцева, предполагает, что экономическая безопасность представляет собой совокупности свойств состояния производственной подсистемы, которые обеспечивают возможность достижения целей всей системы [8].

В своей статье «Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии» Н. В. Цейковец приходит к выводу, что термин «экономическая безопасность» является сравнительно новым понятием, которое официально было введено 17 декабря 1985 г. на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, когда была принята резолюция «Международная экономическая безопасность» [9]. В резолюции отмечаются различные подходы к международной экономической безопасности: как к международной стабильности, так и к международному экономическому сотрудничеству. В резолюции ООН понятие «международная экономическая безопасность» рассматривается с позиции:

- разных угроз и причин, их формирующих;
- политики, институтов и инструментов, которые регулируют международные отношения в таких областях, как международная торговля, сырьевые товары, услуги, наука и техника, валютно-финансовые отношения, капитал и рабочая сила;
- международных институтов и международных экономических режимов, например, механизмов торговли в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), финансирования развития по линии Всемирного банка, а также финансового сотрудничества в рамках Международного валютного фонда (МВФ);
- места, роли и функционирования транснациональных корпораций, финансовых рынков и рынков капитала в мировой экономике в условиях, когда

производство и распределение приобретают все более глобальный характер; проблемам, порождаемым использованием экономической мощи в качестве инструмента внешней политики, и возможностям ослабления или устранения пагубных последствий такой практики.

Таким образом, можно отметить, что в 1985 году было исследовано определение «международная экономическая безопасность», и если отбросить международный аспект, то можно отметить, что экономическая безопасность рассматривалась в контексте следующих подходов: системный подход (состояние стабильности экономической системы и ее взаимодействие с внешней средой); причинно-следственный подход (угрозы экономической безопасности и причины их формирующие); институциональный подход (институты, регулирующие отношения в таких областях, как международная торговля, сырьевые товары, услуги, наука и техника, валютно-финансовые отношения, капитал и рабочая сила); макроэкономический подход (экономическая безопасность отдельных рынков: ресурсного, финансового, производственного); микроэкономический подход (экономическая безопасность с позиции места и роли отдельных предприятий, корпораций).

Кроме того, можно выделить индикативный подход. В работе «Региональная экономическая безопасность в контексте стабильности бюджетной системы» [10] Ефремова Л. А., Лазарева Г. И., Русецкая Е. А., Молчан А. С., Ануфриева А. П. рассматривают экономическую безопасность в контексте стабильности бюджета и анализируют следующие индикаторы: ВВП, годовая инфляция, уровень безработицы, баланс бюджета, доля собственных доходов бюджета в общем объеме доходов, пропорция долга и собственных доходов бюджета. Индикаторы и угрозы экономической безопасности рассматривались в ряде работ российских ученых [11–14]

Все данные, проанализированные выше, позволяют сгруппировать характеристики экономической безопасности следующим образом.

По уровню экономического развития государства: безопасность инвестиционная, безопасность промышленная, безопасность научная и техническая, безопасность зарубежных связей и сотрудничества, финансовая безопасность, энергетическая безопасность, инфраструктурная безопасность.

По уровню социальных стандартов: продовольственная безопасность, демографическая безопасность, социальная безопасность, безопасность закона.

По видам внутренних угроз: сокращение рабочих мест, сокращение масштаба производства, сокращение ВВП, структурные и технологические экономические угрозы, теневая экономика, кризис банковской и финансовой системы в целом, дестабилизация национальной валюты.

По видам внешних угроз: экономическое давление со стороны внешних контрагентов, санкции, экономическая блокада, зависимость промышленности от внешних партнеров, энергетическая зависимость, дестабилизация финансовой системы государства.

ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ...

Если посмотреть на эти индикаторы экономической безопасности с точки зрения модели причины – следствия, то воспользуемся известной диаграммой Исикава (выделены далеко не все причины, но наиболее значимые для бюджетной системы региона) (рисунок 1):

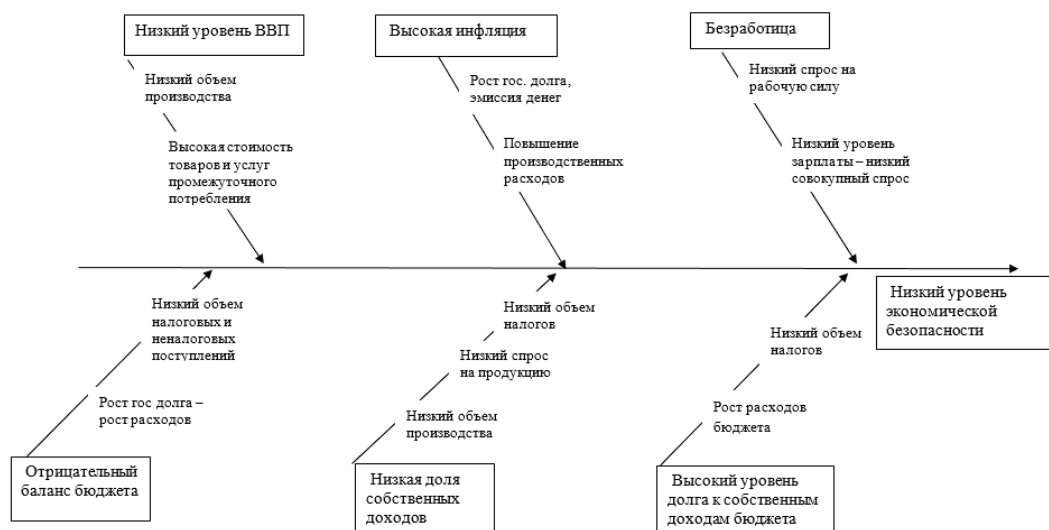

Рисунок 1. Индикаторы экономической безопасности для бюджетной системы региона

Источник: составлено авторами

По мнению академика С. Ю. Глазьева, экономическая безопасность представляет собой такое состояние экономики и производительных сил общества, при котором возможно самостоятельное обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны, поддержание необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции [15].

Академик В. К. Сенчагов в своей работе «О сущности и основах стратегии экономической безопасности России» [16] говорит о том, что экономическая безопасность государства наступает тогда, когда «экономические и властные институты способны обеспечивать гарантированную защиту национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [16]. Таким образом, экономическая безопасность является совокупностью таких характеристик, как защищенность национальных интересов, способность институтов власти создавать механизмы развития отечественной экономики и поддержания социально-политической стабильности общества.

В свою очередь, В. Паньков, рассматривая категорию экономической безопасности, придерживается «позиции устойчивости и акцентирует внимание на

поддержании конкретных характеристик функционирования экономической системы при наличии неблагоприятных факторов» [17]. Если придерживаться вышеизложенной позиции, то экономическую безопасность можно представить в виде такого состояния экономической системы, при котором данная система устойчива к влиянию внутренней и внешней среды, факторы которых при определенных условиях нарушают ее нормальное функционирование, разрушая систему изнутри, и становятся угрозой существования мегасистемы (государства).

Академик Л. И. Абалкин представляет экономическую безопасность в качестве совокупности условий и факторов, которые обеспечивают независимость, стабильность и устойчивость национальной экономики, ее способность к постоянному обновлению и совершенствованию [18].

Что подразумевается под «нормальным состоянием экономической системы», равно как и под «состоянием устойчивости национальной экономики», «самостоятельным обеспечением устойчивого социально-экономического развития страны», «защитой национальных интересов», «социально направленным развитием страны в целом», «обеспечением достаточности оборонного потенциала даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов»?

Все эти состояния системы достижимы при одном условии – наличия достаточного финансового обеспечения национальной экономики. Финансовое обеспечение национальной экономики определяется балансом государственного бюджета, а, соответственно, достаточно доходной частью и рациональным распределением расходной части. Поэтому «бюджет, масштаб и структура его расходов занимает определяющую роль в обеспечении национальной экономической безопасности и нейтрализации угроз национальным интересам государства в области экономики» [19].

Основными национальными интересами в экономической сфере в Республике Беларусь являются [20]:

- «экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений, снижения себестоимости, импортоспособности и материалоемкости производимой продукции;
- сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем;
- обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов;
- достижение уровня энергетической безопасности, достаточного для нейтрализации внешней зависимости от поступления энергоносителей;
- поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности;
- трансфер современных технологий в экономику страны преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов».

ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ...

В соответствии с Законом «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» векторами внутренней политики по развитию реального сектора экономики являются:

- создание условий для эффективного использования национального научного и производственно-технического потенциала и ресурсов;
- содействие обновлению промышленно-производственных фондов на основе материало- и энергосберегающих, а также экологически чистых, безотходных технологий;
- создание условий для ускоренного развития приоритетных конкурентоспособных экспортноориентированных и импортозамещающих производств;
- проведение государственной аграрной политики, обеспечивающей стимулирование повышения эффективности агропромышленного комплекса на базе совершенствования специализации сельскохозяйственного производства и его организационно-экономической структуры, рационального использования земель и государственной поддержки агропромышленного комплекса;
- создание условий для реконструкции и модернизации инфраструктуры транспортных систем и коммуникаций с учетом потребностей общества и национальной экономики, развития региональных транспортно-коммуникационных систем» [21].

Национальные интересы декомпозируются и отражаются в направлениях внутренней и внешней политики государства, а далее в стратегиях развития и программных документах государства. Так, в соответствии с Указом Президента от 29.06.2021 № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» укрепление экономического потенциала государства реализуется через «ускоренное развитие высокотехнологичных производств, производственных мощностей на основе местных сырьевых ресурсов. Ставка будет сделана на увеличение глубины переработки сельскохозяйственного сырья, льна, кожи, древесины, торфа и других местных ресурсов» [22].

Всего в промышленном комплексе запланировано к реализации 26 новых проектов с использованием местного сырья на сумму около 2 млрд рублей. Это одно из направлений, предусмотренных программой.

По всем направлениям экономической политики с учетом национальных экономических интересов разработаны государственные программы, которые отражены в Законе о государственном бюджете на очередной год. Так, в Законе «О государственном бюджете Республики Беларусь на 2022 год» [23] отражены 58 программ. Среди них научно-технические, исследовательские программы, а также программы в экономической сфере и др. Всего насчитывается 38 программ и подпрограмм, связанных с расходами государственного бюджета по разделу «национальная экономика». Общая сумма расходов государственного бюджета на программы и подпрограммы по разделу «Национальная экономика» составляет 2098168259,00 белорусских рублей или 7% от общего объема расходов государственного бюджета.

Однако, как мы рассмотрели выше, экономическое развитие, экономическая безопасность заключаются не только в устойчивости финансовой и экономической систем в целом, но и в устойчивости и развитии социальной системы. Это означает, что экономическая безопасность должна включать в себя и социальные направления расходования средств государственного бюджета для обеспечения стабильности всей экономической системы в целом.

В связи с этим доля государственных программ в ВВП с учетом расходов на социальную сферу (без ФСЗН) составит 27 %.

Расходы государственного бюджета важны и с точки зрения реализации крупных стратегических проектов. Так, рассмотрим инвестора, который хотел бы инвестировать деньги в крупный проект. Перед ним есть несколько вариантов, среди которых и стратегические проекты, связанные с развитием важных отраслей и достижением национальных экономических интересов страны, а также проекты с относительно быстрой окупаемостью (к примеру, строительство торгового центра). Рассмотрим характеристики этих проектов (таблица 1):

Таблица 1. Инвестиционные проекты и сроки их окупаемости

№	Проект	Срок окупаемости
1	Строительство торгового центра	1-2 года
2	Строительство завода по выпуску стекла	3,5 года
3	Строительство ГЭС	5-7 лет
4	Строительство Агротехнопарка	7,3 года
5	Строительство убойного цеха и логистического центра	5 лет
6	Строительство фермы по выращиванию осетровых рыб	3 года

Источник: информация взята из Базы данных крупнейших инвестиционных проектов в промышленном строительстве государств-членов евразийского экономического союза на период 2017–2021 гг. [24].

Выбор инвестора здесь очевиден. Торговые центры окупаются намного быстрее, чем важные, возможно, стратегически значимые, порой даже градообразующие, проекты. Во всем этом важную роль играет государственный бюджет, его доходная часть.

Доходная часть государственного бюджета состоит из налоговых, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений.

Решить задачу количественной оценки влияния экономических показателей, отражающих работу реального сектора экономики государства, на доходную часть государственного бюджета, можно при помощи применения методов статистического моделирования в рамках корреляционного и регрессионного анализа.

В экономико-статистических исследованиях показатели, характеризующие эти явления, могут быть либо связаны корреляционной зависимостью, либо быть независимыми. Корреляционной связью называют частный случай статистической связи, состоящий в том, что разным значениям одной переменной соответствуют разные средние значения другой.

Цель корреляционного анализа – качественно оценить статистическую связь между двумя или более взаимодействующими явлениями.

ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ...

Основной предпосылкой применения корреляционного анализа является необходимость подчинения совокупности значений всех факторных (x_1, x_2, \dots, x_k) и результативного (y) признаков k -мерному нормальному закону распределения или близость к нему. Если объем исследуемой совокупности достаточно большой ($n > 50$), то нормальность распределения может быть подтверждена на основе расчета и анализа критериев Пирсона, Ястремского, Боярского, Колмогорова, чисел Вастергарда и т. д. Если $n < 50$, то закон распределения исходных данных определяется на базе построения и визуального анализа поля корреляции. Данный подход и будет нами использован.

Для определения степени тесноты связи между признаками рассчитывают коэффициент корреляции. Коэффициент корреляции принимает значения от -1 до 1 . Выражая степень связи, коэффициент позволяет определить тесноту связи по своему значению.

Если $|R| \geq 0,6$, то между признаками существует достаточно сильная связь. Если же $|R| \leq 0,3$, то это говорит о слабой связи. В случае если $R = 1$, то связь прямая, если $R = -1$ – обратная.

Коэффициент корреляции позволяет определить направление дальнейшего исследования. Если установлено, что связь сильная, то для получения прогнозов определяют уравнение регрессии, которое выражает статистическую связь аналитически.

Целью построения таких математических моделей является выявление закономерностей и зависимостей, позволяющих использовать полученные математические модели для получения краткосрочных и среднесрочных прогнозов [25].

Рассмотрим с помощью корреляционного анализа, какие факторы в наибольшей степени влияют на доходную часть государственного бюджета, в частности, на налоговые доходы. На примере данных Национального статистического комитета Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь получили следующие результаты (таблица 2).

Таблица 2. Показатели корреляционного анализа

Показатель	Коэффициент корреляции
Корреляция налоговых доходов и объема промышленного производства	0,837330651
Корреляция налоговых доходов и инвестиций в основной капитал	0,871709188
Корреляция налоговых доходов и чистой прибыли в экономике	0,743566784
Корреляция налоговых доходов и оборота внешней торговли	0,802193337
Корреляция налоговых доходов и чистой прибыли организаций	0,717308319

Источник: собственная разработка авторов

Коэффициент корреляции от 0,8 до 1,00 свидетельствует о тесной связи между двумя показателями.

ВЫВОДЫ

Таким образом, экономическая безопасность государства напрямую будет зависеть от эффективной работы реального сектора экономики, от прибыли субъектов хозяйствования, от объема промышленного производства, от инвестиций в основной капитал и т. д.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по заказу Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) № договора Г22-003 от 04.05.2022 г. на тему «Управление государственными активами в системе обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь»

Список литературы

1. Carr E. The Twenty Years' Crisis [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/book/9780333963753>
2. Moravchik A. Liberalism and International relations theory [Электронный ресурс]. URL: https://www.princeton.edu/~amoravcs/library/liberalism_working.pdf
3. Matt McDonald Constructivisms: An Introduction [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/330273227>
4. Romaniuk Scott. 2018. Copenhagen School. In The SAGE Encyclopedia of Surveillance, Security, and Privacy, edited by Bruce A. Arrigo. Thousand Oaks: Sage Publications. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/328232795_Copenhagen_School
5. Buzan Barry, Ole Waever & Jaap de Wilde. 1998. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers. As of 29 October 2019: [Электронный ресурс]. URL: https://www.riennner.com/title/Security_A_New_Framework_for_Analysis
6. Социетальная безопасность [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C
7. Старикова О. В. Теоретико-методологические основы экономической безопасности региональной экономической системы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regionalnoy-ekonomicheskoy-sistemy#>
8. Lesnyakova E. N. Mechanism of realization of national security of modern Russia, economic aspect // Services sector: innovations and quality. 2012. № 8. P. 36–51.
9. Резолюция ООН по международной экономической безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/63732/files/A_44_217_E_1989_56-RU.pdf
10. Ефремова Л. А. Региональная экономическая безопасность в контексте стабильности бюджетной системы [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/327546853_Regional_Economic_Security_in_the_Context_of_Budget_System_Stability
11. Lazareva G. I., Yefremova L. A. Outcomes, tasks and prognosis of budget policies of Krasnodar Krai // Scientific Practical Journal. Economics and Management: Problems and Solutions. 2018. № 5 (76). P. 23–30.
12. Molchan A. S., Saenko S. V. Economic security of the state: modern condition, threats and thresholds // Scientific Works of KubSTU, 2016. № 2. P. 113–124.
13. Senchagov V. K., Ivanov E. A. The structure of the mechanism of modern monitoring of economic security in Russia // Moscow: Institute of Economics of RAS. Centre of Financial Research. 2015. P. 24–31. [Электронный ресурс]. URL: http://inecon.org/docs/Senchagov_Ivanov.pdf

ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ...

14. Yelizarova V. V. The place and role of financial security in the system of providing regional economic security // Economics, Statistics and Information Technologies. 2015. № 2. P. 45–48
15. Глазьев С. Ю. Экономическая безопасность как синоним конкурентоспособности Евразийского союза. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eijournal.ru/jour/article/view/150?locale=ru_RU
16. Сенчагов В. К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35067158>
17. Паньков В. Глобализация экономики: вызовы и ответы Германии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/106/652/1226/05Globalization.doc>
18. Селиванов А. И. Экономическая безопасность России: теоретический и практический ренессанс системного подхода [Электронный ресурс]. URL: <https://financetp.fa.ru/jour/article/download/338/265#:~:text=%D0%90%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D0%BC..5%D>
19. Сенчагов В. К., Гельвановский М. И., Губин Б. В., Иванов Е. А., Караваева И. В., Колпакова И. А., Лев М. Ю., Обухов О. И., Павлов В. И., Рогова О. Л. Роль и оценка финансово-ценовых факторов, обеспечивающих экономическую безопасность при формировании бюджета РФ. Москва, 2016
20. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/#:~:text=8.,%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD
21. Закон «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь направлениями внутренней политики» от 14 ноября 2005 г. № 60–3 (в ред. от 4 июня 2015 г.).
22. Указ Президента от 29.06.2021 № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы»
23. Закон о республиканском бюджете на 2022 год от 31 декабря 2021 г. № 142–3.
24. База данных крупнейших инвестиционных проектов в промышленном строительстве государств–членов евразийского экономического союза на период 2017–2021 годы [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/investproekty_2017-2021.pdf
25. Вильчинская О. В., Тарханова Л. А. Корреляционно-регрессионный анализ в оценке взаимосвязи показателей социально-экономического развития муниципальных образований // Пространство экономики. 2010. № 3–2. С. 148–158.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 339.9

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ АФРИКАНСКИМИ КОЛОНИЯМИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Секачева А. Б.

*Дипломатическая Академия Министерства Иностранных Дел Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация
E-mail: aline_ph@rambler.ru*

В статье проанализированы политические и экономические связи Франции со своими бывшими колониями в рамках международной организации франкоязычных стран (Франкофония, МОФ). Отмечено, что создание Французской колониальной империи происходило в ситуации острого соперничества с Великобританией и Германией, последствия которого сохраняются до настоящего времени. Выявлено, что развитие политических и экономических отношений Пятой республики с прежними колониальными владениями является одним из основных приоритетов ее внешней политики. Доказано, что отношения Франции с африканскими государствами Франсафрики базируются на неоколониальной модели взаимодействия, которая приносит значительные прибыли французскому государству и бизнесу вследствие сохраняющегося во внешнеэкономических отношениях неэквивалентного обмена.

Ключевые слова: колониальная империя, Франция, МОФ, Франсафрика, неоколониальная модель.

ВВЕДЕНИЕ

Организация франкоязычных стран (Франкофония, МОФ) возникла во второй половине XX в. в результате распада Французской колониальной империи и провозглашения независимости новыми государственными образованиями. Особое значение для Франции в этой организации имеют ее бывшие африканские колонии, которые принято называть Франсафрика. В настоящее время по мере роста глобальной нестабильности взаимоотношения Французской Республики с этими странами вступили в сложный период трансформации, на которую значительное воздействие оказывает усиление борьбы между ведущими мировыми державами за сферы влияния на африканском континенте.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

1. Этапы формирования и специфика функционирования французской колониальной империи.

Созданная Францией колониальная империя складывалась на протяжении длительного исторического времени и в своем развитии прошла несколько этапов. До XVII в., как указывается в энциклопедическом словаре Ларусс, «освоение, завоевание и заселение отдаленных земель осуществлялось в основном по инициативе отдельных лиц и компаний, время от времени поддерживаемых королевской властью». При этом Франция вступила на путь колонизации зарубежных территорий гораздо позже ведущих держав того времени – Испании и Великобритании. Так, в

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ...

XVI в. единственным ее значительным владением за пределами европейских границ была Новая Франция, занимавшая территорию современной Канады [1].

По мере укрепления королевской власти, начиная с Генриха IV (1589–1610) и особенно Людовика XIII (1610–1643) и его первого министра герцога А. Ришелье (1624–1642), французская колонизация начала активно поддерживаться на государственном уровне. Она получила и теоретическое обоснование в «Трактате о политической экономии» А. де Монкретьена (1615 г.), который, как и другие европейские ученые того времени, считал правомерным эксплуатацию колоний исключительно в интересах метрополии. В истории экономической мысли он считается первым ученым, употребившим термин «политическая экономия», и одним из видных представителей меркантилистского направления французской экономической школы [2].

Начальным этапом, или Первой колониальной империей в трактовке энциклопедии Ларусс обозначен период с 1661 по 1763 гг. Во времена правления Людовика XIV (1661–1715) его министр финансов Ж. Б. Кольбер считал наличие колоний необходимым условием развития Франции. Они создавались в Америке, Африке, Индии, на островах Карибского бассейна (Санто-Доминго) и Индийского океана (о. Маврикий). Но следует подчеркнуть, что Франция не смогла выдержать соперничество с Великобританией. Поэтому постепенно в конце XVIII и начале XIX вв., особенно после окончательного поражения Наполеона, она лишилась многих колониальных владений. Только с 1830 г. Франция вновь начала проводить политику активной географической экспансии. Так, в середине XIX в. в Африке ею был завоеван Алжир, Сенегал и некоторые другие территории, в Индокитае – Камбоджа, в Полинезии – о. Таити и окружающие его острова.

По мнению авторов Ларусс, окончательное создание Французской колониальной империи произошло во времена Третьей республики (1880–1919). Франция в этот период прочно закрепились в Африке (Тунис, Марокко, Мадагаскар и др. территории) и в Индокитае – во Вьетнаме и Лаосе. После окончания Первой мировой войны за счет побежденных Германии и Турции она получила контроль над Сирией и Ливаном. В результате состоялось окончательное оформление колониальной империи, которая просуществовала в таком виде с 1919 по 1946 гг. В этот период ее максимальная территория достигла 12,5 млн кв. км, на которой проживало 65 млн чел. Для сравнения: территория Франции после Второй мировой войны составляла 551 500 кв. км. с населением около 40 млн чел.

В 1931 г. в Париже прошла Международная колониальная выставка, которая была призвана подчеркнуть «цивилизационную миссию» метрополии на захваченных ею территориях. Но еще в 1874 г. известный французский экономист П. Леруа-Болье в своей книге «О колонизации у современных народов» подводил теоретическую основу под эту идеологию. По его мнению, «колонизация – это экспансивная сила народа, это его репродуктивная сила, это его разбавление и умножение в пространстве... Народ, который колонизирует, – это народ, который закладывает основы своего величия в будущем и своего будущего превосходства... Колонизирующий народ – это первый народ: если его нет сегодня, он будет завтра» [3].

Французские деловые круги подходили к этому вопросу более утилитарно – заморские территории интересовали их, в первую очередь, как источники дешевого сырья, бесперебойная доставка которого предоставляла возможности для развития промышленности и накопления инвестиций. По признанию авторов Ларусс, территории, входившие в империю, должны были производить в основном то, в чем нуждалась метрополия, а их жители, соответственно, принимали «ничтожное участие в представительных институтах французского государства». Естественно, что такая система безжалостной эксплуатации колоний была неустойчивой, и первые признаки распада империи появились уже во время мирового экономического кризиса 1929 г., вызванного «великой депрессией» в США. Сразу после окончания Второй мировой войны, из которой Франция вышла фактически побежденной страной, она была вынуждена признать независимость Сирии, Ливана (1941 г.) и Вьетнама (1945 г.).

Вместе с тем, попытки реорганизации империи предпринимались Французской республикой постоянно, что часто создавало значительные внутривластные проблемы. Тем не менее, образование Французского союза в 1946 г., а затем и сообщества в 1958 г. в определенной мере поставило под контроль Парижа процесс постепенного отпадения от него колониальных владений. И хотя формально на территории большей части колониальных владений были образованы независимые государства, другие ее части (Мартиника, Гваделупа, Гвиана и Реюньон) были преобразованы в департаменты с предоставлением французского гражданства всем их жителям (1946 г.). В этот период Франция должна была признать независимость Индокитая (Лаос, Камбоджа и Вьетнам), Туниса и Марокко (1956 г.), Гвинеи (1958 г.), а затем тринадцати республик так называемой Черной Африки (1960 г.), Алжира (1962 г.), Коморских Островов (1975 г.), бывшего французского побережья Сомали (Республика Джибути, 1977 г.) и новых Гебридских островов (Вануату, 1980 г.).

В настоящее время в бывшую метрополию входят в статусе заморских департаментов и территорий Новая Каледония, Французская Полинезия, Уоллис и Футуна, Сен-Пьер и Микелон, Сен-Мартен и Сен-Бартелеми, Французские южные и антарктические земли [1]

2. Причины создания, цели и задачи международной организации франкоязычных стран.

Стремление Франции не только сохранить, но и укрепить свое влияние в бывших колониальных владениях привело в конечном счете к созданию Международной организации Франкофонии (МОФ; Francophonie, Organisation internationale de la Francophonie), то есть международной межправительственной организации, объединяющей франкоязычные государства [4] В состав МОФ входят страны, в которых хотя бы часть населения использует французский язык, а также государства, признающие особые историко-культурные связи с Францией и поощряющие у себя развитие французской культуры и языка.

Термин «Франкофония» впервые появился в начале 1880–х гг. как выражение культурной общности франкоязычных групп населения. Из западных стран они имеются в значительном количестве в Бельгии, Швейцарии и Канаде. После распада

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ...

колониальной империи это понятие перешло на территории Французского союза, в котором главное место занимали бывшие колонии, а затем и сообщества.

МОФ формировалась постепенно, начиная с 1960-х гг. прошлого века. При этом важную роль в этом процессе играла не только Франция, но и новые независимые государства (Сенегал, Нигер, Тунис и Камбоджа), «сформировавшиеся в рамках французской политической культуры и надеявшиеся на всестороннюю помощь бывшей метрополии в модернизации своих стран» [5]. Вначале это всестороннее сотрудничество относилось только к сфере образования, затем перешло и в другие области. В окончательном виде официально МОФ была создана в 1970 г., а с 1988 г. отмечается Международный день Франкофонии, проведение которого организуют поочередно ее страны-участницы.

Штаб-квартира МОФ расположена в Париже. В 1986 г. в Версале состоялся ее первый глобальный саммит, в котором принимали участие представители 42 франкоязычных государств. Перед его проведением министр иностранных дел Франции Р. Дюма отметил, что это мероприятие исторического значения, на котором следует обсудить проблемы между Севером и Югом и пути их разрешения франкоязычным сообществом. Особое внимание в деятельности организации, по его мнению, следует уделять «технологиям и институтам будущего» [6].

На втором саммите в 1987 г. в Квебеке был создан Деловой форум Франкофонии (Forum francophone des affaires), который является единственной неправительственной организацией, аккредитованной при МОФ [7]. По ее инициативе на саммите в Дакаре в 1989 г. президент Франции Ф. Миттеран объявил о списании задолженности 35 африканским государствам, заявив при этом, что «нельзя позволять финансовым институтам и компаниям спекулировать и обречь на нищету ту или иную слаборазвитую страну» [8].

В институциональной системе МОФ действует Постоянный совет Франкофонии, составленный из представителей глав государств и правительств стран-участниц. Его возглавляет генеральный (исполнительный) секретарь, координирующий текущую работу и отвечающий за организацию и проведение деловых встреч и саммитов. С 2019 г. этот пост занимает бывший министр иностранных дел Руанды Луиза Мушикивабо. Институциональная структура МОФ также включает Парламентскую Ассамблею, Университетское Агентство (AUF), Международную ассоциацию франкоязычных мэров (AIMF), Международный франкоязычный университет Сенгор (Александрия, Египет).

В 1997 г. на заседании в Ханое принята обновленная Хартия Франкофонии, которая потом неоднократно уточнялась и корректировалась. Она определила основные принципы и направления в деятельности МОФ: продвижение французского языка и идей мира, демократии и прав человека; поддержка профессионального, среднего и высшего образования, содействие научным исследованиям; сотрудничество для обеспечения устойчивого развития и солидарности.

В МОФ в настоящее время входит 88 государств и правительств (54 полноправных члена, 7 ассоциированных членов и 27 наблюдателей), в том числе 82 независимые страны, поскольку Бельгия, Канада и Франция представлены в ней

также отдельными провинциями или самоуправляющимися территориями, а американский штат Луизиана был принят в качестве члена-наблюдателя [9].

Идеи Франкофонии последовательно и целенаправленно распространяются через агентство France–Presse (AFP), имеющее 201 региональное отделение в 151 стране (2020), и через СМИ – «Radio France international» (RFI) с аудиторией, составляющей около 44 млн слушателей, а также телеканал «France 24». С 1984 г. действует организованный при поддержке МОФ франкоязычный телеканал «TV5Monde», принимаемый на всех континентах. Это позволяет Франции поддерживать интерес к французскому языку и культуре в условиях тотального превосходства в этой сфере англо-саксонских стран. По оценке Генерального секретаря некоммерческой общественной организации французской светской миссии (MLF) Р. Пильона, «гегемонистское положение английского языка привело к ослаблению позиций французского языка в международных институтах».

Французский язык, по оценкам МОФ, по степени распространенности занимал в 2018 г. пятое место в мире – им владеют 300 млн человек, из которых 235 млн используют его в повседневной жизни, что составляет 3,2 % населения планеты. По прогнозам организации, к 2050 г. численность франкоговорящих людей в мире достигнет 700 млн человек (8 % населения), при этом около 70 % из них будут проживать в странах Африки, переживающей демографический подъем [5]. При этом французский язык – это третий деловой язык в мире и второй в Европе и фактически, как и английский, он стал единственным языком, на котором говорят в качестве родного или второго языка на пяти континентах. Он является официальным или вторым государственным языком в 29 странах, а в целом франкоговорящее языковое пространство включает территории 36 стран.

По оценке Р. Пильона, почти 60 % людей, ежедневно говорящих на французском языке, проживают в Африке и на Ближнем Востоке (44 % в странах Африки к югу от Сахары и в Индийском океане и 15 % – в Северной Африке и на Ближнем Востоке). 33 % из них проживают в Европе (около 28 % во Франции), в Америке живут 7 %, и только 0,3 % проживают в Азии и Океании. Таким образом, африканские страны занимают доминирующее положение на франкоговорящем языковом пространстве.

Следует отметить, что в целом деятельность МОФ не ограничивается только поддержкой французского языка и культуры – она имеет ярко выраженную политическую и экономическую направленность. По мнению Р. Пильона, «Франкофония представляет собой экономическое пространство, которое слишком многие французы, в том числе предприниматели, склонны недооценивать». При этом, указывает он, экономическое значение франкоязычного пространства значительно превышает его демографический вес. На его страны приходится 8,7 % мирового ВВП, 90 % которого создается странами Севера, то есть ЕС и США, 6 % – Магриба и 4 % – африканскими государствами к югу от Сахары. В среднем в 1995–2015 гг., по оценкам Пильона, товарооборот между двумя странами, входящими в данное пространство, на 17,8 % превышал товарооборот между двумя другими странами с аналогичными характеристиками, но не входящими в МОФ. На основании этих данных Пильон утверждает, что «для 36 полностью или частично франкоязычных стран французский язык на разных уровнях может стать фактором

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ...

роста для бизнеса». Для обоснования данного тезиса он приводит данные из доклада известного политического деятеля и ученого Ж. Аттали «Франкофония и Франкофилия как движущие силы устойчивого роста» (2014), в котором констатировалось, что увеличение ВВП на душу населения на 6 % во франкоязычных странах происходило только за счет использования одного и того же языка [9]. Сложно судить, насколько точны эти оценки, но языковой фактор, как справедливо указывает Пильон, особенно важен в определенных секторах экономики и культуры, таких как музыка, кино и туризм.

Таким образом, Франкофония занимает исключительно важное место в системе внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов Французской Республики, что особенно ярко проявляется в ее политике на африканском континенте.

3. Франсафрика в системе политических и экономических связей Франции.

Через 15 лет после окончания Второй мировой войны (1960 г.) 14 французских колоний в Западной и Экваториальной Африке получили независимость – Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того, Камерун, Центральная-Африканская Республика, Чад, Конго, Экваториальная Гвинея и Габон. Остров Мадагаскар, который с конца XIX в. принадлежал Франции, также приобрел суверенитет – там была провозглашена Малагасийская республика [10]. Но и до получения указанными государствами формальной независимости Париж для сохранения своего доминирования на континенте предпринял ряд попыток сохранить Французскую колониальную империю легитимным путем. В 1958 г. территории этих государств стали частью Французского сообщества и были объединены в две региональные группы – Французская Западная Африка и Французская Экваториальная Африка с Мадагаскаром. Тогда же по инициативе президента Ш. де Голля и при поддержке прозападных руководителей африканских стран была создана так называемая Франсафрика (Françafrique), задачей которой стал перевод взаимоотношений между Францией и ее бывшими колониями на новый уровень. В эту группировку вошли также и некоторые бывшие испанские и бельгийские владения.

Фактически Франсафрика представляет собой особую систему как официальных, так и закулисных связей между бывшей метрополией и ее колониями, основу которой составляют экономические и политические сети влияния и мощные группы лоббирования взаимных интересов. Благодаря ей Париж добился подписания устраивающих его секретных соглашений о военном сотрудничестве с африканскими государствами. В настоящее время около 9000 французских военнослужащих дислоцированы в странах Франсафрики, большинство из которых участвуют в миротворческих миссиях ООН. По мнению испанского геополитика Ф. Аранкона, каждая кризисная ситуация в Африке, «в которой французская армия рассматривалась как единственный гарант мира, предоставляет геостратегические возможности для Франции» [11].

Такая политика Парижа вполне укладывается в принципы так называемого колониального пакта, который хотя и являлся формальным правовым документом в

годы существования колониальных империй, тем не менее, неуклонно приводился в жизнь. Он представлял собой свод правил, который регулировал отношения между метрополией и ее владениями и был, как справедливо указано в энциклопедии Ларусс, фактически навязан колониям. Данный пакт предусматривал ограничение доступа иностранных товаров на колониальный рынок; обязательство экспортировать колониальные товары (полностью или частично) в метрополию; запрет колониям производить промышленные товары, поскольку их экономический статус определялся добычей сырья и его первичной обработкой; поддержку метрополией производства товаров с невысокой добавленной стоимостью; политическую, военную, культурную и экономическую «помощь», предоставляемую метрополией с целью сохранения своего влияния на колониальных территориях [12]. Эти положения в той или иной степени сохраняют свою актуальность до настоящего времени [13]. В результате были созданы механизмы так называемого неэквивалентного обмена, позволяющие метрополиям получать односторонние выгоды в экономических отношениях. Применительно к Франсафрике именно этим объясняется тот факт, что хотя формально новые государства получили независимость, их экономика по-прежнему контролируется из Парижа.

В настоящее время на африканские страны приходится примерно 5 % французского экспорта, взамен Франция получает необходимое для ее промышленности сырье: металлы из Центральноафриканской Республики, нефть из Габона, хлопок и золото из Мали. Особое значение для Парижа имеют поставки урана из Нигера, где французская корпорация Areva добывает от одной трети до 40 % урана, используемого французскими АЭС для производства примерно двух третей электроэнергии в стране. Поэтому Аранкон делает вывод, что «дестабилизация ситуации в Нигере может создать серьезную проблему для электроснабжения Франции» [11].

Алогичность сложившейся ситуации подчеркивает тот факт, что основные доходы от экспорта сырьевых ресурсов получают не местные, а французские компании. Поэтому для иностранных специалистов, в основном французов (примерно 300 тыс. чел.), которые постоянно проживают в африканских странах, установлены зарплаты, намного превышающие таковые у африканцев. Казалось бы, данная ситуация вполне укладывается в концепцию «ресурсного проклятия», которая используется «для описания парадоксальной ситуации, когда страна отстает в экономическом плане, несмотря на то, что она обладает ценными природными ресурсами. Ресурсное проклятие также можно назвать ресурсной ловушкой или парадоксом изобилия» [14]. Но нигерийский эколог Н. Басси вполне обоснованно полагает, что «так называемое ресурсное проклятие можно отнести не только к коррумпированным, презренным диктаторам, чье богатство, выведенное за границу, часто превышало государственный внешний долг их стран, но и к неоколониальным отношениям. Возлагать вину за ресурсное проклятие исключительно на диктаторов, как это делают некоторые западные политики, это отказ признать, что колониальный грабег Африки продолжается, движимый теми же путями, которые были проложены... транснациональными корпорациями, торговыми правилами, двусторонними и многосторонними соглашениями, мощными международными

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ...

организациями, такими как Всемирный банк и Международный валютный фонд» [15].

Этот тезис Бассии подтверждается тем, что Франция по-прежнему сохраняет приоритет в плане добычи природных ресурсов на территориях своих бывших колоний. При распределении государственных закупок французские компании рассматриваются в первую очередь, при этом система тендеров как таковая отсутствует. Как отмечает французский журналист и блогер, проживающий в Москве, К. Б. Малапарте, «тот факт, что африканские страны могли бы получить более выгодные финансовые предложения в других местах, не принимается во внимание». Следовательно, страны Франсафрики могут иметь дело с компаниями из других стран, только если Париж не заинтересован в проекте. Как следствие, в бывших колониях все основные экономические активы принадлежат французским фирмам в таких секторах, как водоснабжение, электричество, телефония, воздушный, наземный и морской транспорт, порты, банки. Такое же положение сложилось в торговле, строительстве и сельском хозяйстве [16]. Так, например, в Кот-д'Ивуаре французские компании контролируют все основные коммунальные услуги, а также транспорт и крупные банки. В конечном счете, по оценке портала Silicon Africa, «африканцы сейчас живут на континенте, которым владеют европейцы» [10].

Такая система во многом сложилась благодаря тому, что среди основных условий, выдвинутых Ш. де Голлем африканским странам при получении ими независимости, было принятие валютной системы, основанной на франке КФА (*colonies françaises d'Afrique* – аббревиатура французских колоний в Африке). Он был официально создан в 1945 г., и до настоящего времени его выпуск контролируется Францией.

Эта валютная система предусматривала функционирование двух региональных денежных единиц отдельно для стран Центральной и Западной Африки (франк КФА ВЕАС и франк КФА ВСЕАО). Формально они находятся в ведении региональных центральных банков. Так, Банк государств Центральной Африки, находящийся в Дакаре, выпускает франк КФА для восьми стран (Сенегал, Мали, Гвинея–Бисау, Кот-д'Ивуар, Буркина–Фасо, Нигер, Того, Бенин), а Банк государств Западной Африки в Яунде для шести (Габон, Чад, Экваториальная Гвинея, Центральноафриканская Республика, Конго, Камерун). Но их эмиссия до настоящего времени контролируется бывшей метрополией, а конкретно – казначейством Франции, поскольку с 1961 г. Франция аккумулирует национальные валютные резервы всех четырнадцати стран Франсафрики. Так, с 2005 г. два африканских центральных банка обязались вносить 50 % своих валютных резервов на специальные счета, контролируемые французским казначейством. Сразу после обретения независимости этот показатель составлял 100 %, а с 1973 по 2005 г. – 65 %.

При осуществлении странами Франсафрики экспорта сырья половина полученной на мировом рынке прибыли (в долларах США) также зачисляется на указанные специальные счета. Таким образом, французское казначейство выступает в качестве своеобразного «Банка банков», получая за выполнение данной функции значительные доходы в свободно конвертируемой валюте. При этом Париж разрешает африканским странам получать ежегодно денежные средства не более

15 % от общей суммы валютных резервов. Если необходимо большее количество денег, то они выдаются уже по ставке от 2 % до 6 %. При этом предел заимствований установлен на уровне 20 % от доходов этих стран в предыдущем году.

Это положение действует и в отношении «гуманитарной помощи или пожертвований, которые кто-либо отправляет в эти страны, любая сумма проходит через французское казначейство, половина из которой остается в его распоряжении. Только избранная группа высокопоставленных чиновников казначейства Франции знает суммы, указанные на операционных счетах, куда инвестируются эти средства, и есть ли прибыль от этих инвестиций. Как следствие, африканские страны не имеют достаточных средств для экономического развития и борьбы с хронической бедностью. По экспертным данным, в настоящее время Франция управляет почти 500 млрд евро, находящимися в ее казначействе [10].

Таким образом, африканские центральные банки лишены возможности выдавать кредиты, чтобы стимулировать экономическое развитие, и, соответственно, экспортно-сырьевая ориентация их национальных экономик сохраняется на протяжении длительного времени. К. Б. Малапарте полагает, что хотя «зона франка называется валютным союзом, по факту это проявление политики неокOLONИализма. Пока бывшие колонии не способны управлять собственной экономической базой, их суверенитет и политическая воля не имеют никакого значения». Он указывает, что государствам Африки сложно развиваться, пока Франция контролирует их доход, экономическую и бюджетную политику. Малапарте отмечает, что даже французская гуманитарная помощь Африке в виде кредитов из средств самих же африканских государств поставляется при условии, что эти деньги будут потрачены на французские товары и контракты с французскими компаниями. По его мнению, Франция «сменила статус с жестокого надзирателя на отсутствующего арендодателя, и ей удалось обуздать бывшие колонии до такой степени, чтобы свести на нет их независимость» [16].

В конечном счете, Франция, благодаря созданной ей на базе франка КФА валютной системе, полностью контролирует денежное обращение, финансовое регулирование, банковскую деятельность, распределение кредитов, а также бюджетную и экономическую политику стран Франсафрики. Ж. Ширак после своего ухода с поста президента республики заявил в 2008 г., «что большая часть денег, которые находятся в нашем кошельке, поступает от эксплуатации Африки на протяжении веков» [17].

После заключения валютного союза в рамках ЕС франк КФА был привязан к евро, а Франция гарантировала его конвертируемость в европейскую валюту по фиксированному курсу. Но следует заметить, что требование Парижа использовать франк КФА является лишь одним из элементов сложной системы зависимых отношений, которая жестко привязывает бывшие африканские владения к Франции в полном соответствии с так называемым колониальным пактом. Способствует укреплению этой зависимости также и то обстоятельство, что правящие элиты государств Африки тесно связаны с Парижем неформальными «теневыми» отношениями. Так, в 2011 г. во Франции появилась публикация известного специалиста по Африке Р. Буржи, в которой утверждалось, что «главы африканских

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ...

государств засыпают горами денег» многих видных французских политических деятелей [18]. Кроме того, представители африканской элиты и интеллигенции обучаются во французских вузах, что также способствует укреплению неокOLONиальной зависимости. Именно поэтому Ж. Ширак заявил, что «мы вышибаем им мозги стипендиями. Затем мы видим, что несчастная Африка находится не в блестящем состоянии, что она не порождает элит» [17].

Такое лицемерное заявление Ширака не вскрывает причины данного явления и является очередной попыткой завоевать симпатии образованных групп населения стран Африки, учитывая растущее геополитическое соперничество в этом регионе между Францией, Китаем, США и Россией. Что касается формирования политических элит в африканских странах, то этот процесс жестко контролируется западными государствами. Их прямое или косвенное вмешательство способствовало тому, что за последние 50 лет в 26 странах Африки произошло в общей сложности 67 государственных переворотов. При этом 16 стран из них являются бывшими французскими колониями. Это означает, что 61 % государственных переворотов в Африке были инициированы в бывших французских колониях [10]. Более того, по утверждению «WikiLeaks», вторжение в Ливию в 2011 г. было в значительной степени спровоцировано Францией, которая опасалась стремления М. Каддафи использовать «свои огромные золотые резервы для создания панафриканской валюты» и, таким образом, нивелировать «господство Франции в регионе» [19].

Такое развитие событий вполне укладывается в основные постулаты внешней политики Парижа. Так, Ф. Миттеран в 1957 г. сказал, что «без Африки у Франции не будет истории в XXI веке». Эту мысль в 2008 г. еще больше усилил бывший президент Ж. Ширак, который заявил, что «без Африки Франция скатилась бы до уровня третьесортной державы» [20].

Сохранять свое влияние на африканском континенте Франции также помогает и то обстоятельство, что страны Франсафрики сильно различаются между собой по демографическим, экономическим, религиозным и другим показателям, в том числе и по уровню распространенности французского языка. Если во Франции, где население в подавляющем большинстве говорит на одном языке, этот показатель оценивается в 97 %, то, согласно статистике МОФ, он колеблется от 6 % в Руанде до 73 % на о. Маврикий. В среднем в Африке владеет французским языком менее 50 % населения. Но, как отмечает Р. Пильон, «в этом отношении у нас очень часто возникают искаженные представления». Он указывает, что Сенегал часто называют одним из центров Франкофонии, но только 26 % его жителей говорят на французском языке. Наиболее франкоговорящими странами Африки, по его оценке, являются Габон (66 %), Конго (59 %), Демократическая Республика Конго (51 %) и Джибути (50 %). На французском языке говорят 20 % населения и в 4 других африканских странах – Алжире, Марокко, Тунисе, Мавритании [9].

В настоящее время Франция придает важное значение укреплению позиций французского языка на континенте. Так, в 2017 г. во время визита в Буркина-Фасо Э. Макрон заявил, что французский язык «станет первым языком Африки... и возможно, всего мира» [21].

Следует заметить, что созданная Францией система взаимоотношений с африканскими странами формально осуждается Европейским Союзом [10], но реальных шагов для ее трансформации он не предпринимает. При этом крайне болезненно Евросоюзом воспринимается возвращение Москвы в африканский регион, так как многие государства континента помнят о помощи оказываемой им Советским Союзом в период его существования. При этом против российского присутствия особенно резко выступает прежде всего Франция, которая «претендует на особую роль в африканской политике» [22]. Между тем навязанная странам Африки неокOLONиальная система вызывает отторжение у многих из них, поскольку «поощрение коррупции, тайные сделки, закулисные договоренности, подкуп государственных деятелей, политические убийства, организация военных мятежей и прямое вооруженное вмешательство в дела суверенных государств – все это стало привычным инструментарием французской тайной дипломатии на африканском континенте» [23].

Следует заметить, что такого рода политика негативно отражается и на самой Франции. Коррупция в высших эшелонах государственной власти, как уже отмечалось выше, стала в ней обыденным явлением. По некоторым экспертным оценкам, ее масштабы оцениваются в объеме до 30 млрд евро в год. При этом предполагается, что это заниженная оценка, в которой не учитываются скрытые сделки «с участием высокопоставленных промышленных, профсоюзных и политических деятелей». Некоторые исследователи считают, что эта система пронизывает всю властную вертикаль государства. Так, если «лоббирование и коррупция по-прежнему в основном связаны с транснациональными корпорациями, национальными выборными должностными лицами и международными чиновниками, то многие случаи коррупции местных выборных должностных лиц тщательно скрываются» [24].

Результатом этого является рост социально-экономической и политической нестабильности в стране, который негативно отражается на имидже Пятой Республики. Так, Президент РФ В. В. Путин в марте 2020 г. заявил: «Не хотелось бы, как во Франции. Ну вот смотрите, что там происходит... Там не переставая эти выступления идут, так? Целые отрасли экономики не работают» [25]. Глава российского государства имел в виду протестное движение «желтых жилетов», спонтанно возникшее в конце 2018 г., в котором приняло участие около 300 тыс. чел.

В настоящее время взаимоотношения Франции со своими бывшими африканскими колониями носят довольно противоречивый и сложный характер. С одной стороны, Париж постепенно теряет свое влияние в Африке, но, с другой стороны, он прикладывает максимум усилий для сохранения прежней неокOLONиальной модели взаимоотношений, идя при этом на существенные уступки местным элитам. Прогнозировать дальнейшее развитие ситуации в данном случае крайне трудно, так как на нее, помимо вышеперечисленных причин, существенно влияют глобальные процессы, связанные с системным кризисом однополярной модели мироустройства.

В прикладном аспекте для нашей страны значительный интерес представляет изучение языковой и культурной политики Франции, которая является одним из

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ФРАНЦИИ С БЫВШИМИ...

эффективных инструментов «мягкого воздействия», позволяющего ей длительное время реализовывать свои геополитические и геоэкономические интересы на африканском континенте.

ВЫВОДЫ

Распад Французской колониальной империи, которая существовала несколько столетий, практически не уменьшил политическую и экономическую зависимость ее бывших владений от Франции. Созданная ею неоколониальная система, позволяющая Парижу с максимальной для себя выгодой эксплуатировать свои прежние территории, успешно апробирована в большинстве государств-членов Международной организации франкоязычных стран. Особенно наглядно эта ситуация проявляется в Центральной и Западной Африке (Фрасафрике), в которых функционирует франк КФА. Попытки африканских государств изменить в свою пользу сложившуюся модель экономических взаимосвязей между ними и их бывшей метрополией достаточно последовательно пресекаются Парижем, который использует для этой цели государственные и военные перевороты, а также инструменты так называемого мягкого воздействия. К ним относятся языковое и культурное сотрудничество, совместные бизнес-проекты, подготовка государственных служащих во французских вузах, миграционная политика и др.

Учитывая кризис однополярной модели мироустройства, африканский континент стал полем обостряющейся конкурентной борьбы между ведущими мировыми державами – Китаем, Соединенными Штатами, Россией и Францией. При этом Франция в отношениях с Россией выступает как представитель Запада, и поэтому не заинтересована в расширении российского присутствия в Африке. Вместе с тем, сложная политическая и экономическая ситуация во Французской республике не позволяет ей проводить последовательную стратегическую линию в своей политике по сохранению своего влияния в государствах Франсафрики.

Список литературы

1. Empire colonial français. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedie>.
2. A. Montchrestien de Watteville. Traicté d'économie politique. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6494820d/f9.item>.
3. Paul Leroy-Beaulieu (1843-1916). Biographie. Sciences Po, une histoire coloniale. [Электронный ресурс]. URL: <https://dossiers-bibliotheque.sciencespo.fr>.
4. Официальный сайт Международной организации франкоязычных стран. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.francophonie.org/>.
5. Черкасов П.П. Франкофония. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/5905185.
6. Le Sommet de la Francophonie à Versailles 1986. [Электронный ресурс]. URL: <https://universite-digitale1.com/>.
7. Le Forum Francophone des Affaires ou la francophonie en économie. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.canalacademies.com>.
8. 3-e Sommet de la Francophonie. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.francophonie-avenir.com>.
9. Roger Pihion. La langue française dans le monde. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlfmonde.org/tribunes/la-langue-francaise-dans-le-monde/>.

10. Françafrique - 14 pays africains contraints par la France à payer l'impôt colonial pour les « avantages » de l'esclavage et de la colonisation. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legrandsoir.info/le-saviez-vous-14-pays-africains-contraints-par-la-france-a-payer-l-impot-colonial-pour-les-avantages-de-l-esclavage-et-de-la.html>.
11. Fernando Arancón. La Francáfrica o el imperio neocolonial francés. [Электронный ресурс]. URL: <https://elordenmundial.com/la-francafrica-imperio-neocolonial-frances/>.
12. Pacte colonial. [Электронный ресурс]. URL: https://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/pacte_colonial/35271
13. Houssen Moshinaly. Comment la France pille ses anciennes colonies en Afrique. [Электронный ресурс]. URL: <https://actualite.housseniawriting.com/afrique/2015/02/02>.
14. Jason Fernando. Resource Curse. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/r/resource-curse.asp>.
15. Lee Wengraf. Africa: The myth of the «resource curse». [Электронный ресурс]. URL: <https://socialistworker.org/blog/critical-reading/2017/01/25/africa-the-myth-of-the-resourc>.
16. Малапарте К. Б. Ограбить Африку, накормить Францию. [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/blog/kristian-b-malaparte/394606-ograbit-afriku-nakormit-frantsiiu>.
17. Cyril Bensimon. Jacques Chirac et l'Afrique, une amitié particulière. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/09/26/jacques-chirac-et-l-afrique-une-amitie-particuliere_6013170_3212.html
18. Peachy Carnehan. Affaire Bourgi: Sarkozy également arosé. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/affaire-guerini-squarcini-proche-110949>
19. Avi Asher-Schapiro. Or noir, Nicolas Sarkozy, Kadhafi et intervention en Libye — L'étrange équation retrouvée dans les mails d'Hillary Clinton. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vice.com/fr/article/gy9d49/or-noir-nicolas-sarkozy-kadhafi-et-intervention-en-libye-letrange-quation-retrouvee-dans-les-mails-dhillary-clinton>.
20. Aidan O'Brien. Pourquoi la France ne peut-elle pas laisser l'Afrique tranquille? [Электронный ресурс]. URL: <https://cameroonvoice.com/opinion/2018/01/23/pourquoi-la-france-ne-peutelle-pas-laisser-lafrique-tranquille/>.
21. Emmanuel Macron veut faire du français la première langue d'Afrique et du monde. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/francophonie/2017/11/28/37006-20171128ARTFIG00273-emmanuel-macron-veut-faire-du-francais-la-premiere-langue-d-afrique-et-du-monde.php>.
22. Полонский И. Битва за Африку. Как Россия столкнулась с Францией. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/163275-bitva-za-afriku-kak-rossija-stolknulas-s-franciej.html>.
23. Филиппов В. Р. «Трансафрик» и этика в международных отношениях. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 402–415
24. Jean-François Faure. Les milliards de la corruption en France. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loretlargent.info/argent/milliards-de-corruption-france/17922/>.
25. Владимир Путин: Средний класс в России есть, наша задача его укрепить. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27106.4/4179970>

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 330.821.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Симченко Е. Г.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: ievgen.simchenko@gmail.com*

В данной статье автором обосновывается важность применения политико-экономического подхода к объяснению предпосылок трансформации экономических интересов в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету. В работе раскрыты особенности трансформации экономических интересов субъектов хозяйствования в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету. Перспективой дальнейших исследований определено планомерное использование подхода политической экономии к объяснению действия производительных сил, которые непрерывно меняются и воздействуют на развитие производственных отношений.

Ключевые слова: политическая экономия, политико-экономический подход, экономический интерес, национальный экономический суверенитет, цифровизация.

ВВЕДЕНИЕ

Достижение национального экономического суверенитета происходит в условиях многополярности мира. Исследование трансформации экономических интересов в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету в условиях цифровизации с политико-экономической точки зрения позволяет выдвинуть следующую гипотезу: новые экономические модели меняют формат экономических отношений, значительная часть которых переходит в виртуальную сферу в цифровой экономике. Развитие цифровизации, с одной стороны, способствовало глобализации экономики, а, с другой, «дальнейшие мирохозяйственные процессы и борьба государств за защиту национальных интересов формируют силы, противостоящие глобализации» [1, с. 6]. Речь идет о смещении интересов глобалистики в сторону протекционизма, что в значительной мере обуславливает и трансформацию экономических интересов субъектов хозяйствования.

Формирование протекционизма как «мирохозяйственного режима» [2, с. 39] сопровождается III промышленной революцией и реализацией VI технологического уклада [3]. При этом за последние десятилетия возрастает роль средств производства как лидирующего сектора экономики. По словам С. А. Толкачева, «если в 1980–2010 гг. лидирующим сектором экономики являлись средства коммуникации при доминировании глобализации как мирохозяйственного режима, то в настоящее время и в ближайшие 20–25 лет акценты смещаются в сторону средств производства, неоиндустриализации при ярко выраженном протекционизме» [3]. Развитие экономических отношений характеризуют и необходимость поиска подходов к обеспечению изучения функциональных связей в экономических системах [4].

Средства производства составляют основу производительных сил. Производительные силы и производственные отношения в их единстве представляют собой способ производства. Ввиду стремительного развития цифровых технологий и перехода цивилизованного общества на VI технологический уклад актуальным является обоснование применения такого подхода к объяснению действия производительных сил, которые непрерывно меняются и воздействуют на развитие производственных отношений, который бы системно позволял увязывать функциональные взаимосвязи в экономических системах.

Целью настоящей статьи является обоснование важности применения политико-экономического подхода как системообразующего к объяснению предпосылок трансформации экономических интересов в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономические интересы «той или иной национальной, классовой, культурной, профессиональной, возрастной общности людей отражает экономическая теория» [5, с. 64]. При капиталистическом способе производства собственный экономический интерес выступает важным мотивом деятельности. При капитализме «каждая экономическая единица стремится делать то, что выгоднее всего ей самой. Предприниматели стремятся максимизировать прибыль, рабочие – доход, потребители – сократить расходы и максимизировать полезность» [5, с. 316]. На рис. 1 представлены базовые экономические интересы собственников средств производства, исходя из факторов производства.

Рисунок 1. Базовые экономические интересы собственников средств производства (факторный принцип)

Источник: составлено автором

Отметим, что собственность как важнейшая экономическая категория занимает особое место в изучении процессов трансформации экономических интересов. Традиционно собственность подразделяется на государственную и частную. Каждый из видов собственности имеет различные формы собственности. В основе негосударственной собственности лежит частная собственность. В условиях цифровизации новым видом частной собственности стал искусственный интеллект как объект интеллектуальной собственности. Как указывает А. А. Пороховский, «роль интеллектуальной собственности в распространении искусственного интеллекта двояка. С одной стороны, частная форма интеллектуальной собственности защищена законом, что позволяет собственнику получать доход от использования продукта. С другой – сам факт частной интеллектуальной собственности приводит к тому, что спрос на искусственный интеллект ограничен платежеспособностью реальных и потенциальных потребителей» [1, с. 7]. В данном случае А. А. Пороховский делает вывод о том, что «искусственный интеллект как объект частной интеллектуальной собственности не превращается, как правило, в общественное благо. И только при применении искусственного интеллекта государственными или общественными структурами он становится общедоступным» [1, с. 7].

При общественной собственности на средства производства частный интерес подчинен коллективным интересам общества, и в этом состоит принципиальная разница в сущности экономических интересов при капиталистическом и некапиталистическом способах производства. Так, если при капиталистическом способе производства на первый план выходят личные интересы субъектов хозяйствования, подавляющие общественные интересы и формируя таким образом общество потребительского типа, то при некапиталистическом способе производства личные интересы не являются главенствующими в экономической системе и подчиняются общественным и коллективным группам интересов.

Формирование системы экономических интересов осуществляется на различных уровнях – как базисном, так и надстроечном. Как описывает в своем исследовании Е. С. Стомпелева, на объективном уровне (базисе) формируются конкретно-исторические типы интересов. При этом на субъективном уровне (надстройке) формируются хозяйственные и личные виды интересов [6].

Постоянные изменения в производительных силах вызывают необходимость в изучении динамики предмета экономической теории. Статичность (догматизм) положений мейнстрима (экономикса) в настоящих российских условиях показало свою несостоятельность и низкую эффективность применения. Как отмечает С. Ю. Глазьев, «экономика движется от одного аттрактора к другому. Экономика всегда находится в неравновесном состоянии, характеризуется неравномерным, нелинейным развитием» [2]. Более того, «концепция равновесия, будучи положена в основу организации экономики, дезориентирует лиц, принимающих решения, и не способна предложить меры опережающего экономического развития», – указывают авторы монографии «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду» [7, с. 56].

Изменение предмета экономической теории должно сопровождаться разработкой новой методологии динамического изучения экономических процессов и явлений в

условиях перехода страны к национальному экономическому суверенитету. Как отмечает А. В. Пороховский, «достижение экономического суверенитета происходит в условиях многополярности мира. Системный подход в настоящее время к изучению экономической теории должен реализоваться через политическую экономию, однако в ее современном прочтении» [8].

Формирование системы экономических интересов в современной истории России осуществляется в условиях неуклонной реализации экономической политики нашей страны в направлении обеспечения экономического суверенитета. Исследуя генезис категории экономического суверенитета, ученые М. Н. Дудин, С. В. Шкодинский, Д. И. Усманов отмечают, что «в зарубежной научной литературе акцент делается на возможность государства не только быть экономически самостоятельным в принципе, т. е. иметь собственное видение реализации государственной экономической политики, но и оказывать прямое и косвенное влияние на протекающие глобальные мегаэкономические процессы. В отечественной литературе, напротив, акцент в определении смещен именно на самостоятельность государственных институтов власти осуществлять экономическую политику внутри страны, и уже потом – в международном экономическом пространстве» [10, с. 34]. Принимая во внимание выявленную закономерность, отметим, что предпринимаемые к реализации реформы в России непосредственно влияют на трансформацию экономических интересов субъектов хозяйствования и домохозяйств. Речь идет, прежде всего, о формировании тенденции переориентации системы общественных ценностей с потребительского (западного) ценностно-эгоистичного вектора на гражданско-духовный (евразийский) вектор единения и сплоченности граждан.

В своем исследовании А. В. Бузгалин и С. Ю. Глазьев указывают, что «начало качественных изменений в технологиях, обострение глобальных проблем и геополитэкономических противостояний обусловило необходимость трансформаций в пространстве экономических отношений и институтов. Все еще господствующая модель позднего капитализма находится в кризисе, что признается не только критиками, но и адептами этой системы (в частности, лидерами Давосского форума). В РФ изменения экономической жизни носят еще более глубокий характер. В этих условиях необходимо... адекватно отражать происходящие изменения, готовить предпринимателей, государственных служащих, домохозяйства к принятию решений в новых условиях» [9, с. 4].

Проблема социального выбора, а именно – принятие решений в новых экономических условиях сопряжено непосредственно с экономическими интересами. Говоря о трансформации экономических интересов в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету, важно подчеркнуть роль государственного регулирования в гармонизации экономических интересов субъектов хозяйствования на различных уровнях экономической системы, обеспечении протекционизма государственных решений. Рассмотренная выше, в частности, двоякая роль интеллектуальной собственности в развитии искусственного интеллекта, подчеркивает значимость государственного регулирования стратегически значимых процессов цифровизации для развития экономики. Речь

идет о реализации совокупности программных документов, системно регулирующих реализацию государственной политики в области социально-экономического, политического, духовно-нравственного развития государства.

ВЫВОДЫ

Исследование теоретических подходов к трансформации экономических интересов в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету свидетельствует о возрастающей значимости и роли политэкономического подхода к анализу предпосылок изменения способа производства. Именно политическая экономия представляет собой системный базис формирования интеллектуального макета меняющейся экономической системы. В связи с этим перспективой дальнейших исследований является планомерное использование подхода политической экономии к объяснению действия производительных сил, которые непрерывно меняются и воздействуют на развитие производственных отношений.

Список литературы

1. Пороховский А. А. Искусственный интеллект сегодня и завтра: политико-экономический подход // Экономическое возрождение России. 2020. № 3 (65). С. 4–11.
2. Циклические закономерности развития технологических и мирохозяйственных укладов: монография / С. Ю. Глазьев, Д. А. Митяев, С. А. Толкачев и др. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2022. 280 с.
3. Толкачев С. А. Актуализация парадигмы стадияльного развития в содержании курса экономической теории // Материалы Круглого стола «Проблемы и перспективы российского образования в области экономической теории» (21 октября 2022 г.). М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
4. Некипелов А. Д. Академическая наука в дискуссиях по ключевым вопросам экономического развития современной России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5 (194). С. 21–32.
5. Евразийская политическая экономия / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 767 с.
6. Стомпелева Е. С. Особенности развития системы экономических интересов в воспроизводственном аспекте российской экономики // Теоретическая экономика: электронный научный журнал. 2017. № 6 (42). С. 117–125. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ystu.ru/download/TheorEconom/1-2011.pdf>.
7. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021. 360 с.
8. Пороховский А. А. Страна национального экономического суверенитета нуждается в адекватной экономической теории для системы образования // Материалы Круглого стола «Проблемы и перспективы российского образования в области экономической теории» (21 октября 2022 г.). М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
9. Бузгалин А. В., Глазьев С. Ю. Российское образование в области экономической теории: необходимо обновление // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 4–21.
10. Дудин М. Н., Шкодинский С. В., Усманов Д. И. Эволюция научной дефиниции «экономический суверенитет государства» в классических и новейших теориях кризисов (катастроф) // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 28–46.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

УДК 338.24.01

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Симченко Н. А., Нагорный С. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: natalysimchenko@yandex.ru*

В данной статье авторами обосновывается значимость применения теории систем к развитию системных представлений об институциональном регулировании экономики совместного потребления. Подчеркнута важность применения междисциплинарного подхода к исследованию функциональных взаимосвязей в экономической системе путем использования положений теории эволюционной экономики, институциональной теории. Воздействие экономических институтов на экономические процессы совместного потребления тесно связано с влиянием на трансакционные издержки, что требует дальнейшего исследования и изучения

Ключевые слова: системный подход, теория систем, институциональная теория, эволюционная экономика, экономика совместного потребления

ВВЕДЕНИЕ

Познание закономерностей цифрового развития экономики требует глубокого осмысления основ системной методологии развития концепций цифровизации. Изучение природы эволюции концепций цифровизации должно опираться, безусловно, на системный подход и интегративное изучение особенностей взаимодействия разных систем. В этой связи рассмотрим базовые положения общей теории систем.

Категория системы является центральным понятием гуманитарных, естественных и технических наук. Общая теория систем основывается на положениях биологической науки и характеризуется междисциплинарностью, межинтегративностью, что позволяет применять основные положения данной теории к изучению других объектов на стыке наук. Основателем общей теории систем считается Л. Бергаланфи [1], который фактически ввел новый подход к изучению живых систем. Изучая возможности применения положений общей теории систем к исследованию возрастающей сложности мировых проблем, Л. Бергаланфи доказывал важность рассмотрения комплексных проблем через призму системных и сложных свойств системы, их взаимодействий с другими объектами в окружающей среде.

В исследованиях Л. Бергаланфи введены такие понятия, как [1]: открытые и закрытые системы; взаимосвязь свойств системы и окружающей среды; эквифинальность, т. е. способность системы переходить в одно и то же завершённое (финальное) состояние из разных начальных состояний; изоморфизмы, или структурные, поведенческие и другие свойства, распределяемые по всей системе.

Развитие биологического подхода к пониманию систем нашло отражение в трудах Н. Ф. Реймерса [2]. Классическое определение системы как совокупности

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ...

элементов, находящихся между собой во взаимодействии и образующих новое качество системы, исследовано в трудах видных советских и российских ученых [3], [4], [5], [6], [7], [8]. Нам импонирует определение системы, данное О. В. Козловой: «система – совокупность взаимодействующих элементов, составляющих целостное образование, имеющее новые свойства, отсутствующие у ее элементов» [9, с. 6].

Г. Акоффом сформулированы такие основные признаки системы: «Система – это совокупность из двух и более элементов, удовлетворяющая таким условиям:

- поведение каждого элемента влияет на поведение целого;
- поведение элементов и их воздействия на целое взаимозависимы;
- каждая из подгрупп элементов влияет на поведение целого, и ни одна не оказывает такого влияния независимо;
- каждая часть системы обладает качествами, которые теряются, если ее отделить от системы» [10, с. 142].

В исследованиях Г. Акоффа обосновывается, что каждая система обладает совокупностью существенных качеств, отсутствующих у ее частей. Существенные свойства системы, взятой как целое, вытекают из взаимодействия ее частей, а не из их действий, взятых в отдельности [10]. В связи с этим ученый приходит к выводу, что «система есть целое, которое нельзя понять посредством анализа» [10, с. 156].

Важнейшим свойством системы является ее эмерджентность. По определению Л. Г. Мельника, «эмерджентность – это наличие у системного целого особых свойств, не присущих его подсистемам и блокам, а также сумме элементов, не объединенных системообразующими связями» [11, с. 18].

Целью статьи является рассмотрение предпосылок относительно развития системных представлений об институциональном регулировании экономики совместного потребления.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В течение 50–60-х гг. XX в. ключевые положения общей теории систем тесно связаны с развитием основ информационной теории, кибернетики, особенно в части изучения энтропии, самоорганизации открытых систем.

Развитие определенной области знаний представляет собой последовательное изменение научных парадигм, в процессе которого осуществляется пересмотр базовых теоретических понятий. При этом теоретические модели управления организациями соответствуют определенным этапам становления и развития парадигм, изменение которых связано с изменением формаций.

Важной составляющей смены парадигм является радикальное изменение преобладающего управленческого мышления относительно наиболее эффективного механизма ведения деятельности. По достижению пределов роста соответствующей парадигмы взаимодействие технико-технологической и социально-экономической сфер приводит к появлению и развитию новой парадигмы, которая фактически приводит к революционным трансформациям общественного производства.

Рассматривая системную эволюцию концепций цифровизации, важно изучить основы эволюционной экономики. Понятие «эволюционная экономика» было

введено в 1982 г. учеными-экономистами Р. Нельсоном и С. Винтером. В своей книге «Эволюционная теория экономических изменений» в основу новой парадигмы развития экономической науки ученые заложили идею экономического «естественного отбора» [12]. Считается, что важным гносеологическим источником эволюционной экономики является современная биологическая теория естественного отбора. При этом процесс экономического естественного отбора формирует определенный «организационный генотип», отражающий совокупность свойств и характеристик, позволяющих выживать и развиваться фирме в условиях нестабильной рыночной среды. Отметим, что в экономической науке все больше нарастает совокупность противоречий между положениями теории общего равновесия и эволюционного подхода. Эволюционная экономическая теория развивает положения теории организаций, теории инновационных процессов, экономической истории. Эволюционная теория формирует базис теории социальных изменений.

В рамках эволюционно-инновационной парадигмы можно выделить следующие ключевые направления исследований: трансформация идей в отношении человеческой деятельности; развитие концепции эндогенных предпочтений; идеи ограниченной рациональности, которые были выдвинуты еще Г. Саймоном. Обозначенные тенденции способствовали появлению новой области экономических исследований, охватывающей как эволюционные, так и институциональные аспекты. Поэтому в рамках неозволюционизма получило развитие направление, связанное с анализом эволюции институтов. Также важным фактором развития эволюционной парадигмы следует считать рост значимости фактора неопределенности среды, ее турбулентности, хаотичности. В этом смысле определенную значимость имеют научные достижения Ф. Нортропа [14] и Г. Тинтнера [15], которые подчеркивали невозможность формирования эволюционной теории в рамках ортодоксальной теории, подчеркивая при этом принципиальную несовместимость неопределенности и оптимизационной модели поведения.

Отметим, что значительный сдвиг в развитии эволюционной парадигмы возымела теория экономического развития М. Туган–Барановского. Идеи М. Туган–Барановского в теории экономического цикла фактически стали основой генезиса инновационных теорий экономического развития, которые парадигмально сформировались в контексте Шумпетерианской теории экономического развития. Отметим, что «инновационные перспективы» Й. Шумпетера первоначально не имели должной поддержки среди известных представителей научного сообщества по причине акцентирования внимания последних на проблемах совершенствования моделей экономического роста. Поэтому исторически инновационная теория сформировалась сама по себе только в середине XX в. До этого научно-технический прогресс и технологические изменения еще не рассматривались большинством ученых как основополагающий фактор эволюционно-циклического и институционального экономического развития. Именно в рамках инновационной теории Й. Шумпетера и получила развитие эволюционная парадигма экономического развития общества.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ...

Согласно эволюционной теории, технологические изменения рассматривались как главный фактор эволюции современной цивилизационной системы. Волнообразность этого процесса описывает теория «длинных волн» М. Кондратьева. Главным фактором «длинной волны» считаются именно технологические изменения, обуславливающие структурную перестройку экономики с определенной периодичностью, которая зависит от частоты возникновения и внедрения в производство базовых инноваций, что приводит к образованию отраслей-локомотивов развития и дальнейшему распространению их на всю экономику. Сегодня такими «локомотивами» выступают отрасли, связанные с информационными технологиями.

Глубокий анализ фундаментальных подходов в контексте неосумпетерианского направления был сделан С. Глазьевым и Г. Микериним в известной работе, посвященной проблематике «длинных волн» [18], где критически проанализированы основные труды главных современных представителей этого научного направления: Г. Менша, К. Фримена, Л. Суте, Д. Шмуклера, Д. Кларка, А. Кляйнкнехта, Д. Дохе, Д. Ван Дюйна, А. Грублера, Н. Накиценовича, К. Перес-Перес и других. Обоснование инновационно-технологического базиса экономического роста связано с именами К. Фримена, Л. Суте, Д. Дохе, К. Переса. Развивая идеи Й. Шумпетера и Г. Менша о влиянии базовых научно-технических инноваций на долгосрочную экономическую динамику, К. Фримен и Л. Суте вводят понятие «технологической системы», изменение которой происходит как технологическая революция. Под последней понимается совокупность экономически и технологически связанных инноваций, которые собственно конструируют новую технологическую систему. Технологическая революция приводит к радикальным изменениям технологической парадигмы, влияющей на все процессы функционирования экономики. При этом период существования и необходимость смены технологической парадигмы обуславливаются сугубо экономическими факторами. Достигая пределов экономического роста, хозяйственная система приобретает состояние, когда взаимодействие технической и экономической сфер приводит к образованию новой парадигмы, которая вновь революционно меняет производственную систему.

Необходимость формирования новой парадигмы возникает, как правило, в случае утраты согласованности теоретических моделей с экономическими реалиями, в результате чего накапливаются методологические трудности анализа процессов экономического развития, появляются различные аномалии, случайности, выходящие за пределы существующей парадигмы, вследствие чего случайные процессы не могут быть объяснены существующей парадигмой. Также необходимость появления новой парадигмы может определяться изменением базовых институтов, революционными трансформациями, финансово-экономическими кризисами, необходимостью решения новых глобальных задач.

Отметим, что формирование новой парадигмы – это достаточно сложный и продолжительный процесс. Новейшая парадигма должна отражать изменяющиеся цифровые экономические реалии. При этом парадигма как система научных воззрений должна уточняться и развиваться под влиянием экономических процессов.

Отметим, что любая экономическая парадигма имеет свое предназначение и ограниченность существования во времени.

Разработка экономической методологии цифрового развития сферы услуг обуславливает важность изучения концептов трансформации научных идей в области цифровизации. Критически значимым фактором цифровизации экономики является ИТ-развитие, обусловленное повышением производительности новейших цифровых технологий. Переход к информационному обществу обуславливает вхождение экономических агентов в эпоху турбулентности, что связано как с изменением социально-экономической формации, так и со спецификой развития информационного общества, сопровождающегося беспрецедентными трансформациями общественной системы и ее составных элементов. Отметим, что рыночная турбулентность характеризуется постоянными изменениями рыночной среды, оказывающими существенное влияние на деятельность экономических агентов.

Новая экономика ознаменовала становление в развитых странах экономических и технологических укладов, структурные элементы которых формируются под влиянием развития информационных технологий. Одним из основателей концепции «информационного общества» по праву следует считать В. И. Вернадского [19], предложившего целостную концепцию ноосферы, представляющую собой результат синтеза большого количества данных разных наук, не потерявшей своей актуальности и нынче.

Научные взгляды В. И. Вернадского были развиты Э. Тоффлером [20 с. 71], который в своей фундаментальной работе дал всесторонний анализ новых реалий современного информационного общества. Ученый провозглашал необходимость более широкого применения синтеза в собственном мышлении, поскольку с помощью одного лишь анализа невозможно осознать масштабность и характер происходящих изменений. Начиная со второй половины XX в., активно развивались принципиально новые экономические модели, основой которых была информация. Модель информационной экономики разработана Н. Ф. Реймерсом в 1960 г. Понятие «информационная экономика» стало общепризнанным в обществе. Это «новый способ» развития, заменивший индустриальный, и стал важнейшей предпосылкой развития экономики совместного потребления.

ВЫВОДЫ

Развитие экономики совместного потребления приводит к трансформации социальных и экономических институтов, которые могут как благоприятствовать, так и препятствовать развитию экономической системы. Развитие институтов приводит к снижению транзакционных издержек, что, несомненно, является значительным эффектом развития цифровой экономики. В развитии экономики совместного потребления важное место отводится изучению базовых экономических институтов конкуренции, институтов прав собственности, а также институтов нормативно-правового регулирования, действие которых должно надлежащим образом обеспечивает исполнение договоров. Наряду с перечисленными базовыми

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ...

институтами, значительное влияние на развитие экономических отношений в области совместного потребления оказывает и социальный институт доверия. Отметим, что воздействие экономических институтов на экономические процессы совместного потребления тесно связано с влиянием на трансакционные издержки, что требует дальнейшего исследования и изучения.

Список литературы

1. Bertalanffy L. General System Theory // General Systems. 1956. Vol. I. P. 1–10.
2. Реймерс Н. Ф. Популярный биологический словарь. М.: Наука, 1991. 544 с.
3. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода [Текст]. М.: Наука, 1973. 270 с.
4. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. № 10. С. 15–23.
5. Ладенко И. С. Интеллектуальные системы в целевом управлении. Новосибирск: Наука, 1987. 200 с.
6. Мильнер Б. З., Евенко Л. И., Рапопорт В. С. Системный подход к организации управления М.: Экономика, 1983. 224 с.
7. Пушкарь А. И. Модели управления развитием производственно-экономических систем: монография. Х.: ХГЭУ, 1997. 268 с.
8. Усмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
9. Теория управления социалистическим производством: под ред. О. В. Козловой. М.: Экономика, 1979. 368 с.
10. Акофф Р. Планирование корпорации будущего. М.: Прогресс, 1985. 326 с.
11. Мельник Л. Г. Методология развития: монография. Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. 602 с.
12. Нельсон Р., Сидней У. Эволюционная теория экономических изменений / пер с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. В. Л. Макаров. М.: Дело: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, 2002. 535 с.
13. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер. с англ., под ред. Н. А. Рубакина. Минск: Соврем. литератор, 1999. 1407 с.
14. Northrop F. S. C. The Impossibility of a Theoretical Science of Economic Dynamics // The Quarterly Journal of Economics. 1941. Vol. 56. Nov.
15. Tintner G. The Theory of Choice under Subjunctive Risk and Uncertainty // Econometrica. 1941. Vol. 9. P. 298–304.
16. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политгиздат, 1978. С. 178.
17. Rostow W. W. The stage of economic growth. A non-communist manifesto. Camb., 1960.
18. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. 310 с.
19. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18, вып. 2. С. 113–120.
20. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 669 с.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022

SUMMARIES

REVIEW OF THE MONOGRAPH OF ZINOVYEV F. V., DUDKO V. A. «DEVELOPMENT OF THE HUMAN RESOURCE POTENTIAL OF A SCIENTIFIC SCHOOL»

Velgosh N. Z.

In the monograph submitted for review by Zinoviev F. V., Dudko V. A., the development of human resources is considered on the example of one of the regional scientific schools, as well as the practice of the scientific team, not only of previous generations, but also of modern practice.

Key words: Zinoviev F.V., Dudko V.A., scientific school, personnel potential.

THE POSITIONS OF THE MIDDLE EAST REGION IN THE GLOBAL EXHIBITION AND FAIR INDUSTRY

Voronina T. V., Heder Zuha

The article explores the position of the Middle East region in the global exhibition and fair industry on the basis of comparative analysis. Absolute and relative indicators were selected for analysis: the region's contribution to production of the global exhibition product and the regional gross product, job creation; received direct income from one exhibitor; received income per 1 sq. m. of exhibition area; and the number of exhibitors and visitors to exhibitions in the region. The study concludes that the Middle Eastern countries are significantly behind the North American, European and Asia-Pacific regions in all indicators of development of exhibition and fair activities. The weak position of the Middle East region as a whole in the global exhibition industry is explained by the fact that with the exception of two countries in the region - the UAE and Iran, the remaining states are poorly involved in the exhibition industry due to the priority of beach tourism, regional military conflicts, unstable economic and political situation.

For activation of exhibition and fair activity in the region the following directions are offered, namely: combining the efforts of the region's countries in promotion of exhibition and fair activity; wide implementation of digital technologies and platforms for development of exhibition industry in the region.

Key words: world exhibition industry, Middle East, world exhibition product, exhibiting companies.

STRATEGIC PRIORITIES FOR REGULATION OF THE SPATIAL ORGANIZATION OF BUSINESS IN THE REGION

Gorda O. S., Gorda A. S.

The strategic priorities of regulation of the spatial organization of business in the region are substantiated, which, based on the coordination of the activities of regulatory authorities, formalized norms of state regional policy and prospects for the development of national

spatial policy, should be aimed at creating framework conditions for harmonizing the relationship between business entities and the state through forms, methods, organizational levers. - managerial, legal, financial and economic influence of administrative authorities (state, regional, local) in the field of economic development to achieve maximum regional socio-economic effects from the spatial integration of business.

Taking into account the interests of a balanced spatial development of the country in the context of regulating the spatial organization of business, it is proposed to: institutionally approve the legal status and regulatory instruments of network and virtual forms of spatial integration of business, develop a system of indicators for statistical accounting and monitoring of their activities and the state of development of the business environment of territorial communities to identify prospects for clustering business, institutionally normalize interregional and intermunicipal cooperation in the direction of promoting the processes of spatial integration of business, promote the development of elements of the business support infrastructure (business centers, logistics and information and analytical services, business incubators, consulting, audit and advisory centers) to introduce into the regulatory toolkit of the mechanism management of integration processes institutional elements of transnational (cross-border go, transregional) management; synchronize regulatory mechanisms and management activities in the field of social, economic and spatial development at all levels of the state management vertical from the state to the local level.

The purpose of regulating the spatial integration of business is to form a mutually beneficial model for coordinating the goals of all counterparties of economic integration processes, principles, methods and tools for regulating, managing and stimulating business development processes in regional systems to achieve maximum spatial, economic, social, budgetary, and innovative effects. The paper identifies four types of regulation of the spatial organization of business: deterrent, preventive, protectionist and stimulating, differing both in goals and tools, and in focus groups of objects of policy implementation.

The policy of spatial organization of business in the short term should be guided by the goals of ensuring the development of regions by mobilizing their endogenous potential for entrepreneurship, and in the medium and long term, it is necessary to take decisive action to modernize the economy on qualitatively new models of innovative development and connect national business to global capital flows and technologies through integration forms of spatial business organization. The effective activity of the forms of spatial organization of business will have a synergistic effect on the socio-economic development of the regions, and will also contribute to the preservation and enhancement of their human and financial capital.

The components of the system of information-infrastructure, organizational, managerial, financial and economic support of the policy of spatial organization of business, proposed in the work, based on certain strategic directions, tactical goals, as well as the competencies and tasks of regulatory institutions at the regional and national levels, will contribute to the achievement of the goal of forming a new quality of economic growth and balanced socio-economic development of regions and territorial communities based on the rational use of local economic resources and the competitive advantages of spatial integration.

Key words: integration, spatial organization of business, spatial integration of business, socio-economic development of the region, promotion of spatial integration of business, policy of spatial organization of business.

THE FORMATION OF A MESOLEVEL MONOPOLY: CONDITIONS AND CONSEQUENCES

Ergin S. M.

The monopoly of one city leads to the fact that regional capital gets the opportunity to direct resources to the metropolitan agglomeration, attract investment in industry there, modernize infrastructure using various administrative powers of the regions and government intervention, and thereby creating a fiscal monopoly of one city.

The monopoly of one city can be viewed from the point of view of fiscal government intervention by the regional authorities, the concept of monocentrism and the concept of polycentrism. To identify single city monopolies caused by biased tax authorities and preventive restrictions biased in favor of regional capitals, and to examine whether financially created single city monopolies increase inequality within regions, we propose to use an indicator of the relative level of government intervention in a region. This indicator can be calculated as the ratio of the amount of budget expenditures in the capital of the subject of the federation to such expenditures in the second largest city in the region.

Excessive spatial concentration of industries and economic activities in metropolitan centers leads to inefficiencies and negative externalities. The transition to regional polycentricity with significant diffusion effects helps to reduce intra-regional economic gaps.

Key words: financially created monopoly of one city, intra-regional inequality, disproportions, government intervention

RESOURCE SECURITY OF EUROPEAN MONOPOLIES. COLONIALISM 2.0

Klimovets O. V., Cherenkov V. I.

The authors of the article propose to turn in a somewhat new way, in the context of the problems of implementing the concept of sustainable development, to the centuries-old history of the resource security of European metropolises, which is now practiced on a global scale by the geographically unlimited "collective West". It is noted that the persistently promoted concept of inclusive-sustainable development is in insoluble contradiction with the constantly reproducing deformed division of labor between the core and the periphery (according to Wallerstein) of the world-system of capitalism. It is assumed that many postcolonial studies are characterized to a certain extent by the apologetics of colonialism

Key words: Colonialism 2.0, postcolonial studies, sustainable development, core and periphery of the world system, Westernization, transnational corporations, inclusive and sustainable development.

MATRIX APPROACH TO THE STUDY OF THE PROCESSES OF VIRTUALIZATION OF THE ECONOMY

Korolyov O. L.

The purpose of the article is to develop a methodology for studying the processes of virtualization of the socio-economic system, which is based on a matrix approach that allows you to track the impact of these processes at all levels, from global to personal, their manifestation in production, service, finance, markets and in the social sphere. The scientific novelty of the article lies in the development of a methodology for the study of virtualization processes, in the construction of a virtualization matrix with an explanation of the content of each element, obtained by determining the impact and results of the influence of each of the levels of the socio-economic system and its components. The global, macro, meso and micro levels are considered, as well as the nano level corresponding to the individual. For each level, the results of virtualization in the manufacturing sector, the areas of service and finance, market virtualization and social virtualization are shown. A detailed rationale is provided for the global level.

Key words: virtualization, Internet, socio-economic system, globalization, virtualization matrix, methodology.

THEORETICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE CONDITIONS OF CREATIVE ECONOMY

Kravchenko L. A., Troyan I. A., Goryachikh M. V.

The article deals with the actual problem of the development of human capital in a creative economy. The genesis of the theory of human capital was considered, while the features of cognition of the conceptual and methodological components are highlighted. Approaches to the content of human capital are considered. They differ significantly in the composition of the subjects of economic relations, the mechanism for investing in human and creative capital, strategies for their use and models for generating income. Human capital was defined as a system of socio-economic relations that arise between people in the process of creation, implementation, reproduction, as well as the mobilization and development of human abilities to meet their needs, including for income generation, in certain institutional conditions. The most important components of human capital development are determined. A terminological distinction is made between this concept and related categories, such as "labor force", "human development", "labor resources", "human potential", "labor potential". The differentiation of the main labor categories in the context of macro and micro levels is considered. The role of human capital in the creative economy was revealed. It was emphasized that the creative economy can be called the economic concept of the new economic era, which enhances information and creativity, relying on the ideas and knowledge stock of human resources as the main production factor in its economic activity. Based on the dialectical method of cognition, it was substantiated that in a creative

economy, the development of human capital is determined by the dominant creative component.

Key words: human capital, creative human capital, creativity, creative economy.

MODERN MONITORING AS AN EFFECTIVE TOOL FOR THE IDENTIFICATION OF «BOTTLENECK» IN BUSINESS PROCESSES OF HIGH-TECH ENTERPRISES

Krasina E. N.

The current topic of monitoring based on the upgraded capabilities of software and information support of high-tech equipment operated in the production chain is studied in the paper. Each business process has its own risks of bottlenecks, which, in order to avoid costly losses, it is more rational to eliminate in time. Possible "bottlenecks" in various business processes and their own monitoring methodology are considered in the paper. Own methodology for monitoring them on the example of specific main business processes of a high-tech enterprise based on the detection of deviations in operating activities from established norms is proposed. Preliminary assessment of the effectiveness of eliminating such "bottlenecks" in terms of accounting costs is completed.

Key words: monitoring, functional business processes, bottleneck, regulation, loss estimate.

GOVERNMENT PROGRAMS AND THE LABOR MARKET FOR TEACHERS

Petukhov N. A., Nizhegorodtsev R. M.

The article analyzes the national project «Education» and various state and regional programs aimed at the development of secondary education. On the example of the regions of the Central Federal District, the emerging need for teachers for the implementation of those programs is predicted.

Key words: national project «Education», state program «Zemsky teacher», regional program "Modern school", the need for teachers.

MACRO-REGIONS IN THE CONTEXT OF SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rovenchak O. I., Mirankov D. B.

The article presents the termination of macroregions from different points of view of scientists and argues the classification of macroregions. The Russian and Western European approach to the definition of a macroregion makes it possible to compare and identify the features of regionalization in the Russian Federation and Western Europe. The basis for economic-legal zoning is the development of socio-economic ties between the regions, the

urbanization of the population, the geographical location of the regions, the proximity of the regions to natural resources and transport routes, and the optimal use of the infrastructure of the regions. Changes in politics and the economy in the Russian Federation are sudden and profound. In such a situation, the determination of macroregion will strengthen the economy of the regions, supplement the understanding of the essence of regionalism with theoretical developments, develop a policy for managing the integration processes of the regions, use the positive experience of regionalization of Western European countries and identify and reduce the threats of the negative aspects of regionalization in order to strengthen the statehood of the Russian Federation.

Key words: termination of macroregion, classification of macroregions, region, zoning, spatial economy.

INTERNATIONAL LABOR MIGRATION AS AN ECONOMIC SCIENTIFIC CATEGORY: A NEW CONCEPTUAL APPROACH

Rubinskaya E. D.

Internationalization, international economic regional integration, transnationalization and globalization of the world economy are the most important catalysts for the development of international labor migration, involving all countries of the world in it, shaping the global demand and supply of labor, trends in labor markets, and as a result, contribute to the growth of international migration, change in geographical directions, as well as the qualitative structure of foreign labor. On the other hand, international migration itself, being a complex and ambiguous phenomenon, has a multidirectional impact on the economic, social, political, and cultural development of the population of the whole world. The article proposes a new conceptual approach to revealing the essence of international labor migration, as an economic scientific category, through its multidimensional nature.

Key words: international labor migration, migration processes, economic scientific category, international economic relations, multidimensionality, migration regulation

THEORIES AND APPROACHES TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Ryabova S. S., Rubezh M. G.

This article discusses the existing approaches to clarify the category of «economic security» with the definition of the theoretical characteristics of this category based on an analysis of the opinions of various researchers. From the standpoint of the place and role of the state budget for economic security, an analysis was made of the interdependence of the main socio-economic indicators of the development of the Republic of Belarus and tax and non-tax revenues of the state budget over the past 7 years.

Key words: economic security, approaches and interpretations of economic security, state budget, industrial production, investment, economically active population, unemployment rate, tax revenues of the state budget, non-tax revenues of the state budget.

FEATURES OF FRANCE'S RELATIONS WITH FORMER AFRICAN COLONIES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INTERNATIONAL ORGANIZATION OF FRENCH-SPEAKING COUNTRIES

Sekacheva A. B.

The article analyzes the political and economic ties of France with its former colonies within the framework of the International Organization of Francophone Countries (Francophonie, OIF). It is noted that the creation of the French colonial Empire took place in a situation of acute rivalry with Great Britain and Germany, the consequences of which persist to this day. It is revealed that the development of political and economic relations of the Fifth Republic with the former colonial possessions is one of the main priorities of its foreign policy. It is proved that France's relations with the African states of Francafrica are based on a neocolonial model of interaction, which brings significant profits to the French state and business due to the continuing unequal exchange in foreign economic relations.

Key words: Colonial Empire, France, MOF, Francafrica, neocolonial mode.

TRANSFORMATION OF ECONOMIC INTERESTS IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO NATIONAL ECONOMIC SOVEREIGNTY: POLITICO-ECONOMIC APPROACH

Simchenko E. G.

In this article, the author substantiates the importance of applying a political and economic approach to explaining the prerequisites for the transformation of economic interests in the context of the transition to national economic sovereignty. The paper reveals the features of the transformation of the economic interests of business entities in the context of the transition to national economic sovereignty. The prospect of further research is determined by the systematic use of the approach of political economy to explain the action of productive forces, which are constantly changing and influencing the development of production relations.

Key words: political economy, political-economic approach, economic interest, national economic sovereignty, digitalization.

DEVELOPMENT OF SYSTEMIC CONCEPTS ABOUT INSTITUTIONAL REGULATION OF THE ECONOMY OF JOINT CONSUMPTION

Simchenko N. A., Nagorniy S. V.

In this article, the authors substantiate the importance of applying systems theory to the development of systemic ideas about the institutional regulation of the sharing economy. The importance of applying an interdisciplinary approach to the study of functional relationships in the economic system by using the provisions of the theory of evolutionary economics and institutional theory is emphasized. The impact of economic institutions on the economic processes of joint consumption is closely related to the impact on transaction costs, which requires further research and study.

Key words: systems approach, systems theory, institutional theory, evolutionary economics, sharing economy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вельгош Н. З., кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Воронина Т. В., доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Горда А. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горячих М. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ергин С. М., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Климовец О. В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ»

Королев О. Л., кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и математического моделирования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кравченко Л. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Красина Е. Н., аспирант Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

Мираньков Д. Б., старший преподаватель кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Нагорный С. В., аспирант кафедры управления персоналом ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Нижегородцев Р. М., доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

Петухов Н. А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

Ровенчак О. И., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Рубеж М. Г., старший преподаватель кафедры государственной экономической политики Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Рубинская Э. Д., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Рябова С. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной экономической политики Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Секачева А. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Симченко Е. Г., аспирант кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Симченко Н. А., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой управления персоналом ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Троян И. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Хедер Зуха, аспирант кафедры мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Черенков В. И., доктор экономических наук, профессор Высшей школы менеджмента Санкт–Петербургского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Вельгош Н. З.

Рецензия на монографию Зиновьева Ф. В., Дудко В. А. «Развитие кадрового потенциала научной школы» 3

Воронина Т. В., Хедер Зуха

Позиции Ближневосточного региона в мировой выставочно-ярмарочной индустрии 5

Горда О. С., Горда А. С.

Стратегические приоритеты регулирования пространственной организации бизнеса в регионе 13

Ергин С. М.

Становление монополии мезоуровня: условия и последствия 28

Климовец О. В., Черенков В. И.

Ресурсная обеспеченность европейских монополий. Колониализм 2.0 33

Королев О. Л.

Матричный подход к исследованию процессов виртуализации экономики 40

Кравченко Л. А., Троян И. А., Горячих М. В.

Теоретические аспекты развития человеческого капитала в условиях креативной экономики 49

Красина Е. Н.

Современный мониторинг как действенный инструмент выявления «узких мест» бизнес–процессов высокотехнологичных предприятий 59

Петухов Н. А., Нижегородцев Р. М.

Государственные программы и рынок труда учителей 67

Ровенчак О. И., Мираньков Д. Б.

Макрорегионы в контексте пространственного развития Российской Федерации... 77

Рубинская Э. Д.

Международная трудовая миграция как экономическая научная категория: новый концептуальный подход 90

Рябова С. С., Рубеж М. Г.

Теории и подходы к экономической безопасности государства 98

Секачева А. Б.

Особенности взаимосвязей Франции с бывшими африканскими колониями в рамках международной организации франкоязычных стран..... 110

Симченко Е. Г.

Трансформация экономических интересов в условиях перехода к национальному экономическому суверенитету: политико-экономический подход..... 123

Симченко Н. А., Назорный С. В.

Развитие системных представлений об институциональном регулировании экономики совместного потребления..... 128

Summaries 134

Сведения об авторах..... 142

Содержание 144

Contents..... 146

CONTENTS

Velgosh N. Z.

Review of the monograph of Zinovyev F. V., Dudko V. A. «Development of the human resource potential of a scientific school»..... 3

Voronina T. V., Heder Zuha

The positions of the Middle East Region in the global exhibition and fair industry 5

Gorda O. S., Gorda A. S.

Strategic priorities for regulation of the spatial organization of business in the region 13

Ergin S. M.

The formation of a mesolevel monopoly: conditions and consequences..... 28

Klimovets O. V., Cherenkov V. I.

Resource security of european monopolies. Colonialism 2.0..... 33

Korolyov O. L.

Matrix approach to the study of the processes of virtualization of the economy 40

Kravchenko L. A., Troyan I. A., Goryachikh M. V.

Theoretical aspects of the development of human capital in the conditions of creative economy..... 49

Krasina E. N.

Modern monitoring as an effective tool for the identification of «bottleneck» in business processes of high-tech enterprises 59

Petukhov N. A., Nizhegorodtsev R. M.

Government programs and the labor market for teachers..... 67

Rovenchak O. I., Mirankov D. B.

Macro-regions in the context of spatial development of the Russian Federation..... 77

Rubinskaya E. D.

International labor migration as an economic scientific category: a new conceptual approach..... 90

Ryabova S. S., Rubezh M. G.

Theories and approaches to the economic security of the state 98

Sekacheva A. B.

Features of France’s relations with former African colonies within the framework of the international organization of french-speaking countries 110

Simchenko E. G.

Transformation of economic interests in the conditions of transition to national economic sovereignty: politico-economic approach..... 123

Simchenko N. A., Nagorniy S. V.

Development of systemic concepts about institutional regulation of the economy of joint consumption 128

Summaries 134

Authors Data..... 142

Contents..... 146